

ДУХ
Наследие страха

ДУХ КУНД

ДУХ

ЕИР

ДУХ
Наследие страха

Наследие страха

DEAN R.
KOONTZ

Legacy of Terror

A Novel

ДИКИЙ
КУНДА

Наследие страха

Роман

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2004

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)
К91

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

*Иллюстрация на обложке печатается
с разрешения художника
и литературного агента А. Корженевского*

© Перевод на русский язык
ЗАО «Центрполиграф», 2004

© Художественное оформление серии
ЗАО «Центрполиграф», 2004

ISBN 5-9524-0755-2

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

Элайн Шерред стало не по себе с того самого момента, как она увидела дом Матерли, и впоследствии она не раз вспоминала эти сомнения и спрашивала себя, а не было ли это предвестием катастрофы?

Дом стоял на отроге холма, в окружении нескольких огромных, покрытых наростами деревьев, и выглядел каким-то растянутым, излишне большим. Однако не это обеспокоило Элайн; все дома в этом фешенебельном пригороде Питтсбурга были весьма громоздкими, и все они стояли посреди четырех-пяти акров земельных угодий, за которыми тщательно ухаживали самые искусные садовники. Дом Матерли отличала от прочих каменная кладка в стиле рококо, именно она и привела гостью в замешательство. Под глубоким карнизом, под почти плоской черной шиферной крышей вдоль всего фасада тянулась полоса вырезанного вручную камен-

ного' барельефа, который продолжался дальше по западной стене. По сути дела, эти каменные ангелы и каменные сатиры, застывшие нимфы и орнамент гробниц опоясывали весь дом, словно лентой. Глубоко врезанные в каменные стены окна прикрывали по бокам украшенные резьбой черно-серебристые ставни, которые разительно контрастировали со светлым камнем стен. Дверь главного входа была раза в два больше, чем могла бы потребоваться любому человеку, наподобие портала в храме, высотой по меньшей мере в двенадцать футов и шириной в пять. Ее украшали тяжелые бронзовые ручки, поблескивавшие на фоне дуба, так же как и бронзовые петли. Окна же по обе стороны от входа, в отличие от других окон, были выполнены в виде витражей, не по какому-то определенному образцу, а просто обособленные фрагменты, скрепленные полосками свинца. Внутри круга подъездной аллеи, прямо перед входом, шипел и потрескивал, подобно сковороде, на которую плеснули масла, белый каменный фонтан с тремя бодрыми херувимами, весело расправившими крыльышки. Мостовую вокруг фонтана обрамлял мраморный бордюр, такой же белый, как сам фонтан, сдерживавший на-тиск плодородной земли. На этой темной земле росли и распускались десятки видов цветов, лиловых, красных, желтых и оранжевых. Это ослепительное великолепие смутно отражалось

в белом основании фонтана, создавая иллюзию, что блестит и переливается сам мрамор, что он почему-то чуть ли не прозрачен и вы смотрите сквозь него на цветы, которые красуются с другой стороны поверхности.

Все это было слишком причудливо. Это больше походило на выставочный образец фирмы, торгующей недвижимостью, сооруженный напоказ, а не для того, чтобы жить и работать.

И снова девушку охватило беспокойство, тревога, не поддающаяся определению и истолкованию. Она словно знала, что это место каким-то образом окажется для нее плохим.

Элайн была уверена, что дом должен быть практичным, как можно более простым и прочным. Даже если этот дом — пристанище богачей. Никому не следует выбрасывать деньги на никчемные безделушки вроде каменного барельефа и мраморного фонтана.

Кроме того, все нарядное создает ощущение фальши. Этот искусно украшенный дом, размышляла Элайн, скорее походил на тщательно подобранный комплект театральных задников, прибитых к деревянным скрепам, чем на добротное здание. А лужайка вполне могла бы сойти за настил сцены, упрятанный под зеленый войлок.

Элайн Шерред не доверяла ничему, что не было простым и безыскусным. Ей нравилась

функциональность; все легкомысленное вызывало у нее презрение.

Подобный подход для двадцати трех летней девушки мог бы показаться неуместным. По крайней мере, почти все ее знакомые говорили ей об этом. В средней школе друзей у Элайн было не много, потому что она предпочитала не участвовать в играх и развлечениях своих сверстников. И в госпитале, пока она училась на медсестру, студенты из ее группы и даже некоторые из инструкторов упрекали ее в излишнем пуританстве. Элайн не соглашалась. Собственное видение жизни казалось ей единственно правильным, а не ошибочным.

Элайн притормозила свой «фольксваген» у края тихой дорожки, которая, петляя, уводила вверх по склону холма, к дому Матерли, и припарковалась. Напыщенность здания вывела девушку из равновесия, и ей потребовалось время, чтобы свыкнуться с этим. Если она собирается работать в этом доме — более того, даже жить там в качестве постоянной сиделки Джейкоба Матерли, — ей лучше подавить мгновенную неприязнь, которая возникла у нее при первом осмотре дома.

И как кто-то мог заплатить архитекторам за то, чтобы они соорудили столь экстравагантное нагромождение выпирающих углов и сумрачных закоулков, фонтанов и витиевато украшенных ставней? Это все равно что потратить

целое состояние на несколько тонн зефира, чтобы потом кормить им голодного человека, который предпочел бы хороший бифштекс с картошкой.

Элайн не сразу подумала, что такая острыя реакция на этот дом могла быть обусловлена ее собственным характером. Она лишилась родителей, когда ей было четыре года, и после этого воспитывалась в детском доме, без любви и заботы. И бесстрастный, деловой взгляд на мир был всего лишь защитным механизмом против жизни, который она с годами выработала в себе.

Но дом Матерли поражал своей нелепостью.

Тем не менее, несмотря на все, здесь ее ждала хорошо оплачиваемая работа. И девушка считала, что, если люди, живущие внутри, не настолько претенциозные, как их обиталище, она сможет примириться с таким обилием зефира.

Элайн отпустила тормоз и переключила скорость плавно, как бывалый водитель, хотя купила машину всего месяц назад. Она учились пользоваться стандартной коробкой передач — поскольку привыкла к автоматической — с той же целеустремленностью, какая отличала все, что она делала. Пару минут спустя девушка припарковалась перед фонтаном, возле огромной дубовой двери с бронзовой фурнитурой.

Пока она вылезала из машины, низкие, лиловые облака, которые все утро грозили дождем, внезапно разразились ослепительной вспышкой. В следующий миг последовал оглушительный удар грома, обрушившийся на высокие стены особняка и срикошетивший, как нечто осязаемое.

Элайн не вздрогнула. Она не боялась грома. Она знала все о грозах, их причинах и воздействии на природу, и никакие глубоко укоренившиеся в народе суеверия не могли смутить ее.

У двери она приподняла тяжелый молоток, который, как она теперь разглядела, имел форму волчьей головы и был почти вполовину ее натуральной величины. Тот упал с громким, гулким звуком, который вряд ли мог остьаться без ответа. Она не повторила удар.

Несколько капель дождя упало на мощеный тротуар, на котором она стояла, но Элайн не попыталась укрыться.

Прошла целая минута, прежде чем кто-то повернул изнутри дверную ручку и открыл толстую дверь. В тускло освещенном холле стоял пожилой человек, сутулый и седой, с лицом, изборожденным густой сетью морщин, которые расходились от уголков его глаз, носа и губ. Лицо его выглядело как старый пергамент.

— Да? — спросил он.

— Элайн Шерред к Ли Матерли, — сказала девушка.

— Наша новая медсестра, — кивнул мужчина. Его слегка подобострастные манеры выдавали домашнего лакея, хотя — как показалось Элайн — он, скорее всего, служил у Матерли очень много лет, возможно, с тех пор, когда был так же молод, как она сама. Он пригласил гостью: — Заходите, пожалуйста. Мистер Матерли-младший в рабочем кабинете, он ждет вас.

Элайн наконец ушла из-под дождя, который уже зарядил как следует, и встряхнула своей копной длинных черных волос. Они разметались по воротнику желтовато-коричневого льняного пальто наподобие темного нимба.

— Надеюсь, вам не сложно было нас найти, — продолжил пожилой мужчина.

Это «нас» укрепило Элайн в уверенности, что он работает здесь уже много лет. Он явно считал напыщенный особняк своим домом в той же степени, в какой и домом своего хозяина.

— Совсем не сложно, — подтвердила она. — Мистер Матерли хорошо объяснил дорогу.

— Я — Джерри Хоффман, — представился мужчина. — Я дворецкий и мистер Починика, прислуга за всё, универсальный человек — Пятница этого дома. Моя жена, Бесс, готовит для нас.

— Рада познакомиться, — отозвалась девушка.

Этот ответ был всего лишь вежливостью. Хотя она только-только увидела Джерри Хоффмана, ей подумалось, что она не слишком его полюбит. Было в его манере нечто, предполагавшее сплетника или человека, интересы которого столь разнообразны, что он совершенно непригоден в какой-то одной области. Он казался нервным, проворным и чересчур улыбчивым.

По длинному, обшитому панелями коридору, через главную гостиную, он провел гостью в рабочий кабинет, где объявил о ее прибытии и оставил наедине с Ли Матерли.

Конечно, Элайн встречалась с этим человеком прежде. Он приезжал в город, в госпиталь Пресвитерианского университета, незадолго до выпуска, и беседовал с многими девушками по поводу этой работы. Он был высоким и худым, но мощным человеком, в спортивной куртке которого вовсе не потребовалось бы набивать плечи. Он походил скорее на опрятного дровосека, чем на владельца ресторана, каковым являлся на самом деле. В свои сорок пять он мог показаться на десять лет моложе, обладая мужественной красотой. Голубоглазый, но с темными волосами, седеющими на висках. Он был очень ловким бизнесменом. Он не потратил понапрасну время, когда беседовал с ней,

не потратил лишнего и сейчас — черта характера, которой она восхищалась.

— Для вас приготовили комнату, — без промедления произнес Матерли. — Если вы отдастите ключи от вашей машины Джерри, когда мы закончим, он перенесет ваши вещи из машины.

— Он же совсем слабенький на вид... — за-протестовала было девушка.

— Он не слабый, поверьте мне, — возразил Матерли. — Этот старый козел, возможно, протянет дальше меня — а он работал здесь дворецким, когда я еще учился ходить! Но если вас это больше устроит, можете ему помочь. Моих сыновей сегодня утром нет дома, а не то я попросил бы одного из них помочь вам. Зато Пол, брат моей покойной жены, возможно, захочет предложить вам помочь.

— Я уверена, что справлюсь сама.

— Я тоже уверен, — кивнул Матерли. Он вырвал чек из книжки на своем письменном столе, который явно заполнил в ожидании ее приезда. — Полагаю, с деньгами у вас неваж-но. Я выписал жалованье за четыре недели вперед, чтобы помочь вам войти в колею. По сотне в неделю плюс комната и стол, как до-говаривались.

Элайн взяла чек, поблагодарила его, свернула и положила в плоскую, удобную сумочку, которую носила при себе.

— А теперь, — сказал Ли Матерли, вставая с натянутой улыбкой, — давайте взглянем на вашего пациента?

— С нетерпением жду нашей встречи, — отозвалась Элайн.

— Вы должны понимать, что он уже не тот человек, каким был. Удар очень на нем сказался. — Выражение красивого лица хозяина дома говорило, что болезнь отца так же тяжело отразилась и на нем самом.

Поднявшись по лестнице, они вошли в первую комнату направо. Та, как подумала Элайн, скорее походила на рабочий кабинет, чем на спальню. Стены и потолок были обшиты панелями из дорогого темного дерева, слегка пахнувшего лимоном. В двух стенах находились встроенные шкафы, до отказа набитые томами в матерчатых переплетах. Громадный письменный стол являлся главным предметом обстановки, затмившим собой даже больничную кровать у дальней стены. Два кресла стояли так, чтобы в них можно было сидеть, потягивать бренди и вести беседу, совсем как в кино или романах Конан Дойла. Возле кровати находилось еще одно кресло — инвалидное.

Когда они вошли, старик на кровати повернулся к ним голову и посмотрел на гостей ясными голубыми глазами, такими же проницательными, как у его сына.

— Отец, это Элайн Шерред, девушка, про которую я тебе рассказывал. Отныне она будет твоей медсестрой.

Старик не улыбнулся, не заговорил. Правая сторона его лица была тую стянута, как будто он гримасничал, в то время как другая половина выглядела вполне нормальной. Были видны и другие признаки паралича. Его правая рука была вытянута и поклонилась на груди, странно изогнутая. Нога под тонкой простыней ничем особенным не отличалась, хотя, судя по инвалидной коляске, скорее всего, не была таковой. Вероятно, вся правая сторона его тела была парализована.

— Лекарства хранятся здесь, — показал Ли, подводя девушку к застекленному шкафчику возле кровати. — Глицериновые капсулы от ангины, если она разыграется. А если они не снимут боль в достаточной степени, то вот здесь у нас есть дюжина ампул морфина, а тут — шприц, спирт и марля. В ваши обязанности входит держать доктора Риса в курсе относительно наших запасов и следить, чтобы у нас никогда не иссякало все, что может понадобиться отцу.

— Понятно, — кивнула она.

Матерли, казалось, забыл о ней, пока шел к кровати. Он наклонился и поцеловал старика в щеку, испорченную болезнью. Старый Джейкоб улыбнулся — искаленная уродливая

гримаса на исковерканном лице — и взял своего сына за руку.

— Уверен, тебе понравится мисс Шерред, отец.

Старик не отводил глаз от лица сына. Он кивнул.

— Ну вот и хорошо, — закончил Ли. — Теперь оставляю вас вдвоем, для знакомства.

Он подошел к двери, повернулся:

— Мисс Шерред, я позабочусь о том, чтобы ваши вещи перенесли в вашу комнату. Я уверен, что Пол поможет Джерри с домашними делами. Ваша комната — в конце коридора, справа. Обед сегодня вечером в семь часов. Там вы познакомитесь с остальными домочадцами. — И ушел.

— Он хороший мальчик, — сказал Джейкоб.

Старческий голос поразил ее. Во-первых, она полагала, что ее пациент не может разговаривать, потому что до этого момента он вел себя совершенно тихо. Во-вторых, голос у него был слабый, шепчущий — кваканье лягушки, копирующей английский язык. По какой-то неясной для нее причине Элайн пробрал холодок.

— Он очень энергичный, — подхватила она.

— И он... любит своего отца, — добавил старик.

Девушка встала возле его кровати, глядя на него сверху вниз, сознавая, что он когда-то

был таким же внушительным человеком, как и Ли, хотя теперь болезнь и истощила его. И сказала с профессиональной улыбкой, которая была не вполне механической, потому что этот старик уже ей понравился:

- Я вижу, что любит.
- Он хорошо управляет с ресторанами.
- Так их несколько? — спросила она.
- Четыре, — сообщил он. — И три из них...

лучшие в городе.

- Я схожу, — пообещала она.

Старик взял ее руку, так же как до этого держал руку сына. Его плоть была горячей и сухой, словно хорошо выдубленная и оставленная на солнце кожа. И поинтересовался:

- Вы считаете меня сумасшедшим?

Элайн слегка смущила резкая смена темы разговора, но она постаралась не показать этого.

- С чего бы мне так считать?
- Я не сумасшедший.
- Конечно нет.
- Видите ли, у меня было кровоизлияние в мозг. И у меня плохое сердце. Но, если не считать контроля над некоторыми мышцами... я, в общем, не пострадал. Мой разум... разум пока в полном порядке.

Он измотал себя, разговаривая так торопливо и напористо. Его сухой, тусклый голос угас на последних нескольких словах настолько, что

девушка едва могла расслышать его, — почти нереально, как отголосок мечты.

— Многие люди полностью оправляются после кровоизлияния в мозг.

— Ли так не считает.

— Простите?

Джейкоб повторил:

— Ли считает меня сумасшедшим.

— Ох, я уверена — нет!

— Считает. Он не верит мне, когда я ему что-то рассказываю.

Обеспокоенная, Элайн улыбнулась повеселее и похлопала по его ладони, по-прежнему лежавшей в ее руках.

— Если бы ваш сын так считал, он наверняка сказал бы мне, нанимая на службу. Уверяю вас, он не упоминал об этом.

Старик посмотрел на нее более пристально, изучая взглядом, как будто мог прочитать ее мысли, чтобы убедиться в том, что она говорит правду. Джейкоб отнюдь не выглядел помешанным, наоборот, он был хитер и довольно наблюдателен.

— Но он не поверил мне насчет ножа, — сказал он.

Снаружи гроза обрушилась на дом со всей яростью, разражаясь ударами грома, вспарывая темноту остроконечными молниями, от которых окна на мгновение становились молочно-белыми. Дождь полил с удвоенной си-

лой, настоящий ливень, на короткий миг дав ей ощущение, будто она находится в ковчеге, готовясь к самому худшему.

— Что за нож? — спросила она.

Старик долгое время смотрел на девушку, ничего не говоря, и она была почти готова повторить вопрос или — еще лучше — сменить тему, когда он, наконец, проговорил:

— Я не хочу, чтобы меня снова жалели. Если я расскажу вам, а вы тоже не поверите, мне придется иметь дело с таким же выражением лица, которым меня удостоил Ли. Жальность. Меня от нее тошнит!

— Не думаю, чтобы кто-то мог по-настоящему вас жалеть, — возразила она, нисколько не кривя душой. — Вы потрясающе хорошо сопротивляетесь физическому недостатку, над которым не властны.

— Но не умственному? — спросил он.

— Он определенно не дает о себе знать, — подтвердила она.

Похоже, старик решил, что может ей доверять, потому что кивнул и заявил:

— Кто-то пытался пырнуть меня кухонным ножом.

— Когда это было? — осведомилась Элайн.

— Всего три недели назад.

Девушка задалась вопросом, почему Ли Маттерли ничего не рассказал ей об этом. Происшествие явно до сих пор угнетало разум

пациента, что обязательно следовало учесть при его лечении.

Она спросила:

- Где это произошло?
- Здесь, конечно.
- В этом доме?
- Да.

Ей сделалось не по себе при мысли, что, возможно, старик действительно страдает галлюцинациями.

Она предположила:

- Возможно, это был сон.

Джейкоб непоколебимо стоял на том, что этого не может быть.

— Я видел его зазубренное лезвие. Я закричал. Сил у меня было немного, ведь я недели две как вернулся из больницы. Я спугнул убийцу, кто бы это ни был. Он побежал... но я видел... видел то зазубренное лезвие в лунном сиянии из окон. — Он снова выбился из сил.

— Это случилось ночью?

— Да, — просто сказал он. — Я не мог заснуть, несмотря на успокоительное, которое принимаю каждый вечер. — Он поморщился от отвращения. — Я просто ненавижу пить лекарства, чтобы заснуть.

Элайн решила, что холодная, точная логика — лучший способ справиться с обвинениями старика против домашних.

— Но у вас здесь нет никаких врагов, — задумчиво проговорила она. Ей уже приходилось общаться с жертвами паралича, и она знала, что любое несогласие лишь заставляет их еще больше нервничать и еще больше укрепляет в их мании. Но почему младший Матерли не рассказал ей об этом? Она — квалифицированная медицинская сестра, но нельзя же было ждать, что она так быстро выявит легкую степень помешательства. Если бы Джейкоб Матерли не рассказал ей, что Ли думает об истории с ножом, она, возможно, даже отчасти поверила бы в эту фантазию.

— Никаких врагов, — согласился старик. — Но бывают и такие, кому не требуется повода для убийства. — Он произнес свое утверждение совершенно ровным голосом, что в значительной степени лишило эту идею абсурдности.

— Живущие здесь? — спросила она.

— Да.

— Кто же?

— Вы познакомитесь со всеми за ужином, — напомнил ей Джейкоб. — Приглядитесь к ним всем поближе.

Он вдруг замкнулся, потому что уловил недоверчивые нотки в голосе девушки, несмотря на привитые ей профессиональные сердечность и дружелюбие.

Элайн просто не знала, что сказать, чтобы снова вовлечь его в приятную, ничего не зна-

чащую беседу. Она не могла и дальше потакать ему, как поступила бы с ребенком, потому что он был так стар, что годился ей в отцы. При этом она была настолько сбита с толку его фантазиями о безумии и убийстве, что не могла придумать, как снова направить его в более приемлемое русло разговора.

Пациент, живущий среди иллюзий, неверно истолковывающий действительность, не принадлежал к ее любимой разновидности. Будучи сама очень тесно связанной с реальностью, она не могла справиться с кем-то, пытающимся бежать от жизни посредством дневных грез иочных сновидений. Сама она редко видела сны. А если и видела, то редко помнила, о чем они были.

— Ну что же, — вздохнув, сказала она, — если я вам пока не нужна, то, пожалуй, пойду приведу себя в порядок и распакую вещи. — Она кивнула на шнурок звонка у изголовья кровати. — Он ведет в мою комнату?

— Да, — подтвердил он.

— Значит, вы можете позвать меня, если я вам понадоблюсь.

— Подождите минутку, Элайн.

Девушка уже отвернулась и сделала несколько шагов в направлении двери, но теперь остановилась и снова повернулась к нему. Она вопросительно вскинула голову, ожидая, пока он заговорит.

— Вы знаете про Сочельник? — спросил он. Это была как раз та разновидность абсурдных вопросов, которой она опасалась, и остановившейся Элайн стало неловко. Она поинтересовалась:

— А что насчет Сочельника?

— Вы ничего не знаете о том, что случилось в этом доме в тот Сочельник? — Он на несколько дюймов приподнялся над своими подушками. Его тело дрожало, его шея была так напряжена, что все вены вздулись, а в главной артерии явственно просматривался пульс.

— Боюсь, что ничего не знаю, — согласилась она.

— До тех пор, пока вы не услышите об этом, — а вы услышите, и довольно скоро, — не судите меня. Не списывайте меня со счетов, как болтливого старика... старика, у которого не в порядке с мозгами. Не списывайте меня со счетов, как это сделал Ли... до тех пор, пока вы не узнаете, что случилось той ночью, перед Рождеством.

— А что случилось? — спросила девушка, невольно заинтригованная.

Но он уже сказал больше, чем хотел, и был слишком взволнован ее нежеланием ему поверить. Он не ответил. Элайн покинула комнату и прошла по коридору к себе, прислушиваясь, как гроза бушует над крышей особняка, и спра-

шивая себя, что за гроза назревает в жизни этих людей.

К тому времени как она добралась до конца коридора, она стряхнула с себя эти раздумья. Джейкоб — всего лишь старик, к тому же серьезно больной. Было бы неразумно хоть на миг поверить его рассказням. Вовсе ничего не назревает. В ее кошельке лежит чек на четыреста долларов. Это новая жизнь, ее впервые по-настоящему независимое существование, в стороне от персонала сиротских приютов, и инструкторов из училища медсестер, и деканов с их правилами и распорядком. Если она встретит сложности как подобает и будет уверенно заниматься своим делом, ничего плохого не произойдет.

Глава 2

В обед на ней были удобные синяя юбка и белая блузка, из украшений лишь модная лента в длинных волосах, не дававшая им падать на лицо. Она успешно привела к рациональному началу странный разговор, который у нее состоялся с Джейкобом Матерли, и готовилась хорошо провести время.

Джейкоб не вышел к столу, а свой ужин забрал в комнату. «Он несколько неловок, когда пользуется столовыми приборами, — пояс-

нил Ли, — и не хочет, чтобы кто-нибудь увидел, как он пытается с ними управляться». В то же самое время Джейкоб отвергал любое предложение, чтобы кто-то другой его кормил. Он был воинствующе независимым стариком и намеревался продолжать в том же духе.

Без старого хозяина дома за длинным столом в обеденном зале собралось шестеро человек: Ли, его сыновья Деннис и Гордон, Пол Хоннекер, брат покойной жены Ли, Силия Тамлин, художник-оформитель, которую Деннис привез взглянуть на дом, и сама Элайн. Главной темой вечера стала архитектура особняка и способы, которыми, по мнению Силии, можно было изменить его обстановку так, чтобы выгодно подчеркнуть, а не свести на нет его неповторимый аромат.

Элайн дала бы этому вычурному сооружению множество определений, но ни за что не сказала бы, что оно обладает «неповторимым ароматом». Поскольку всем остальным, похоже, действительно нравилось, как построен этот дом, она держала язык за зубами, разве что, когда спрашивали ее мнение, давала ответы, которые, как она полагала, придется остальным более всего по душе.

— Нет, серьезно, Элайн, — настаивал Деннис Матерли, — не думаете ли вы, что дедушкин вкус в том, что касается этого удивительного дома, был слишком консервативным?

Она отозвалась:

— Я не видела большую его часть. Но мне по-настоящему нравится моя комната и кабинет, который я видела.

— Конечно, некоторые комнаты превосходны, — согласился Деннис. — Но я говорю об общем впечатлении от дома. Гостиная совсем викторианская — и к тому же безвкусно викторианская. Массивная мебель, вся с мягкой обивкой, плохие обои. Тыфу!

Деннис, двадцати пяти лет, был старшим из братьев Матерли, хотя Элайн считала, что он ведет себя как младший. Он все время пребывал в странном возбуждении, которое действовало ей на нервы. Он все находил интересным и старался показать другим, до чего изумительной будет эта ниша или та мансарда, если ее как следует отремонтировать. Он был невероятно привлекательный мужчина, такой же мускулистый, как и отец. Но был в его лице какой-то изъян, в очертании рта — какая-то излишняя тяжеловесность. У него всегда водились деньги, и это испортило его. Одевался он слишком уж броско. Сейчас на нем были темно-синие расклешенные брюки из рубчатого вельвета и рубашка цвета бордо с чересчур многочисленными пуговицами и бесполезными погончиками на плечах. Волосы его падали на воротник и прятали уши так, что видны были только мочки.

Элайн не испытывала к нему особого интереса.

С другой стороны, она нашла довольно обаятельным Гордона Матерли, младшего брата Денниса. Он был такой же спокойный, как она сама, говорил редко, пока не обращались непосредственно к нему. Он не обладал такой броской красотой, как старший брат, и не был таким мускулистым, как отец. Он был худой, напряженный и очень серьезный. Элайн знала о нем лишь то, что он окончил Питтсбургский университет со степенью бакалавра делового администрирования и собирался продолжить учебу, чтобы получить степень магистра. Иными словами, он был человеком целеустремленным.

Деннис же, насколько Элайн могла судить, мало к чему стремился. Он учился живописи и держал мастерскую в половине мансарды. Он не добился финансового успеха своей работой. И Элайн сомневалась, что когда-нибудь добьется.

— Разумеется, — заговорила Силия Тамлин, — пока я исхожу лишь из первых впечатлений. Но я действительно считаю, что вы выиграли бы от изменений, если бы в целом предпочли использовать ультрасовременный калифорнийский стиль для ваших основных комнат. Пластик и многослойное дерево, хром и специально выделанная кожа. Возможно, светлая стена, меняющиеся узоры и цвета.

Контраст между явно готическим видом этого здания и экстравагантной мебелью создаст совершенно новое эстетическое целое.

Ли Матерли был настроен так же скептически, как и Элайн, но он выразил свой скептицизм вслух:

— Мне дом вроде бы всегда нравился. Он неброский и тихий, мебель такая темная.

— А я согласен с Силией, — вставил Пол Хоннекер. — Наверное, это вовсе не мое дело, поскольку я не принадлежу к этой семье, но мне кажется, что в столь сумрачном месте вполне можно использовать светлые стены.

Пол был крупный, румяный мужчина, с ладонями величиной едва ли не с обеденные тарелки. Его волосы были в беспорядке, он и вообще выглядел так, будто спал в одежде. Несмотря на этот признак неорганизованности, Элайн он скорее понравился. Как она поняла, он был до боли правдивый человек, что доказал несколько раз за едой, заявляя о своем несогласии с какой-нибудь особенно безумной идеей, предложенной художником-оформителем. И если он согласился с ней сейчас, то не просто пытался сгладить острые углы, но искренне выражал свое мнение.

— Так вот, — объявил Деннис, закончив с едой, — я попросил Силию остаться у нас по крайней мере на ночь, чтобы ощутить здание изнутри.

— Хорошая мысль, — согласился Ли, как будто надеялся, что теперь неуклюжая темная мебель понравится гостье так же, как и ему.

Даже если художница не сумеет полюбить это место, Ли даст Деннису согласие на крупные перемены без особых возражений. Элайн была уверена в этом. Она уже видела, что Ли благоволит своему более ярко разодетому сыну. Но не могла сказать почему.

— Или еще лучше, — продолжил Ли, — почему бы вам не остаться на весь уик-энд, Силия? Если у вас нет других планов, то милости просим.

Дело было в четверг вечером, до конца рабочей недели оставался еще целый день, но Силия сказала, что может себе это позволить.

— Ну тогда, — оживился Деннис, — вам лучше отправиться в город и собрать вещи. Мне поехать с вами?

Силия отказалась:

— Нет, нет. Я успею съездить в город и вернуться обратно к одиннадцати, это не очень поздно. Мне не нужен провожатый. К тому же я знаю, как сильно вам хочется закончить картину, над которой вы работаете.

— Вообще-то мне действительно не терпится продолжить работу над ней, — признал Деннис.

— Еще один пейзаж? — поинтересовался Гордон. Это был один из немногочисленных

случаев, когда он заговорил по собственной инициативе.

— Нет, нечто особенное, — мечтательно протянул Деннис, не обращая внимания на язвительные нотки в голосе брата.

— Тогда портрет Силии?

Деннис засмеялся:

— Ты же знаешь, что я бросил портреты, когда отец даже не узнал себя на том, что я рисовал с него. Мой талант не простирается в этом направлении.

Та легкость, с которой старший брат признал пределы своих возможностей, в обычных обстоятельствах понравилась бы Элайн. Но сейчас это показалось просто еще одной составляющей безответственной натуры Денниса. Он знал, что не обладает талантом художника, и все-таки упорно продолжал тратить на это свое время. Элайн видела, что Гордон думает то же самое.

— Тогда вы оба вполне можете покинуть нас, — сказал Ли.

— А как насчет меня? — осведомился Пол.

Ли ухмыльнулся:

— Ты не захочешь пропустить десерт.

— Совершенно верно.

Бесс, жена Джерри, грузная женщина, воплощавшая в себе все стандартные материнские добродетели (добродушие, ласку, кротость и фантастические кулинарные способности),

принесла персиковый слоеный торт, о котором она гордо объявила как о завершающем блюде еще перед тем, как подать первое. Торт был просто обведение, о чем все не преминули сообщить. Удостоившись похвалы, кухарка удалилась в кухню, сияя от удовольствия.

После обеда Элайн собиралась проводить своего пациента, но ее перехватил Гордон Матерли, который встретил ее на нижней площадке лестницы:

— За обедом вы сказали, что почти не видели дом. Не желаете пройтись?

— Я думаю, что пора взглянуть на вашего дедушку, — возразила девушка.

— Если вы ему понадобитесь, раздастся звонок. К тому же он не ложится спать так рано, как хотелось бы доктору. Он будет читать или попусту тратить время до десяти или одиннадцати.

— Тогда, пожалуй, вреда от задержки не будет никакого, — согласилась Элайн.

— Вот и хорошо, — кивнул Гордон и самым галантным образом подал ей руку, без капли нарочитости.

Все восемь комнат внизу были обставлены, наподобие гостиной, тяжелой мебелью красного дерева, при обоях с темными листиками и цветками, — за исключением рабочего кабинета, обшитого дорогими панелями, и кухни,

оборудованной всеми новейшими агрегатами, которые Бесс только могла пожелать. Даже игровая, с бильярдным столом и полками для спортивного инвентаря, походила на старую гостиную, в которую эти атрибуты современности были свалены как попало.

— Мне дом нравится таким, какой он есть, — сказал Гордон, когда они облокотились о бильярдный стол, чтобы немного передохнуть.

— Пожалуй, мне тоже, — согласилась Элайн.

— Вся эта модернистская дрянь, которую так расхваливает Силия, устареет и перестанет быть стильной уже через год. А вот мебель, что у нас есть, — она никогда не устареет. Она прочная и надежная.

— Ваш отец, похоже, согласен с вами.

— Но он позволит Денни гнуть свою линию. Он всегда позволяет Денни гнуть свою линию. — Если в тоне Гордона и премелькнула горечь, то вовсе не та, что ей доводилось слышать прежде. Казалось, он лишь констатирует факт.

— Ваш брат, похоже, весьма увлечен Силией, — вставила Элайн. Она сказала это, чтобы выяснить, не сразила ли эта блондинка также и Гордона. Она надеялась, что нет.

— Денни никем особо не увлекается, кроме себя самого. Все девушки буквально благоговеют перед ним. Ему это нравится.

— Она очень хорошенъкая, — заметила Элайн.

— Силия?

— Да.

— Гм, пожалуй.

— Эти светлые волосы и приятный цвет лица. — Элайн бессознательно дотронулась до своей оливковой кожи, очертила круг на щеке, как будто могла почувствовать собственный оттенок.

— Меня она не привлекает, — отрезал Гордон.

У него это получилось очень категорично, и девушка почувствовала, что на самом деле он чуточку завидует. Завидует Денни из-за девушки. Деннису, вероятно, всегда доставались более симпатичные партнерши, потому что многих женщин, особенно из разряда глуповатых, вроде Силии Тамлин, больше очаровывает внешность мужчины, чем склад его характера.

Элайн обнаружила, что с Гордоном легко разговаривать, и почувствовала, что он открывается ей, хотя это ему вовсе не свойственно. Сдержанность натуры, какая-то осмотрительность во взаимоотношениях с остальным миром делала их в определенном смысле родственными душами. К тому времени, когда они осмотрели большую часть второго этажа, включая застекленную террасу, она уже чув-

ствовала себя с Гордоном в достаточно хороших отношениях, чтобы задать вопрос, который весь вечер не давал ей покоя:

— Я так понимаю — или мне кажется, что понимаю, — что в прошлый Сочельник семья пережила какую-то трагедию.

Гордон моментально изменился в лице. Его лоб наморщился. А губы сжались так, что обескровели. Он пробормотал:

— Значит, соседи уже вам доложили.

— О чем?

— Они никак не покончат с этими разговорами, хотя прошло уже пятнадцать лет.

— Я думала, что это был прошлый Сочельник...

— Пятнадцать лет назад. И если уж они взялись за вас, то вы знаете историю во всех ужасных подробностях, ведь так? — Он явно рассердился, как будто Элайн была повинна в каком-то невообразимом преступлении.

— Я не разговаривала с вашими соседями, Гордон, — запротестовала девушка. Она парадоксальным образом чувствовала себя так, словно ей приходилось оправдываться. — Ваш дедушка упомянул об этом, но не рассказал, что тогда случилось. И я заключила из разговора с ним, что что-то случилось здесь не далее как в прошлый Сочельник.

Лицо Гордона немного смягчилось, хотя ему все еще было далеко до того разговорчи-

вого и обаятельного человека, который водил ее по дому. Он вздохнул:

— Вы должны извинить дедушку. Он все перепутал после своего удара.

— Я так и подозревала.

— Что именно он вам сказал?

Элайн пересказала тот мрачный разговор.

— Кто-то пытался его убить? — недоверчиво переспросил Гордон.

— Он так утверждает.

— В первый раз об этом слышу.

— Очевидно, он рассказывал вашему отцу.

Гордон нахмурился:

— И папа не захотел, чтобы прочие узнали, насколько старик свихнулся.

— Ваш отец, похоже, искренне за него беспокоится.

— Они близки. Ближе, чем я с папой. — Последнее было сказано с явным недовольством.

— Так что тогда произошло? — спросила Элайн, достаточно заинтересованная, чтобы продолжить тему дальше.

— Я предпочел бы не говорить об этом.

— Простите, если я сунула нос...

— Вам, наверное, пора осмотреть дедушку, — резко произнес он. Отвернулся и спустился по лестнице.

Что бы ни произошло в тот Сочельник пятнадцать лет назад, это было поистине неприятное событие. Старик так и не собрался с

духом, чтобы рассказать ей, и Гордон явно побоялся. Но почему он не осмелился? Было ли это нечто, что вызовет у нее такое отвращение или настолько ее испугает, что она в конечном счете решит не работать здесь?

Элайн втиснула свое воображение в консервную банку и наглухо запаяла. Лучше ей заняться делом, как и посоветовал Гордон, и проверить, все ли в порядке с Джейкобом.

Старик сидел в одном из кресел, еда с подноса была в основном съедена или сдвинута в сторону. Раскрытая книга лежала у него на коленях, хотя не похоже было, что он ее читал.

— Идите сюда и присаживайтесь, — приветствовал он девушку. Голос его был словно напильник, которым водят по наядаку, ломкий, как сахарные кружева, и готовый разлететься на бесчисленные осколки.

Элайн уселась в кресло напротив старика, и гигантские подлокотники, высокая спинка и толстая обивка словно проглотили ее. Кресло было удобным до неудобства.

— Вы уже познакомились с ними всеми? — спросил Джейкоб.

— Да, — кивнула она. — Бесс — великолепная кухарка.

— Я нанял Джерри и Бесс, когда был совсем молодым — а они еще моложе. Но речь сейчас не об этом. Я хочу рассказать вам о других.

— Рассказать что?.. — решила уточнить Элайн. Она находила, что, учитывая жалкое состояние старика, ей проще сохранять спокойствие. Девушка полагала, что в скором времени, через каких-нибудь несколько дней, она сможет слушать его бредовые рассказы о попытке убийства, не показывая своего недоверия.

— Давайте для начала возьмем Пола. Он является... был — в каком бы времени мы ни рассматривали эту ситуацию — младшим братом Амелии, жены Ли. Он в точности тех же кровей, каких была и она, и потому мы должны уделить ему более пристальное внимание, чем любому из мальчиков. — Старик сухо кашлянул и проговорил: — Что вы о нем думаете?

Элайн сказала то немногое, что могла, по поводу того, какого она мнения о Поле после первой встречи.

— Когда вы узнаете его получше, — продолжил Джейкоб, — то увидите нечто большее, чем легкость характера. Бедный мальчик не может удержаться на работе. Ему тридцать семь лет, и он хронический безработный. Такова его натура. Он не выносит боссов. Так же, как Амелия. Она терпеть не могла выполнять распоряжения или даже откликаться на просьбу, к которой не прибавляли «пожалуйста». Он живет здесь, потому что Амелия по завещанию предоставила ему здесь место на то время, пока он жив. Она

знала, насколько он беспомощен. Она также оставила ему в акциях и облигациях одну треть средств, в которые Ли превратил наследство, полученное ею от матери.

Элайн вставила:

— Вы говорите весьма нелестные вещи о Полье, но, похоже, вы его любите.

— Люблю. Мальчик не виноват, что в нем течет кровь Хоннекеров, та же кровь, которая погубила Амелию. Мне жаль его. Я желаю ему самого лучшего. Но факт остается фактом: он приходился ей братом и за ним нужно присматривать.

Мягкое кресло, казалось, становилось все мягче, пока она слушала бессвязный бред старика и пыталась придумать, каким образом ей сменить тему.

— У Денни, — рассуждал старик, — великое множество талантов. Он неплохой художник. Он играет на фортепьяно и на гитаре и немного пишет.

— Он показался мне легкомысленным, — поморщилась девушка.

Джейкоб вскинул брови, потом хмыкнул.

— Да, есть такое. Он определенно легкомысленный. Он тратит свой ежемесячный чек, обеспеченный имуществом своей матери, так, как будто самому понятию денег предстоит испепелиться на следующий день. Ему нравится общество хорошеных девушек — а

хорошенькие девушки всегда требуют денег. Он ездит слишком быстро и пьет многовато. Но в конце концов, что во всем этом предосудительного?

— Он еще молодой, — сказала Элайн. — Но когда ему исполнится сорок или пятьдесят и он так ничего и не добьется, что он будет о себе думать?

— Возможно, вы судите его слишком строго. Но это хорошо. Будьте осторожны с ним, ведь половина его крови — это кровь Хоннекеров. Так же, как и у Гордона.

— Он мне нравится.

— Гордон — какой угодно, только не легкомысленный, — согласился Джейкоб. — Он будет управлять семейными инвестициями и в конечном счете ресторанами. Но иногда мне хочется, чтобы он сделал что-нибудь и для собственного удовольствия.

Она подалась вперед в кресле:

— Я в замешательстве, мистер Матерли.

— Насчет чего?

— Почему это имеет значение — то, что половина их крови от Хоннекеров, а у Пола и вовсе вся кровь?

— Родители Амелии и Пола — двоюродные брат и сестра. Как медсестра, вы должны знать, что в результате браков между столь близкими родственниками будущим поколениям часто передаются нежелательные гены.

- Например, гемофилии.
- И кое-что похуже, — загадочно произнес Джейкоб.

Он явно старался напугать ее, как напугал прежде, но ему это не удавалось. Страх перед неизвестной величиной лишен смысла. Бояться можно только чего-то конкретного, чего-то ощутимого, угроза чего явственно видна. До сих пор все то, чего боялся Джейкоб, казалось несущественным.

- Например?
- Вы еще не узнали про Сочельник?
- Лишь то, что это случилось давным-давно, пятнадцать лет назад. — Она улыбнулась и наклонилась к собеседнику. — Так что не стоило бы вам беспокоиться о чем-то давно позабытом, мистер Матерли.
- Вы не знаете. Вас не было здесь.
- Расскажите.
- Это была худшая вещь в моей жизни, — сообщил он. — Это было худшой вещью, которую я когда-либо видел. А я, знаете ли, видел войну. Я очень много повидал, но все это бледнеет по сравнению с тем, что случилось той ночью. — Он говорил очень быстро, едва не запыхавшись.
- Не будоражьте себя, — вмешалась в рассказ девушка, обеспокоенная его самочувствием, испугавшись, что она, возможно, спровоцировала у него приступ гипертонии.

Его рука заметалась на груди. Он слегка согнулся, как будто пытался обхватить боль своим телом и удушить ее. Его лицо — та половина, которая не была постоянно скорчена в гримасе, — исказилось от муки.

Элайн быстро поднялась и подошла к медицинскому шкафчику, где нашла нужные таблетки. Она принесла старику две и дала выпить одну с глотком воды из стакана с подносом.

Джейкоб оставался скрюченным в три погибели еще несколько минут.

Но вскоре после того, как она дала ему вторую таблетку, он откинулся назад и вздохнул свободнее. Приглушенные стоны, прежде рвавшиеся из его горла, прекратились.

— Ангина, — прохрипел он. Слово причинило такую же боль, как и описываемые им симптомы. Ему претила мысль о том, чтобы быть больным, зависимым. — Теперь полегчало.

— Вам лучше лечь в постель, — сказала она.
— Возможно.
— И поспать.
— Еще совсем рано! — запротестовал он, как ребенок.

— И все-таки, я думаю, вам следует принять успокоительное и попытаться заснуть.

Старик сделал, как она просила. И уже через двадцать минут крепко спал. Она подоткнула ему одеяло, погасила свет, включила

маленький ночник и покинула его комнату, тихонько затворив за собой дверь.

Какая неудача, что приступ случился именно в то время, когда ей вот-вот предстояло уз-нать, чего Джейкоб Матерли так боится в крови Хоннекеров — и что случилось в тот та-инственный Сочельник более пятнадцати лет тому назад.

В своей собственной комнате, переодевшись ко сну, Элайн выбрала книгу из полудюжины романов в дешевой обложке, которые привезла с собой, и устроилась под балдахином большой кровати. Когда она закончила всего одну главу, глаза ее уже слипались. Она сделала закладку и выключила свет. Обычно она не ложилась так рано, но ее утомили сбор вещей, езда на автомобиле, распаковка и знакомство с новыми людьми. Казалось невероятным, что это ее первый день в доме Матерли. Не иначе как она провела здесь годы. По крайней мере месяцы. Самое меньшее — недели. Сон наступил мгно-венно.

Во сне — в одном из ее редких снов — на-ступила ночь перед Рождеством, и она раньше срока открывала свои подарки. Она больше не верила в Санта-Клауса, так что толку до-ждаться рассвета? Одним из подарков была большая красно-зеленая коробка с бантом, сплетенным из множества лент. Она заинтег-совалась, что это такое большое ей могли по-

дарить, и ей захотелось открыть это в первую очередь. Она сорвала крышку и наклонилась вперед, заглянула внутрь, напряженно сглотнула, открыла рот, втянула в себя воздух и, наконец, вскрикнула...:

Элайн проснулась, покрытая испариной.

Но крик не прервался.

Это был не ее крик и, конечно, не крик из ночного кошмара. Он был настоящим, и это был женский голос, вопль женщины в самой ужасной агонии. Он завывал, то на подъеме, то на спаде, скребя по кости всех, кто слышал его, словно сосулька по зеркальному стеклу. А потом он оборвался.

Элайн показалось, что она узнала голос Силии Тамлин, даже несмотря на то, что в этом жутком, испуганном вое не было произнесено никаких слов.

Часы на тумбочке показывали 11.30.

Она вылезла из постели, надела тапочки. Девушка колебалась, пока снимала халат с крючка, не уверенная, разумно ли это — ввязываться в происходящее. Ей виделось перекошенное лицо Джейкоба Матерли, ярко-синие глаза, и она почти слышала, как он предостерегал ее...

Довольно! Судя по крику, Силии, вполне вероятно, требовалась медсестра. Уже прошло несколько долгих минут, в течение которых ей, возможно, требовалась помошь. Элайн накинула халат и направилась к двери.

Глава 3

Прежде чем Элайн успела застегнуть свой халат и дойти до двери, кто-то постучал и окликнул ее по имени. Она сделала последние несколько шагов и открыла. В коридоре стоял Гордон Матерли, с тревожно нахмуренным лицом, довольно тяжело дышавший.

— Это вы кричали? — спросил он.

— Нет. Я думала, что это Силия.

— Какую комнату отвел ей Деннис? Вы не знаете?

Она не знала и сказала об этом.

На верхней площадке лестницы появился Деннис:

— Здесь все в порядке?

— Это была не Элайн, — сообщил Гордон.

Дверь Ли Матерли была открыта. Он уже лежал в постели, но к этому времени успел одеться. Он сказал:

— Звук был такой, как будто доносился снаружи. Я видел машину Силии посреди дорожки.

Деннис повернулся и бросился вниз, перепрыгивая по две ступеньки сразу.

Когда Элайн направилась за ним следом, Гордон пробормотал:

— Возможно, вам лучше подождать здесь, пока мы не узнаем, что случилось.

— Если Силия попала в аварию, ей может понадобиться моя помощь. — Она улыбнулась

Гордону, польщенная его заботой. — И не волнуйтесь — я привыкла помогать пострадавшим в авариях.

Она последовала за Ли вниз по лестнице, а Гордон шумно ступал сразу за ней. Они прошли вниз по темному главному коридору и через открытую парадную дверь. Воздух был прохладным для июня; девушка порадовалась, что на ней теплый стеганый халат.

Пока они спешили к «бьюику», на котором ездила Силия, Деннис стоял у переднего крыла машины, смотря куда-то вдоль нее. Он был настолько неподвижен, что мог сойти за статую. Когда они почти поравнялись с ним, он повернулся, дрожа, словно в лихорадке. Лицо его было белым как мел, глаза его — широко раскрыты. Он посмотрел на Элайн так, как будто пережил легкий шок.

Он тихо попросил:

— Не смотрите.

Ли Матерли обхватил сына за плечи:

— Что?

— Не смотрите на нее.

— На кого?

— На Силию.

Ли отпустил его и обогнул машину. И внезапно остановился так, как будто перед ним выросла кирпичная стена, и все его тело содрогнулось от удара. Гордон подошел к нему сбоку и едва слышно прошептал:

— О Боже, Боже, Боже.

— Что случилось? — спросила Элайн Дениса.

— Кто-то... кто-то пырнул ее. — Слова застrevали у него в горле, как у пьяного. Она знала, что этого не может быть, потому что даже если он и пил, то прозрел бы от потрясения.

Прежде чем кто-нибудь успел ее остановить, она подошла и осмотрела тело. Силия лежала на боку, схватившись рукой за живот, другая была закинута к голове, как будто она цеплялась за какую-то последнюю спасительную соломинку. Земля вокруг нее густо напиталась кровью, таким количеством крови, что вряд ли она была жива.

— Отойдите от нее, мисс Шерред, — приказал Ли.

— Возможно, она жива.

— Она не жива, — проговорил Денис слабым голосом. — Она не может быть живой.

— Кто-нибудь из вас проверял?

— Нет, — признался Ли. Он выглядел смирившимся, как будто все это не было такой уж неожиданностью, как будто он загодя подготовил себя к тому, что когда-то в будущем ему придется лицезреть подобную сцену.

— Напрасно. Может быть, я смогу что-то сделать.

Девушка прошла между ними к телу и опустилась на колени перед раненой. Стараясь не

потревожить Силию, она перевернула ее на спину. Две раны пришлись на середину живота. Но когда Элайн проверила пульс, она обнаружила, что тот есть. Слабый, но регулярный.

— Кто-нибудь, вызовите «скорую помощь».

Никто не сдвинулся с места. Дождь, который прекратился было, теперь обдавал их увесистыми каплями, прелюдией нового дождя.

— Скорее! — выкрикнула Элайн.

— Вы хотите сказать, что она жива? — спросил Деннис.

— Да.

Гордон повернулся и побежал к дому, чтобы позвонить в больницу.

Хотя Элайн была дипломированной медсестрой и ей, как она говорила, положено было привыкнуть к душераздирающим зрелищам, ей хотелось уйти с этого места, от этого тела, этой расползающейся темно-красной лужи. Во время обучения она сталкивалась с кровью, она даже имела дело с жертвами избиений и огнестрельными ранами. Но здесь было нечто другое. Это было дело рук садиста, а не насилие, совершенное из-за накалившихся страстей. Раны — пять, как она теперь видела, — были аккуратно нанесены там, где они причинили бы наибольший ущерб. К тому же Элайн стало понятно, что Силия не кричала, когда были сделаны первые ножевые удары; она, должно

быть, стояла в оцепенении, пока убийца расправлялся с ней, слишком потрясенная, чтобы закричать так быстро, как следовало. И потому напавший на нее успел сделать еще несколько ударов.

Не прошло и десяти минут, как приехала «скорая помощь». Санитары были умелыми и обходительными. Еще через две минуты они погрузили жертву в белый фургон и покатали обратно по дорожке вместе с Деннисом, сопровождавшим их в отсеке для больных, в задней части автомобиля.

— Присмотрите за моим отцом, — обратился к девушке Ли Матерли. Внешне он постарел лет на десять менее чем за час. Его лицо прорезали морщины, глаза были усталыми, цвет лица — землистый и болезненный.

— Конечно, — кивнула она. Все, что угодно, — лишь бы уйти прочь от этой темно-красной лужи и от воспоминаний о ранах Силии.

Казалось, будто до дома мили и мили, а не каких-то несколько сотен ярдов. Все тени приняли зловещие очертания. Каждая всколыхнувшаяся от ветра ветвь дерева или куст походили на наносящую удар руку, заставляя ее подскакивать, а затем ускорять шаг. Она попыталась пристыдить себя за необоснованный страх, чтобы избавиться от него, но у нее это не получалось. Возможно, потому, что ис-

точником страха было иррациональное убийство, совершенное по некоей причуде убийцы. А причуды — это именно та вещь, к пониманию которой она так и не пришла. Можно присвоить им ярлык «безумие», но это их не объясняет.

Старина Джейкоб Матерли бодрствовал, сидя в своей кровати; он уже включил у себя свет. Он посмотрел на нее с явным облегчением и сказал:

— Я боялся, что это вы кричите.

— Это была Силия, — сообщила она. И только потом поняла, что ей не следовало ничего говорить. Что это на нее нашло? Она утратила контроль над своим здравым смыслом и взволновала своего пациента скверной новостью, а ведь было бы лучше как можно дольше выдавать происшествие за незначительное. Во всяком случае, до тех пор, пока его к этому не подготовят.

— Она мертва? — спросил старик. Он явно ожидал, что мертва.

Элайн замешкалась с ответом.

— Пока нет, — сказала она наконец.

— Шансы, судя по всему, неважные, да?

Она проделала путь до ближайшего стула у кровати и села.

— Сколько раз ее ударили ножом?

Девушка насторожилась:

— Откуда вы знаете, что ее ударили ножом?

Он сделал нетерпеливый жест своей здоровой рукой:

— Я же говорил вам, что кто-то побывал в моей комнате с ножом три недели назад. Я говорил вам и Ли, и никто из вас мне не поверил. Кроме того, был еще тот Сочельник. После этого я никак не могу забыть про ножи.

Голос у него вдруг стал натянутый, как резиновая лента. Хотя Элайн, как никогда, хотелось узнать, в чем заключалась рождественская трагедия, она понимала, что будет ошибкой затрагивать сейчас эту тему. Даже при намеке на то происшествие, еще до ночного переполоха, у него случился приступ. Ее долг — беречь его покой.

— Я думаю, — продолжал Джейкоб, — вам следует обратить особенно пристальное внимание на тех троих, о ком я упоминал ранее.

— Вы думаете, это был кто-то из дома? А не вор, или бродяга, или...

Он улыбнулся, но это была ужасная улыбка, даже несмотря на то, что она не видела застывшую половину его лица.

— Моя дорогая Элайн, едва ли это мог быть кто-то еще.

— Кто-то, притаившийся на дорожке, — предположила девушка. — Кто-то, видевший, как Силия уехала, и подумавший, что она может вернуться.

— Но она не живет здесь, — возразил старик. — С чего бы ей возвращаться? Только люди из дома знали, что она собирается провести здесь уик-энд.

Элайн стояла на своем:

— Сумасшедший, видевший, как она уезжает, не должен был знать, что она — посторонний человек. Он мог подумать, что она живет здесь, подождать и попытать счастья — или несчастья.

— Простые ответы лучше, — хмыкнул Джейкоб.

Это было также и одной из аксиом Элайн, но она не знала, применимо ли это здесь. Она так ему и сказала:

— Это гораздо сложнее — даже всего лишь вообразить, что это сделал один из людей в этом доме. Никто из них не способен на такую вещь!

— Некоторые способны, — отмахнулся старик.

Ее вдруг рассердил его пессимизм и паранойя. События этой ночи ослабили ее защиту до такой степени, что она смогла позабыть, чему ее учили, и довольно резко выпалить:

— Я не понимаю, как вы можете говорить такое о своих родных!

— Это непросто, — согласился он. — Элайн, меня ужасно огорчает эта мысль, но

я не мог позволить эмоциям взять верх над тем, что я знаю.

— Вы не можете знать. Вы видели, кто это сделал?

— Нет.

— Тогда...

Старик перебил ее:

— Нельзя долго избегать правды. Жизнь сама позаботится, чтобы правда снова и снова доходила до сознания. И если вы решите игнорировать ее, она в конце концов только больнее вас ранит. Я ожидал этого полтора десятилетия.

— Ни Деннис, ни Гордон, ни Пол — если уж на то пошло — не способны на убийство. И уж конечно, никто из них не способен на такое ужасное, кровавое убийство, как это. — Она суеверно поправилась: — Силия Тамлин пока не мертва, было бы неправильно говорить о ней так. Пока это преступление — только попытка убийства.

— Это все часть их наследства, Элайн. — Джейкоб сумел примоститься к изголовью и сидел теперь настолько прямо, насколько мог, несгибаемый, как железо, стиснув пуховые подушки между изголовьем и матрасом.

— Наследство?

— Наследство Хоннекеров, то, о чем я пытался рассказать вам сегодня.

— Я не понимаю, — покачала она головой.

Это было правдой. И, будучи правдой, это пугало ее, потому что она привыкла понимать положение вещей. Путаницу и сомнения всегда полагалось устранять как можно быстрее.

— Сумасшествие! — провозгласил Джейкоб Матерли. — Дед их матери, их собственный прадед, сошел с ума, когда ему было всего тридцать четыре, и с тех пор всю оставшуюся жизнь содержался в психиатрической больнице. А позднее недуг поразил их мать.

— Жену Ли?

— Амелию, — подтвердил он.

— Вы ведь не имеете в виду, что она была сумасшедшей, — пробормотала Элайн. Но она прекрасно знала, что он имеет в виду.

— Имею, — отрезал Джейкоб. — Сумасшедшая. Еще какая сумасшедшая. Она была красивая женщина, высокая и статная, с лицом как у богини. Ли думал, что ее полеты фантазии и весьма пылкий нрав интригуют, придают пикантность ее натуре, в остальном достаточно ровной. Поначалу он так думал. Позднее он узнал, что это симптомы более глубокого и опасного недуга.

— С вами все в порядке? — спросила Элайн.

У него был плохой цвет лица, и он дрожал.

— Я в полном порядке, — прохрипел старик. Но он плакал, хотя и беззвучно, слезы блестели на его жестких щеках...

Глава 4

Похоже, Джейкобу Матерли, пусть и охваченному скорбью из-за воспоминаний о давней трагедии, не грозило перевозбудиться, как с ним уже было ранее в этот день. Элайн чувствовала — шансы, что приступ повторится, малы, и потому решила: пусть он говорит дальше в подходящий для него момент — до тех пор, пока она — наконец-то! — не услышит историю про Сочельник, историю, которая, казалось, связала весь этот дом черным и нерушимым заклятием.

Но как раз когда запас слез старика начал иссякать, как раз когда Элайн решила, что пусть он продолжит и облегчит свою душу, таким образом раскрыв ей глаза, в дверь постучали. Она открыла — неохотно — и обнаружила, что на пороге, подобный птичке в человеческом одеянии, стоит Джерри, тоненький и хрупкий, слегка дрожащий.

— Что случилось? — спросила она.

— Полиция, — сказал Джерри.

Девушка согласилась, что полицейских следовало вызвать, хотя до сих пор не задумывалась об этом.

— Они хотели бы поговорить с вами внизу, — сообщил Джерри.

— Но я же ничего не знаю, — поморщилась Элайн.

— Они разговаривают со всеми.

Она вздохнула:

— Ну хорошо. Я снова уложу мистера Матерли и спущусь через несколько минут.

Джерри кивнул и поспешил по коридору к лестнице, его тонкие и длинные ноги напоминали ноги краба или насекомого.

— Наверное, вы все слышали, — сказала она, закрыв дверь и повернувшись к Джейкобу Матерли.

Слезы уже перестали течь, железное самообладание снова вернулось к старику. Он проговорчал:

— Если они захотят поговорить со мной, им придется подняться сюда.

— Мы постараемся, чтобы вам не пришлось с ними разговаривать, — запротестовала девушка. Она достала еще успокоительного из аптечки, налила стакан холодной воды из обложенного льдом кувшина возле его кровати и посмотрела, как он выпил таблетку.

— Спасибо вам, — улыбнулся Джейкоб. — С меня довольно было полицейских в прошлый раз, довольно их ехидных замечаний, их грубых расспросов. Я иногда думаю, что полицейские более злобны с богатыми, нежели с бедными. Они позволяют своей зависти уводить себя чуть дальше, чем следует.

— А теперь спите, — попросила она.

— Я пытаюсь.

Он закрыл глаза и скрестил руки на груди, пока она выключала свет. Элайн быстро отвела от него взгляд, потому что в этот момент он выглядел как покойник в гробу, готовый к захоронению.

В холле она обнаружила, что кто-то выключил свет. Покров теней расстился вдоль всего коридора до тех пор, пока через верхнюю площадку лестницы снизу не просочился слабый свет. И голоса. Голоса тоже донеслись до нее, отдаленные и гулкие, произносившие слова, которые нельзя было разобрать. Они так же легко сошли бы как за призраков, стонущих в стенах, так и за людей, ведущих обычный разговор.

Она сошла вниз по лестнице, осознанно стараясь замедлить биение своего сердца. Глупые страхи. Детские страхи. «Элайн, — браннила она себя, — ты становишься такой же вычурной, как и этот дом, такой же глупой, как Деннис Матерли».

Тем не менее, когда она добралась до нижней площадки лестницы и Джерри вышел из ниши, чтобы проводить ее к полицейским, она так испугалась, что отпрянула и негромко вскрикнула от страха. Дворецкий взял ее за руку, похлопал по ней и сказал, что знает, что она испытала, и сожалеет, что напугал ее.

Элайн проследовала за ним в кабинет — в яркое озерцо желтого света, моргая, пока ее глаза

привыкали к перемене. Она увидела там всех домашних: Ли, Денниса и Гордона, Поля Хоннекера. Еще там было двое полицейских. Высокий, широкоплечий человек примерно лет сорока представился как капитан Ранд, а более приземистый, смуглый и проворный детектив по имени Холкомби смахивал — для того, кто привык к старым фильмам по телевидению, — скорее на злодея, чем на блюстителя законности.

— Пожалуйста, садитесь, мисс Шерред, — попросил ее капитан Ранд. Он улыбнулся, показывая безукоризненные белые зубы.

Элайн распознала улыбку профессиональную, а не идущую от души, сродни той улыбке, которую она научилась изображать, когда это требовалось и в ее работе. Она полагала, что бывают времена, когда полицейскому, точно так же, как и медсестре, совершенно не из-за чего улыбаться, но он вынужден это делать ради окружающих. Трудно улыбаться и быть бодрой с человеком, умирающим от рака, когда он не подозревает о своем приговоре, но это необходимо. Капитану Ранду наверняка было неприятно улыбаться, столкнувшись с кровью, тяжелораненой девушкой, ножами, тьмой и необъяснимым сумасшествием. Но от него ожидали этого, и он улыбался.

Она села на диван рядом с Гордоном Матерли. Это было неосознанным движением, которое она не сумела бы объяснить. В кабинете

были и другие свободные кресла. Просто она чувствовала себя безопаснее возле Гордона.

— Мисс Шерред, — начал капитан Ранд, — мы услышали рассказ о том, что случилось этой ночью, от всех, кроме вас. Мы хотели бы, чтобы вы рассказали нам все, что знаете о... гм, несчастном случае.

— Вообще-то рассказывать особенно нечего, — вздохнула она.

— Тем не менее мы хотели бы выслушать, — настаивал полицейский. Он снова улыбнулся. Улыбнулся одними губами. Взгляд у него был жесткий, вероятно ожесточившийся после подобных вещей на протяжении слишком многих лет. — Всегда есть вероятность, что один свидетель заметит то, что не заметил никто другой, какую-нибудь подробность, которая увязает все кусочки друг с другом. — Но интонация его голоса, усталость, явно таившаяся за этой улыбкой, говорили, что он не надеется на подобное чудо.

Элайн поведала ему всю историю — до того момента, как она покинула место происшествия, чтобы осмотреть Джейкоба Матерли. Она не посчитала уместным прибавить историю Джейкоба о семейном сумасшествии — отчасти потому, что не принадлежала к семье и не имела права говорить о них, а отчасти потому, что она еще не знала, насколько заслуживают доверия рассказы старика.

Когда она закончила, Ранд поинтересовался:

— Когда вы услышали крик, не показалось ли вам, что в нем проскользнули какие-то слова?

— Это был просто крик, — ответила она.

— Подумайте как следует, мисс Шерред.

— Просто крик, — повторила она.

— Зачастую, — заметил Ранд, прохаживаясь взад-вперед перед собравшимися свидетелями, — жертва в последний момент произносит имя напавшего. Мог ли крик быть искаженным именем... именем или, возможно, фамилией?

Элайн подумала над этим какое-то мгновение.

— Нет. Определенно нет.

Казалось, Ранд был разочарован. На какой-то момент его спокойное выражение лица и мягкая, профессиональная улыбка исчезли.

Во время этой паузы она спросила:

— Силия жива?

— Она в коматозном состоянии, — сообщил Ранд. — Она потеряла очень много крови и перенесла тяжелый шок. Ткани желудка дважды проколоты, хотя никакие другие органы не задеты. Вена на бедре перерезана. Она до сих пор в операционной и пробудет там, скажем так, еще некоторое время.

Ли Матерли подался вперед в кресле возле письменного стола и обхватил лицо ладонями. Он ничего не сказал.

— Вы не видели нож где-нибудь поблизости от тела, мисс Шерред? — спросил капитан Ранд.

— Насколько я помню — нет.

— А что-нибудь наподобие ножа — резчик для вскрытия конвертов, садовый инструмент?

— Нет.

— Полагаю, это вы приподняли девушке ноги и попытались вызывать отток крови от ее брюшной полости.

— Я — медицинская сестра.

Он понимающее кивнул:

— А жертва, пока вы занимались ею, приходила в сознание?

— Она была слишком слаба.

— Она вообще не сказала ни слова?

— Ничего.

— Вы бы заметили, если бы она открыла глаза? Вы не настолько растерялись, чтобы не заметить у нее момент сознания?

— Я — медицинская сестра, — повторила Элайн. — Я не растеряюсь из-за болезни, или ранения, или смерти. — Ей начинало не нравиться то, как капитан Ранд расспрашивает ее, налегая на каждый пункт снова и снова, как будто она ребенок, от которого не ждут, что он вспомнит как следует, если его не подстегнуть. Она понимала, что ему необходимо вести себя так и что он всего лишь выполняет свою работу, но ей это не нравилось.

К счастью, ее ссылка на свой профессионализм, похоже, возымела действие, и полицейский кивнул, как ей показалось, оправдываясь и с уважением. Он даже сказал:

— Простите, что я забыл принять это в расчет, мисс Шерред.

Она улыбнулась, принимая его извинения.

И тут Элайн внезапно обнаружила, что ее ладонь покоится в ладони Гордона. Его теплые сухие пальцы обхватывали ее собственные и удерживали их, мягко сжимая. Она была удивлена, потому что не помнила, чтобы тянулась к нему, — и не чувствовала, чтобы он тянулся к ней. Но в какой-то момент, во время расспросов, они стали искать успокоения и нашли его вместе.

Элайн покраснела, но не убрала свою руку. Это было замечательно, что ее руку держат, что Гордон воспринимает ее как нечто большее, нежели просто новую домашнюю прислугу семьи.

— Ну что же, — продолжал Ранд, — давайте рассмотрим некоторые другие аспекты этого дела. — Он вытащил из бокового кармана записную книжку и открыл ее большим пальцем. Страницки в погруженной в тишину комнате зашелестели неестественно громко. — Силия Тамлин была художником-оформителем, осматривавшей ваш дом перед тем, как внести предложения по реконструкции. Это правильно, мистер Матерли?

Ли приподнял лицо над кистями рук, разглядывая свои ладони, как будто ему казалось, что он оставил в них свою душу.

— Да, — сказал он. — Она была такой энергичной девушки, такой милой и сообразительной...

Ранд отвернулся от Ли Матерли и встал лицом к Деннису:

— А вы, как я полагаю, единственный член семьи, который знал Силию Тамлин до сегодняшнего вечера. Это верно?

— Да, — признал Деннис.

— Как вы познакомились с молодой леди?

Деннис задумался:

— Я — художник. Первый раз я повстречал Силию на художественной выставке у Кауффмана. Она пришла, чтобы разузнать насчет полотен, которые ей, возможно, захотелось бы купить для галереи своей компании. Чтобы использовать при создании интерьера.

— Она купила какую-нибудь из ваших работ?

— Вообще-то да. Так мы и подружились.

— Вы назначали свидания Силии Тамлин?

Деннис выглядел встревоженным, потому что понимал, куда могут завести расспросы, если детектив захочет пойти по этому пути.

— Назначал, — кивнул он. — Раз шесть.

— Что она была за девушка?

Деннис облизал губы и оглядел комнату в поисках поддержки. Элайн отвела взгляд, вне-

запно испугавшись. Чего? Неужели она подозревает, что он как-то причастен к событиям этого вечера? Она еще крепче сжала руку Гордона.

Деннис заговорил:

— Она была прекрасная девушка. Всегда всем интересующаяся, всегда веселая, хорошая собеседница, тонкая натура. Не представляю, чтобы у Силии был враг. Она дружила со всеми!

— Не со всеми.

Деннис потрясенно оглянулся. Элайн подумала, что он сейчас зальется слезами. Ей не нравились такие проявления чувств у мужчин, за исключением старииков вроде Джейкоба, который заслужил право плакать. Она не доверяла эмоциональным мужчинам.

— Вы были наверху, в мансарде, рисовали, в то время как были нанесены удары? — Ранд теперь примостился на краешек стола, похлопывая раскрытой записной книжкой по колену.

— Был до этого, — сказал Деннис. — Но когда раздался крик, я был в кухне, со стаканом молока.

— Один?

— Да.

Элайн ожидала, что Ранд разовьет эту тему, но он не стал. Вместо этого он повернулся к Гордону:

— А где были вы?

— В своей комнате, читал, — сообщил Гордон.

— Что вы читали?

— Остросюжетный роман.

— Один?

— Да, один.

Ранд повернулся к Полу Хоннекеру:

— Вы?

Пол выглядел таким же взъерошенным, как и за ужином, возможно, даже еще сильнее. Одежда висела на нем, как будто он всего лишь стул, на который ее накинули. Воротник был расстегнут на одну пуговицу больше, чем следовало. Темная щетина топорщилась на лице, словно черная проволока. Под глазами у него были мешки, лицо, обычно веселое, казалось каким-то перекошенным.

— Я спал, — промолвил Хоннекер.

— Вы спали на протяжении всего происшествия? — уточнил Ранд. — И во время криков тоже?

— Я не слышал никаких криков, — отрезал Пол.

— Когда вы узнали о том, что случилось?

— Когда Ли пришел рассказать мне. Прямо перед вашим приездом.

— Вы, должно быть, крепко спите.

Поколебавшись, Пол Хоннекер печально признался:

— Я пропустил пару рюмочек.

— И только?

— Может быть, чуть больше, — поморщился он.

Ранд смотрел на него какое-то время, а потом резко отвернулся. Он разглядел в Поле безынициативность и бесцельность, которые в конечном счете становились видны любому.

Детальный расспрос продолжался без особой заинтересованности. Если что и заинтриговало Ранда — так это когда Деннис упомянул, что Силия часто подбирала путешествующих автостопом.

— Она всем доверяла, — говорил он. — Зачастую она одолживала деньги самым ненадежным людям и никогда их больше не видела. Это нисколько не переубеждало ее. Она продолжала ссужать деньги, как банк.

Наконец, где-то после часу ночи, их отпустили. Ранд, очевидно, собирался организовать розыски всех автостопщиков, которых видели в этом районе до или после убийства.

Перед тем как отправиться спать, Элайн задержалась посмотреть, как себя чувствует Джейкоб. Она застала его таким же, каким и оставила, — в позе для захоронения, легко дышавшим, крепко спящим.

Джейкоб не поверил бы в историю о случайном бродяге.

Но Джейкоб — старый и больной.

Чтобы занять себя чем-нибудь, она пощупала его пульс.

Он был нормальным.

«Нужно идти спать», — подумала она.

Она открыла аптечку и достала одно из успокоительных Джейкоба. Впервые в своей жизни она нуждалась в такой штуке. Девушка прошла в свою комнату и на этот раз заперла дверь на замок. Ее окно на втором этаже находилось на порядочном расстоянии от земли, но она заперла и его тоже.

Она вовсе не чувствовала себя дурой. Теперь появилось нечто вполне конкретное, чего можно бояться. Это больше не было фантазией милого, но выжившего из ума старика. Следовало принять меры предосторожности.

Элайн помолилась за Силию Тамлин, потом приняла успокоительное. Она не заснула в полной темноте, оставив ночник гореть на всю долгую, тревожную ночь.

Глава 5

Элайн проспала дольше, чем на протяжении многих лет, но проснулась с таким ощущением, будто она только что занималась тяжелой многодневной работой. Она приняла душ, нанесла незначительную косметику, в которой нуждалась, оделась и пошла посмот-

реть Джейкоба. Он уже позавтракал и сидел в своей комнате в одном из кресел, читая популярный роман.

— Вы прекрасно выглядите, — сказал он.

На ней была юбка лимонного цвета, коричневая блузка, лимонная лента для волос, а на шее — простые коричневые бусы. Ли Матерли особо обговорил то обстоятельство, что он не хочет, чтобы она носила форму, потому что это будет угнетать его отца.

— Спасибо, — поблагодарила она.

— Будь я, скажем, лет этак на сорок помоложе, я непременно бы за вами приударил, юная леди.

Она посмеивалась, пока доставала приборы, чтобы померить ему кровяное давление, температуру и послушать сердце. Придвинув к нему кресло, она закатала рукав его пижамы и обернула манжету аппарата для измерения давления вокруг усохшего бицепса.

— Нет, в самом деле, — говорил Джейкоб, улыбаясь ей здоровой стороной лица, — это просто чудо, что вы до сих пор не замужем!

— Замужество — не для меня, — хмыкнула девушка. — По крайней мере, еще долгое время.

— Не зарекайтесь, — усмехнулся стариk, похлопывая ее по ладони.

Элайн осведомилась:

— Вы уже слышали что-нибудь про Сицилию?

Он нахмурился:

— Ли говорит, что она выдержала операцию. Однако она до сих пор в коме и до сих пор в критическом состоянии.

— Если она выживет, то сможет рассказать, кто это был, — предположила Элайн. — Тогда всем этим ужасным событиям придет конец.

Теперь лицо его окаменело.

— Капитан Ранд считает, что это был автостопщик. Он говорит, что только Деннис знал девушку и, соответственно, только Деннис мог иметь мотив. Но у Денниса нет видимого мотива. Так что это наверняка был автостопщик, который заставил ее, не вылезая из машины, выруть на дорожку, а потом попытался ее убить.

Элайн вспомнила непоколебимую уверенность старика в том, что виновник — кто-то из членов семьи, и удивилась такому неожиданному повороту. Можно ли это отнести на счет его ослабленного ударом ума? Или это нечто совершенно другое: что, если он принимает желаемое за действительное? Ранд предложил хороший выход. Безликий автостопщик. «Если мы сможем в это поверить, — подумала она, — насколько станет проще».

— Что я рекомендую вам, моя милая, — продолжал Джейкоб, к которому внезапно вернулось самообладание и добродушие, — так это прогулку по парку, немного солнечного

света и чистого воздуха — настолько чистого, насколько мы можем получить это так близко от города.

— Интересно, кто здесь сейчас медицинская сестра, — усмехнулась девушка.

Но когда она выполнила свои утренние обязанности по отношению к пациенту, то решила, что над этим предложением не стоит смеяться. У нее и самой было такое чувство, что ей нужно выйти наружу, избавиться от гнетущей атмосферы старого дома.

Она обнаружила, что парк в пять акров может показаться большими земельными угодьями, особенно если он имеет неправильные очертания и изрезан соснами и ивами, придающими ему видимость леса. Парк был хорошо ухожен и иссечен мощеными дорожками, которые петляли среди деревьев, среди холодных, тяжелых теней, которые не казались такими зловещими, как тени в доме. Она бродила примерно с час, пока не пришла к низкой каменной стене, которая отделяла владения Матерли от их соседей.

Когда она шла вдоль стены, наблюдая за птицами, кружившими в утреннем летнем небе, и чувствуя себя как будто заново родившейся в сиянии солнца и свежем воздухе, она наконец заметила соседний дом. Он был не таким большим, как особняк Матерли, но по-своему тоже внушительным жилищем, выст-

роенным в колониальном стиле, из красного кирпича, с множеством больших окон и белыми ставнями, высокими балконами и белыми колоннами. Участок был благоустроенный, хотя и поменьше, чем владения Матерли. Соседский особняк понравился Элайн, как она решила, больше, чем дом, в котором она сейчас жила, потому что выглядел ужасно практичным. Он был сбалансированным и простым, какими всегда были колониальные дома, и не напичкан причудливыми каменными украшениями, фронтонами и многоярусными, многоугольными крышами.

Когда она прошла дальше, то увидела патио, простое кирпичное сооружение, окруженное кирпичной стеной по колено высотой. Мужчина и женщина лежали на раскладушках, загорая. Им, как подумала Элайн, было около сорока пяти. Жена была все еще подтянутой и привлекательной, в то время как муж позволил себе такую роскошь, как отрастить живот. Она отвела от них взгляд, не желая быть любопытной, и прошла еще двадцать шагов, прежде чем они ее окликнули.

Когда она обернулась, то увидела, что женщина сидит на лежанке и машет рукой.

Она помахала в ответ.

— Заходите выпить, — пригласила ее женщина.

— А калитка есть?

— Через пятьдесят футов, — показала женщина. Ее муж к этому времени сел и кивал в знак согласия.

Элайн отыскала калитку, прошла в нее и направилась к патио.

Соседями были мистер и миссис Бредшоу, Сид и Шила. Еще прежде, чем она успела представиться, они решили вопрос с выпивкой. Хозяева удивились, что гостья попросила только колы, но оставили все как есть, когда не сумели уговорить ее выпить скотча или джина с тоником. Дворецкий Бредшоу, молодой, довольно красивый человек по имени Уильям, принес выпивку на серебряном подносе вместе с разнообразными закусками. Когда это было сделано, Шила и Сид были готовы перейти к разговору.

Если бы она заранее знала, каков будет характер беседы, то ни за что не прошла бы через калитку в каменной стене.

— Вы, как я понимаю, новая медсестра Джейкоба, — начала Шила.

— Бедняга Джейк, — вставил Сид. — Он был такой активный, такой живой до паралича. Слишком много холестерина. Это, знаете ли, приводит к проблемам с кровообращением. К тромбам, сердечным приступам, к чему угодно.

— Он по-прежнему живой, — возразила Элайн, охваченная странным стремлением за-

щитить старика от этой несколько развязной пары.

— Вы должны простить Сида, — ухмыльнулась Шила. — Он помешался на холестерине.

Элайн рассмотрела проблему его избыточного веса и решила, что в основном это последствие возлияний. Куда лучше, подумала она, набирать дополнительные фунты через лишние бифштексы, лишний хлеб, лишний картофель.

Шила поинтересовалась:

— Как вам нравится ваша работа?

— Замечательно, — сказала Элайн. — В первый раз я по-настоящему сама себе хозяйка.

И разговор перекочевал в безобидное русло, шутливую беседу, которую Элайн находила приятной, за некоторыми исключениями. Она рассказала им о курсах медсестер и о сиротском приюте. Это последнее вызвало у хозяев прилив сочувствия, которого она не хотела и не оценила. Сочувствие было ей ни к чему. Жизнь такова, какова она есть, и вы только увязаете в трясине, если начинаете роптать на то, что судьба уготовила вам. Она узнала, что Сид Бредшоу сколотил свое скромное состояние в киноиндустрии; он владел сетью полноэкранных и малых кинотеатров в Питтсбурге и его окрестностях. Это было бы увлекательной темой, если бы Бредшоу не продолжали приправлять свои рассказы колко-

стями в адрес Матерли, которые она едва ли могла поддерживать, работая у них. Казалось, Сид завидует, что Ли Матерли богаче. Господь свидетель, у него было больше денег, чем он сам мог истратить. И все-таки Сид завидовал Ли из-за более крупного состояния. Оба — и Сид и Шила — часто ссылались на то, что Ли «родился богатым, не заработав ни гроша». Когда Элайн рискнула предположить, что Ли вот уже несколько лет успешно ведет семейные дела, Сид фыркнул:

— Кто же не сделает деньги, если у него есть стартовый капитал? Если у вас есть деньги, вы можете сделать еще, даже если не имеете к этому способностей.

Жаркое солнце изливалось на Элайн наподобие меда, обжигающего меда. Девушка покрылась испариной. Кресло под ней, шезлонг из пластика и соломы, казалось, становились жестче и неудобнее с каждой минутой.

Когда весенние птицы у них над головами устремлялись вниз и окликали друг друга, их голоса, искаженные жарой, превращались в леденящие душу вопли, от которых у нее по спине бегали мурашки.

В конце концов она узнала, что Сид Бредшоу и Ли Матерли учились в средней школе в одном и том же классе, поступили в один и тот же колледж. Бредшоу происходил из гораздо менее состоятельной семьи и считал, что целью всей его

жизни является «утереть нос» Ли Матерли, доказать ценность того, что ты когда-то жил в бедности. Он растолковывал преимущества бедного детства так же громогласно, как предупреждал об опасности питания продуктами с повышенным содержанием холестерина. Он испытывал неудовлетворенность из-за того, что не сколотил такого состояния, каким распоряжались Матерли, и знал, что никогда не сколотит. Он не мог наслаждаться своими собственными достижениями, своим собственным богатством. Вместо этого ему нужно было добиться желанного превосходства над Матерли, высказываясь против них и пытаясь умалить их в глазах других. Все это было очень печально — и глупо. Детское соперничество разрушило взрослую жизнь Сида Бредшоу.

— Скажите, — поинтересовалась Шила, пока Элайн пыталась придумать какой-нибудь предлог, чтобы уйти, — вам не страшно жить в том самом доме, в котором когда-то жила Амелия?

— А почему мне должно быть страшно?

Сид протянул:

— Вы хотите сказать, что вам никто не рассказывал...

— Про Сочельник? — добавила Шила.

Скуку и недовольство этими людьми как будто смыло свежим дождем. Элайн сказала:

— Джейкоб намекал на какую-то трагедию, но я не знаю всей истории.

— Учитывая последнее убийство, не годится держать вас в неведении, — заявила Шила. Теперь глаза ее засияли. Она облизала губы, сгорая от желания поделиться скандальной историей. Она была заражена болезнью мужа — неизлечимой завистью.

— Вы жили здесь тогда — пятнадцать лет назад? — спросила Элайн.

— Нет, — хмыкнул Сид Бредшоу. — Мы родились не в таком доме. Нам пришлось долго работать, чтобы поселиться здесь. Работать! Вот уже десять лет, как мы живем здесь. Мне не было и тридцати шести, когда мы заключили контракт на строительство этого дома. — Он гордился своими ранними успехами.

— Тогда откуда вы знаете о Сочельнике и...

— Все в городе знают об этом, — объяснила Шила. — Возможно, и в штате, и в округе. Это было громкой новостью! — Она содрогнулась, но выражение лица получилось нарочитым и фальшивым.

— Не могли бы вы... рассказать мне об этом? — спросила Элайн. Она знала, что история каким-то образом выставит в невыгодном свете имя Матерли, но не могла побороть искушение узнать наконец, что именно случилось в столь давние времена.

— Это была Амелия Матерли, — начала Шила. Голос ее понизился до трагического шепота, как будто она говорила в присутствии

покойника или в стенах храма. — Никто никогда не считал ее нормальной. Она славилась своим крутым нравом. Ни один торговец в городке — а этот пригород был тогда еще маленьким городком — не избежал ее ярости. Соседи находили невозможным ладить с ней, как подобает достойным людям. Она страдала снобизмом — и кое-чем похуже.

— Худшее и привело к тому кошмару в Сочельник, — добавил Сид. Он так же театрально передернулся и приложился к выпивке.

Шила рассказывала:

— Деннису было тогда десять лет. Его брату, Гордону, семь. Двое маленьких детей, не понимавших, какое зло заключено в их доме. — Она покачала головой с явным сочувствием к маленьким детям, потом продолжила: — У Ли и Амелии было тогда еще двое детей, двойняшек. Их звали Лана и Лаура. Две милые маленькие девочки, возрастом примерно в десять месяцев.

Элайн подумалось — она в точности знает, к чему идет дело. И не хочет слушать об этом.

И все-таки она не сделала никаких попыток прервать рассказ Шилы, загипнотизированная жарой, щебетом птиц, влажностью, которая была подобна покрывалу, и бубнящим рассказом о мучительном, непроходящем кошмаре, который эта завистливая, загорелая и несчастная женщина раскрывала перед ней, обратившейся в слух.

Шила говорила:

— Она была одна в доме с двойняшками, когда свихнулась.

Птицы камнем падали вниз у них над головами. Птицы клекотали друг другу. Солнце жарило нещадно, как раскаленная докрасна спираль электропечи.

Шила говорила:

— Ли уехал с двумя мальчиками за покупками к Рождеству. У Джерри и Бесс был выходной, и они гостили в доме сестры Бесс, в Маунт-Кармеле. Пол тогда не жил с ними. Кажется, он преподавал в каком-то университете в Техасе — это было его пятой или шестой работой. Вскоре после этого его уволили. Он никогда не мог закрепиться где-нибудь, этот человек. Так или иначе, Амелия была дома с Ланой и Лаурой, а больше никого.

Гнетущая жара.

Птицы.

Лед в стакане растаял.

«Уходи!» — говорила она себе.

Но она должна была узнатъ.

— Каждому было видно, что женщина не в себе, — вставил Сид. — Каждый, у кого есть здравый смысл, не сделал бы такой глупости, как оставить ее дома наедине с этими беззащитными малышками.

Шила бросила на мужа взгляд, говоривший: «Дай мне рассказать историю», и он сомкнул

рот на ободке своего стакана. Она вновь заговорила:

— Джейкоб работал в городе, пополняя запасы продуктов в ресторанах для праздничных обедов, которые там предстояло подавать. Он добрался домой чуть позже пяти вечера и обнаружил ее — и то, что она натворила.

Шила выпила.

«Говори же!» — мысленно подстегивала Элайн женщину. Ей не нравилось, как Шила тянет, добиваясь наибольшего эффекта. Историю о любой трагедии нужно рассказывать быстро и просто, чтобы причинить как можно меньше боли.

— Она пришла с ножом к двойняшкам, туда, где они лежали в своих колыбелях, — выпалила Шила. Она прикончила свою выпивку. — Она полосовала их снова и снова до тех пор, пока от них почти ничего не осталось.

Непроизвольно, бессознательно Элайн наклонилась вперед в кресле, как будто поддаваясь какой-то боли в животе.

— Она убила их, — закончила Шила. — И попыталась убить Джейкоба Матерли, когда тот подошел к ней, стоявшей на коленях в крови, у колыбели. У него было сильно порезано плечо, но он вырвал нож из ее руки. Потом она побежала и споткнулась на ковровой дорожке в конце лестницы. Она летела с нее до самого первого этажа. Когда Джейкоб нашел ее, она уже была мертва.

Глава 6

Когда Элайн вернулась в дом Матерли, она заглянула к Джейкобу и застала старика спящим, мирно отдыхавшим, судя по его виду, после обеда, чтобы приготовиться к тяготам ужина и предстоящего долгого вечера. Во сне пораженная параличом половина его лица выглядела менее впечатляющей и уродливой, чем когда он бодрствовал. Она не стала прерывать его сон, а тихонько прикрыла дверь и прошла по коридору к своей собственной спальне.

Она заперла свою дверь.

Она разделилась и приняла душ, разрешив теплой воде литься на нее долгие-долгие, чудесные минуты. Она не знала, какую из двух вешней старается смыть с себя: зависть Бредшоу и ненависть к семейству, которую они так явно, даже фанатично выказывали, или ужасный рассказ об убийстве двойняшек Матерли в Сочельник. Она чувствовала себя оцепенелой, ужасно старой и, возможно, парализованной, как Джейкоб. Она не обращала внимания на мыло, не обращала внимания на все, пока испускающая пар вода низвергалась на нее и изгоняла то зло, которое, казалось, просочилось в нее.

Элайн влезла в пижаму и плюхнулась на кровать, натянула одеяло до подбородка. Она обнаружила, что дневное испытание совершенно

измотало ее. Она всего-навсего сходила на прогулку и выслушала историю о безумии Амелии Матерли. Не прогулка измотала ее, а слушание. Она хотела только спать, спать до тех пор, пока не проснется и не найдет мир таким простым и незапутанным, как ей хотелось.

У нее не было сновидений, настолько глубоким был ее покой.

Пол Хоннекер приехал к ужину на десять минут позже, в то время когда остальные приступали к первому блюду. Волосы его были растрепаны, глаза — сильно налиты кровью. С лица его сошел почти весь цвет, за исключением вдавленных и уродливых синеватых теней под глазами. Он остановился в проеме двери в столовую и пристально оглядел всех по очереди, казалось, что ему как-то не верится, что он застал их здесь. Он провел по лицу своей большой рукой и прошел вокруг стола к своему стулу. Он не сел, а рухнул на него, сгорбившись над тарелкой, как будто не мог оставаться в сознании.

Элайн опустила взгляд в тарелку и постаралась не замечать этого. Но при полном молчании остальных она не удержалась и снова посмотрела.

Пол теперь сидел прямо, не предпринимая никаких попыток положить себе в тарелку еду

из общего блюда. Это было почти так, будто он вовсе не хотел ужинать, но не мог заставить себя нарушить ритуал и не появиться совсем.

— Опять ты напился, — сказал Ли Матерли. Лицо у него было суровое, жесткие морщины пролегли по нездоровой бледности, которая не покидала его с тех пор, как закричала Силия.

— Ну и что с того? — бросил Пол.

Подразумевалось, что это воинственный ответ, но в этом человеке не было никакого гнева, только надломленность.

— Ты знаешь, к чему это приводит.

— Я свою меру знаю, — отрезал Пол, оправдываясь.

Казалось, ему не больше четырнадцати, с такими надутыми губами, угрюмым и отрешенным лицом он это произнес.

— Не знаешь! — взорвался Ли.

— С чего ты взял, что...

Ли перебил его:

— Ты еще не разбил свое зеркало? — Когда Пол не ответил, он повторил: — Ты не знаешь меры, Пол. Ты бьешь зеркала, и окна, и тарелки, и все, что способно отражать.

Пол надулся.

Ли какое-то время наблюдал за ним в нерешительности, потом дал своему лицу смягчиться.

— Пол, — сказал он совершенно другим тоном, почти отцовским голосом, — пожалуйста, сделай одолжение, пожалуйста, не начинай крепко пить сейчас, не сейчас, не в такое время.

Пол смотрел на свою тарелку, как будто на белом фарфоре было что-то написано, что-то очень важное. Он вздохнул:

— Это самое подходящее время, чтобы пить. Более того, я не представляю более подходящего времени.

— Этим Силии не поможешь, — промолвил Ли. — И это определенно не пойдет на пользу беспокоящимся за тебя.

Пол словно зарядился от какого-то невидимого источника. Он поднял голову и зафиксировал спину. Слова все еще трудно давались ему из-за выпитого, но теперь они высказывали с большей силой и уверенностью.

— Ты знаешь, что говорят в городе?

— Кому есть до этого дела?

— Мне.

— Люди всегда будут болтать, Пол. Мы привыкли к этому, мы научились справляться.

— Я — нет, — вспыхнул Пол. — Они связывают удары, нанесенные Силии, с... с другими... с Амелией. — Имя его мертвой сестры потребовало усилий, оно как будто повисло перед ним, высказанное, налитое тяжестью и неподвижное.

Ли поморщился, словно кто-то ударил его.

— Мы будем выше подобных глупостей и...

Пол перебил его, сказав:

— Каждый глазеет на меня. Люди, которых я считал своими друзьями, — они ими не были. Ли, они думают, что, возможно, я ударил ножом Силию!

— Чепуха.

— Ты не слышал молвы. Поговаривают, что кровь Хоннекеров — испорченная, что напавший на Силию живет здесь, в этом доме.

— Не обращай на них внимания.

— Я ненавижу пригороды и маленькие городки, — простонал Пол. — Я ненавижу жить там, где все про всех все знают и женщины только и ищут темы для сплетен.

— И все-таки, — настаивал Ли, — выпивка не поможет.

— Мне она помогает!

Все замолчали. Слышно было только, как позякивает о тарелки столовое серебро.

— Ты почему не ешь? — спросил Ли у Хоннекера.

— Я не могу есть.

— Пол, доктор считает, что ее шансы — пятьдесят на пятьдесят. Чем дольше она держится, тем лучше выглядит положение дел.

Пол ничего не сказал.

— Я совсем недавно говорил с капитаном Рандом, — сообщил Ли. Он отодвинул в сто-

рону свою собственную еду, как будто тоже потерял тот незначительный аппетит, с которым сел за стол.

— Да?

Обнадеженный, Пол являл столь грустное зрелище, что Элайн пришлось отвернуться от него. Она внезапно поняла, что Пол Хоннекер наполовину верит молве, которую слышал в городе, и едва ли не спрашивает себя, уж не он ли напал с ножом на Силию. В конце концов, сумасшедших зачастую охватывают периоды амнезии, во время которых можно сделать все, что угодно, и потом не помнить об этом...

— Ранд говорит, что они получили несколько донесений о автостопщике на шоссе, ехавшем именно отсюда вскоре после убийства. Три человека всплыло с тех пор, как об этой истории сообщили в газетах, и двое из них охотно помогают властям. Крупный мужчина, вероятно лет двадцати пяти — двадцати шести, одетый в джинсы и рабочую рубашку, с одним чемоданом.

— Но у них не может быть уверенности, — пробормотал Пол.

— Нет, пока они не найдут его.

Пол хмыкнул:

— Если они когда-нибудь найдут.

Элайн хотелось на воздух, но она не знала, как уйти вежливо. Она не хотела задеть чьих-то чувств, но и не могла дольше выносить эти

угрызения совести Пола Хоннекера. Не могла выносить главным образом потому, что не знала, верить ли тому, что они имеют под собой подлинные основания.

— Если ты не можешь есть, Пол, тебе не обязательно здесь оставаться, — сказал Ли. Он говорил мягко, успокаивающе, как будто имел большой опыт в том, что касается человеческих настроений.

— Идемте, дядя Пол, — позвал Деннис, вытирая рот салфеткой и отстраняясь от стола. — Я покажу вам картину, которую только что закончил. Думаю, это пока моя лучшая.

Пол Хоннекер принял приглашение, его лицо смягчилось в первый раз с тех пор, как он явился к столу. Похоже, он любил старшего сына Матерли. Элайн полагала, что на этом свете безответственные люди тянутся друг к другу.

Когда она измерила у Джейкоба Матерли вечернее кровяное давление, температуру, послушала сердце и, как полагалось, записала показания в журнал, который ей дал доктор, старик сказал:

— Итак, кто-то рассказал вам про Сочельник?

Элайн удивилась:

— Разве?

— Это написано на вашем лице.

Бессознательно она поднесла руку к щеке, как будто могла почувствовать перемену.

— Вы по-прежнему очень хорошенъкая, — констатировал Джейкоб. — Но в вас появилась усталость, холодность. Это происходит с каждым, кто сталкивается с историей вроде этой.

Не похоже было, чтобы воспоминания еще волновали его. События последних нескольких часов побудили его углубиться в них и рассмотреть со всех углов зрения, и это больше не пугало его.

Элайн призналась:

— Бредшоу рассказали мне.

— Эти вампиры!

Она невольно рассмеялась:

— Так уж прямо и вампиры?

— Деньги никогда не пойдут им впрок, потому что они никогда не удовлетворятся тем, что имеют их достаточно, чтобы быть счастливыми.

Она согласилась.

А Джейкоб сказал:

— Садитесь, Элайн. Я хочу, чтобы вы услышали это от меня.

— Про Сочельник?

Он кивнул:

— Да.

— Вы считаете, что вам следует об этом говорить?

— Воспоминания какое-то время причиняли мне боль, — признал Джейкоб. — Но это было только потому, что я пытался выбросить их из головы. Конечно, мне это не вполне удалось, но с годами я сумел притупить память. Теперь воспоминания вернулись, острые и ясные, и я научился снова это принимать. Если я расскажу вам, это поможет, это немного облегчит мою душу. Кроме того, я хочу быть уверенным, что вы услышите это так, как все было, а не так, как сочинили Бредшоу.

Глава 7

Сочельник, 1957 год.

Снег. Снег начал идти в начале дня, сначала легкий, словно тонкая пыль из сахарной пудры, рассыпаемая по улицам и лужайкам. В течение дня скопление облаков спускалось все ниже и становилось все более свинцово-серым, равномерно окрашенным, так что уже нельзя было отличить, где за небесной пеленой покоится солнце. К четырем часам дорожные рабочие немного расчистили снег и насыпали золу. Но те, кто осмелился показаться на городских улицах, чтобы сделать последние покупки, обнаруживали, что проехать — дело непростое; машины застывали под странным углом посреди мостовой, а

наименее опытные водители скрипели зубами и кляли себя за то, что не обратили внимания на метеосводки.

В ресторанах, как оказалось, все шло как положено. Они сумели продать рекордное число рождественских обедов для тех, кто предпочтет поесть не дома, как большинство людей, — пожилым, чьи дети больше не думали о них, молодым влюбленным, которым было неинтересно делить волшебное время встреч с родителями, одиноким людям без семьи, боявшимся остаться в одиночестве в такой тихий, унылый день. Джейкоб покинул кафе «Бронзовый фонарь», последнее из заведений Маттерли, которое надлежало проверить, выкатил свою машину из гаража и начал утомительное путешествие домой.

В двадцать минут шестого он заехал в гараж и выключил двигатель. Никаких других машин там не было. Ли и мальчики занимались покупками. У Джерри и Бесс был выходной, и они собирались вернуться до девяти или десяти, чтобы начать приготовления к завтрашнему традиционному празднеству.

Когда он прошел через парадную дверь, то сразу почувствовал, что что-то не так, хотя с виду все было в порядке. Какой-то момент он оставался на пороге, где всего один шаг назад вернул бы его к рассыпчатому снегу и холодному декабрьскому ветру. Потом он рывком

захлопнул дверь и прошел в гостиную, где в этом часу ожидал застать Амелию.

Ее там не было.

— Амелия?

Она не отвечала.

Наверху, в задней комнате, дедушкины часы пробили четверть часа. Вот уже пять лет никто не приводил в движение механизм с семидневным заводом. Кто запустил его сейчас?

— Амелия! — окликнул он.

Молчание.

Он всмотрелся через пролеты лестницы и обнаружил, что там никого нет.

Он поднялся наверх.

На верхней площадке его снова охватило смутное предчувствие, заставившее остановиться перед самой дверью. Что-то было очень и очень не в порядке.

Он хотел пройти в заднюю комнату, посмотреть, почему пошли дедушкины часы, но вначале заглянул в детскую, где двойняшки, Лана и Лаура, лежали в своих колыбелях.

Глянул на колыбели.

И увидел кровь.

Сначала он не понял, что это кровь. Из противоположного конца комнаты она выглядела просто темной жидкостью, бегущей по перекладинам и ножкам колыбелей, оставляя пятна на ковре под ними.

Колеблясь, он пошел к детям. Они лежали в тени неподвижно, слишком неподвижно.

Он негромко окликнул их по именам, которые они еще не признавали как свои собственные, но которыми он дорожил.

Дети не хныкали, не шевелились.

Потом он приблизился достаточно, чтобы рассмотреть, что это кровь, и в ужасе уставилсь на глубокие разрезы чудовищных ран. Прошло время. Сколько времени, он впоследствии так и не смог установить. По сути дела, было так, как будто законы вселенной, механизмы физической природы разом приостановились. Он словно угодил в пузырь безвременья, взирая сквозь непрочные стены своей тюрьмы на застывший ландшафт. Когда же время возобновило свое течение и пузырь вокруг него лопнул, он издал низкий, неистовый стон, который быстро перешел в крик.

Он повернулся и поковылял к коридору.

Пол, казалось, ехал, как основа комнаты смеха на ярмарке, и это заставляло его опираться о стену, пока он шел, иначе он бы тут же потерял равновесие.

Он отыскал комнату с дедушкиными часами. Стеклянная дверца футляра была открыта, замазана кровью. Медный маятник, заброшенный на долгие годы, был покрыт налетом и такими же темно-красными пятнами.

— Амелия! — Он думал, что окликнул ее по имени. Но когда прислушался к себе, то услышал бессловесный крик, крик, вырывавшийся из сухого, потрескавшегося горла.

Он повернулся и пошел обратно по коридору, заглядывая в каждую комнату, не зная наверняка, что сделает, когда найдет ее. А потом он наткнулся на нее; она уже вернулась в детскую и стояла на коленях у колыбелей, прямо в красных лужицах.

Она не смотрела на него.

Через прутья колыбели Ланы она вглядывалась в скрючившееся там безжизненное тельце.

Ее волосы в беспорядке свисали по щекам, сворачиваясь над воротником, как будто заряженные статическим электричеством. Ее одежда была перепачкана и смята, покрыта огромными пятнами пота. Сколько бы ни длилось охватившее ее днем сумасшествие, оно нанесло ей тяжелый урон, прежде чем произошла кульминация — убийство двойняшек.

— Амелия, — негромко позвал он, стоя посреди комнаты, на полпути между колыбелями и дверью. На этот раз он не мысленно окликнул ее, а действительно заговорил с ней. Он перестал кричать. Пока.

Она подняла взгляд.

— Они никак не переставали плакать, — сказала она.

Хуже всего был ее голос. Он был совершенно нормальным. В нем не было ни малейших признаков сумасшествия. Он был холодный, грудной и, как всегда, чувственный. Прежде это было одной из ее самых привлекательных черт. Теперь это казалось непристойно и отвратительно.

— Ты убила их, — произнес он.

— Если бы только они не плакали так много, — повторила она.

Он не нашелся что сказать.

— Я завела дедушкины часы, — сообщила она. — Ты видел? — Она вытерла руку в красных пятнах о прядь волос. — Когда часы ходили, у нас не было никаких двойняшек. Теперь они снова идут, но двойняшки по-прежнему здесь. Я хочу, чтобы они ушли. Я хочу, чтобы все стало так же, как раньше.

— Часы не ходили пять лет, — заметил он.

Это было совершенно бессмысленно. Его речи становились такими же безумными, как ее.

— Теперь они идут, — сказала Амелия. — И совсем скоро дело пойдет на лад. Все будет замечательно. Двойняшки уйдут, и я снова буду счастлива, и мы с Ли сможем разъезжать повсюду, как раньше. Двое детей — это более чем достаточно, Джейк. Ли согласится. Я просто-напросто обратила время вспять.

Он прошел остававшееся до нее расстояние, избегая смотреть на мертвых близнецов. И промолвил:

— Ты убила их!

— Обратила время вспять, — возразила она.

Несмотря на растрепанные волосы и плачевное состояние одежды, лицо ее было торжествующе-красивым.

Это тоже показалось ему неправильным. Он хотел дать ей понять все это, а потом посмотреть, как она в один миг станет старой и уродливой.

— Ты кромсала ножом своих собственных детей, снова, и снова, и снова. Ты — убийца, Амелия.

— Разве ты не видел часы?

По какой-то причине, что была выше его понимания, он должен был причинить ей боль, и понял, что часы — направление атаки, в котором она наиболее уязвима. Он объявил:

— Часы не ходят!

— Ходят!

— Я только что заходил посмотреть на них, — сообщил он. — Они снова остановились.

— Нет.

— Детали заржавели.

— Нет!

— Часы никогда больше не пойдут.

Она вскочила на ноги, лицо ее внезапно перекосилось. Она оскалила зубы в дикой, широкой и злобной ухмылке. Ноздри раздулись. Ее глаза раскрылись широко и потрясенно, уставились куда-то вдаль.

Он потянулся к ней.

Она попятилась, занесла нож и бросилась на него.

Джейкоб то ли забыл про нож, то ли подумал, что она его выронила. Она держала его у бока, наполовину скрытый ладонью и складками одежды. Он попытался отскочить назад, но не успел уклониться от удара. Лезвие распороло ему плечо и причинило жестокую боль, от которой он истошно закричал.

Он упал, схватившись за руку, чувствуя, как кровь побежала у него между пальцами. Забытье обрушилось на него, как огромная темная птица. Он знал, что должен перебороть его, иначе Амелия его убьет, пока он будет лежать без сознания. Но птица была слишком тяжелая и слишком настойчивая. Она устроилась у него на лице и заслонила собой весь белый свет.

К тому времени, когда он очнулся, он потерял с чашку крови или больше, хотя кровь из раны теперь текла лишь тоненькой струйкой. Он лежал в детской наедине с трупами, но ему безумно хотелось выбраться оттуда, даже если это означало привлечь Амелию шумом своих движений.

В коридоре он добрел до лестницы и стал спускаться вниз, настороженный густым сумраком на первом этаже. Но когда он добрался до нижней площадки, то понял, что волноваться теперь нечего. Она, должно быть, споткнулась на ковровой дорожке, пока бежала сверху, и упала на ступеньки. Ее шея была сломана, и она лежала на последней ступеньке неопрятной грудой.

Любопытно, что теперь, сознавая, что лично ему ничто не угрожает и что этот кошмар близится к концу, когда он сможет получить помощь, он отреагировал не так логично, как должен был бы. Он стоял там, над мертвым телом сумасшедшей женщины, и еще долгое время кричал, как будто сотрясение воздуха могло изгнать из него отчаяние.

Сочельник, 1957 год.

Глава 8

Элайн закрыла дверь комнаты Джейкоба Матерли и прислонилась к косяку в поисках опоры. Она сумела усидеть на протяжении всей ужасной истории об убийствах в Сочельник и дождаться вместе с Джейкобом, пока вечерняя доза снотворного возымеет действие и он уснет. На протяжении всего этого времени она старалась напоминать себе, что ее

собственная реакция не важна. Что имело значение — так это успокоить Джейкоба и не дать ему повода раз волноваться еще больше. Он был, уже не говоря обо всем остальном, ее пациентом, единственной причиной, по которой она находилась здесь, средоточием ее новой жизни. Потому она сочувствовала ему и пыталась утешить его, прищелкивая языком и похлопывая рукой, загоняя свой страх глубоко внутрь, где он не смог бы его разглядеть. Теперь же, наконец вне поля видимости старика, страх поднялся и бешено забурлил в ней самой.

Что она делает в этом доме?

Да, тут есть работа, деньги, комната и питание — и чувство, что в первый раз в своей жизни она добилась успеха, встала на ноги. Но этого не достаточно, чтобы удержать ее здесь, ведь так? Она могла так же легко получить работу в более счастливом доме, вдали от столь долго вынашиваемого зла, которое нависло, словно саван, над владением Матерли. Прежде всего это было двойное убийство пятнадцатилетней давности и весь этот кошмар, который остался после него, остатки сумасшествия, которые никто никогда не сможет вытравить из этих комнат или из сознания людей, переживших последствия убийств. А совсем на поверхности было пьянство Пола Хоннекера, которое выводило ее из равновесия больше, чем

она сама прежде думала. Ей никогда не нравилось находиться среди пьяниц, потому что они неуравновешенны, отрезаны от реальности, слишком склонны к пустому фантазированию. И еще был Деннис Матерли и его легкомыслие. Он и этот дом вместе внушали ей ужасную тревогу. И были, конечно, удары ножом, нанесенные Силии Тамлин. И возможно, самое страшное из всего — это упорство Джейкоба Матерли относительно того, что виновный — один из членов его собственной семьи.

Оставить.

Уехать прочь.

Найти другую работу.

Но она не могла этого сделать. Она не могла главным образом потому, что это было бы все равно что убежать от проблемы, откаться посмотреть в глаза реальности. А она никогда не убегала. Ни от чего. Были времена, когда ее, еще ребенка, больно ранили и внушали страх холодность и бесчеловечность приюта и его персонала, так что она даже подумывала о побеге. Она мечтала о том, чтобы ее нашла богатая супружеская пара и взяла к себе в дом, кормила, и нежила, и одаривала любовью. Но вскоре она отринула эти мечты и научилась справляться с тем, что есть на самом деле. Теперь, много лет спустя, она не могла поддаться детскому порыву бежать от своих напастей.

Но были, как она понимала, и другие вещи, удерживающие ее здесь. Был Ли Матерли, чья сила духа на протяжении всего этого ужасного происшествия с Силией Тамлин была просто восхитительна. Он был сильным и мужественным и молодцом перенес последний удар судьбы, пусть даже и стал чуть более бледным и не таким бодрым. Он, как считала Элайн, был воплощением отцовства. Он был строгим, умелым отцом, о котором она всегда мечтала и которого на самом деле никогда не знала. А еще был Гордон. Ей не хотелось думать об этом, потому что она боялась, что обманывает себя. И все-таки, проходя мимо друг друга по коридору или встречаясь за столом, они обменивались взглядами, которые давали ей уверенность, что он испытывает к ней ту же привязанность, которую она осторожно начинала позволять себе по отношению к нему.

Зато Джейкоб Матерли явно отказался от мысли, будто кто-то из членов семьи виновен в случае с Силией Тамлин. Старик уверял ее, что он больше не придерживается мысли, что сумасшествием, которым страдала Амелия Хоннекер-Матерли, заразился также кто-то другой с ее кровью. Теперь он от чистого сердца соглашался с версией капитана Ранда насчет автостопщика. От этого ей должно было бы стать спокойнее.

Не становилось.

Она признавалась себе, что не верит во вновьобретенный стариком оптимизм. Слишком уж рьяно он стремился принять версию Ранда. Слишком уж шумно поддерживал вероятность того, что преступление совершил посторонний человек. За всем его видом, выражавшим облегчение, и его озабоченностью тем, чтобы этого незнакомого автостопщика нашли и наказали, таились те же сомнения, которые он выказывал раньше, в те времена, когда он хотел быть более честным с самим собой. Джейкоб Матерли по-прежнему считал, что виноват Деннис, или Гордон, или Пол. Он был напуган чуть ли не до смерти, ожидая, что вот-вот что-то грянет.

И она тоже, как наконец-то поняла Элайн.

— Теперь вас наняли в качестве телохранителя? — спросил Гордон Матерли. Он поднялся на лестничную площадку прежде, чем она успела сообразить, что он здесь.

В какой-то момент она выглядела смущенной.

— Оставили обязанности медсестры, чтобы сторожить дедушкину дверь?

Она улыбнулась:

— Нет. Я направлялась в свою комнату, но, похоже, на этом месте силы меня покинули.

Он поинтересовался, уводя ее от двери:

— Как он?

— Похоже, приступы его больше не беспокоят, несмотря на продолжающееся возбуждение. Я бы сказала, что в общем и целом дела его пошли на поправку.

— Я волнуюсь за него, — сказал Гордон. — Я не хочу его потерять.

Она улыбнулась:

— Он чудесный старикан.

Гордон с воодушевлением согласился, а потом заявил:

— Я пришел спросить, не хотели бы вы спуститься вниз и сыграть со мной несколько партий в бильярд.

Девушка хмыкнула и тут же поразилась самой себе. Зардевшись, она призналась:

— Я не умею играть. Я никогда не играла.

— Я вас научу, — пообещал Гордон.

Это был один из самых приятных вечеров в ее жизни. В середине вечера Бесс принесла им напитки и закуски, но все прочее время они оставались в игровой комнате с глазу на глаз. Обычно Элайн не слишком интересовалась играми, потому что считала их пустой тряской времени. Но Гордон старательно объяснил ей, что пул, в отличие от многих других игр, полезен, поскольку проверяет математическое мышление игрока и чувство соотношения. Он учил ее игре, как будто это была головоломка, которую предстоит решить, объясняя удары от борта и то, как ударить по шару, чтобы послать его влево.

во или вправо. Все это было очень захватывающее, а его общество делало это вдвойне стоящим.

Когда где-то в одиннадцать тридцать она пошла спать, она чувствовала себя окрыленной. Несмотря на то, что случилось с Силией, несмотря на уныние, нависшее над домом, несмотря ни на что, она чувствовала себя замечательно.

Из-за Гордона.

Когда она уснула, ей приснился Гордон. Они гуляли вместе по бескрайнему саду, где вся трава была подстрижена и все кусты ухожены. Дикие фрукты росли на многих деревьях. Птицы пели над головой и сопровождали их, словно особые слуги, куда бы они ни пошли. Небо было синим, воздух — теплым, а весь остальной мир — за миллион, за миллиард лет от них.

Она проснулась от грома, который ударили над крышой, словно бомба...

Сперва она не распознала источник шума и даже комнату, в которой проснулась. Гром сотрясал плоское небо снова и снова, обрушивал бесплотные кулаки на дом Матерли, дребезжал оконными рамами и заставлял сам воздух одобрительно дрожать. Молнии, вызванные из другого измерения тяжелой канонадой, поигрывали желто-белыми пальцами по стеклу и отбрасывали ломкие крупицы призрачного света на кровать, в которой она лежала. И только когда полдюжины вспышек этой стробоскопи-

ческой иллюминации ударили в тускло освещенную комнату, она вспомнила о доме Матерли, своей работе, своем пациенте, о нападении на Силию Тамлин, об истории про Сочельник...

Ее безмятежный сон ушел.

Ее сон о Гордоне улетучился.

Она встала и подошла к окну.

Утро было совсем темным, низкое небо набрякло от пелены холодного дождя, который прорывался сквозь деревья на ухоженный сад в хозяйственных угодьях. Гроза была такой неистовой, дождь — таким плотным, что она даже не могла рассмотреть колониальный особняк Бредшоу, который обычно был виден из ее окна даже в сумерки.

Особенно яростный удар грома заставил ее вздрогнуть и отскочить назад. Когда он минаовал, она рассердилась. Было время — и совсем недавно, — когда она ни за что не испугалась бы грома, когда она сочла бы его всего лишь шумом, безобидным шумом. Этот дом изменил ее, а она не оказывала ему достаточного сопротивления.

Элайн отвернулась от грозы, приняла душ, оделась и отправилась осмотреть Джейкоба. Он по-прежнему был полон ложной уверенности, что несостоявшийся убийца Силии Тамлин — посторонний человек.

Комнаты внизу были темные, освещенные только пробивавшимся сквозь облака солнцем,

которое тускло светило в глубоко посаженные, исполосованные дождем окна. На кухне она обнаружила грязные тарелки, составленные в раковину. Бесс не убирала накопившийся с утра мусор и не готовила дневную еду, хотя было уже начало одиннадцатого. Это, как она решила, означало, что у пожилой четы выходной и они уехали за покупками или в гости. Бесс была просто помешана на чистоте, чтобы оставить невыполненной свою работу.

Она приготовила себе тост и кофе, поела за кухонным столом, откуда ей были видны задняя лужайка, бегущие облака, ивы, которые трепал ветер. Она неспешно пила вторую чашку кофе, когда дверь в кухню открылась и вошел Деннис Матерли. Лицо его вдоль левой щеки было заляпано алой краской, а руки покрыты зелеными пятнами. На нем были испрепаные джинсы и рабочая рубашка — гораздо менее претенциозное одеяние, чем то, в котором она привыкла его видеть.

— Доброе утро! — поздоровался он, бодрый, несмотря на дождь и настрой в старом доме.

Она сдавленно произнесла:

— Доброе утро, Денни.

— Я вижу, вы сварили кофе.

— Я не наполняла кофейник, — сообщила она. — Но там, наверное, еще хватит на пару чашек.

Он налил чашку, положил сахар и сливки, чересчур много, как ей показалось, потом сел за стол, прямо напротив нее, осторожно отхлебывая дымящийся напиток.

— Вы слышали про Силию? — спросил он.

Элайн обнаружила, что ей не хочется смотреть прямо на него. Она сказала, по-прежнему глядя мимо его плеча, на дождь:

— Нет, не слышала.

— У нее миновал кризис, — выдал новость Деннис.

Она посмотрела на него:

— Очнулась от комы?

Он нахмурился и вытянул губы.

— Еще нет. Но доктора говорят, что ее шансы на полное выздоровление очень неплохие. Они намерены давать ей сильное успокоительное, когда она придет в себя, так что, вероятно, мы какое-то время не узнаем, кто виноват.

Она не знала, что сказать в ответ. Она вообще не хотела с ним говорить, и особенно о том, как ударили ножом молодую девушку, которую он до этого привел в этот дом. Глядя на него, отчасти завороженная его приятной внешностью, она увидела в его глазах нечто, с чем ей не хотелось иметь дело и что она не могла ясно определить, нечто немало ее пугавшее.

— А что, у Бесс и Джерри выходной? — поинтересовалась она, надеясь, что разговор сам собой угаснет в банальностях.

— Да, — кивнул он. — И Бесс будет кричать как оглашенная, когда увидит тарелки, которые здесь понаставили. — Он хмыкнул и сделал последний глоток кофе.

Она тоже допила свой и поставила чашку в раковину, после того как сполоснула ее.

Он подошел к ней, поставил свою чашку рядом с ее и осведомился:

— Вы не хотите подняться в мою мастерскую и посмотреть на последние несколько «шедевров», над которыми я так усердно работал?

Она не хотела. И протянула:

— Вообще-то у меня есть дела и...

— Идемте, — настаивал он. — Отец уехал по делам в город. Гордон отправился вместе с ним. Некому повосторгаться миниатюрой, которую я только что закончил. А я просто гибну без поклонников.

— Дядя Пол, похоже, ваш величайший поклонник, — сопротивлялась девушка.

— Да, но он тоже уехал. Сегодня тот день месяца, когда он получает свой чек. К этому времени он уже взял его в банке, но не вернется домой до ужина. Он любит отмечать получение каждого чека в каком-нибудь из его любимых баров. — Деннис улыбнулся, говоря это, и она увидела, что в его лице или голосе нет ни гнева, ни упрека. Ему, казалось, вообще все равно, что его дядя — пьяница.

Потом ей пришло в голову, что, если не считать Джейкоба Матерли, они одни в доме.

А Джейкоб — инвалид, не способный помочь ей, если...

Если — что?

— Идемте, — звал Деннис. — Вы еще не ходили наверх посмотреть на мои работы, а вам давно пора это сделать.

Он взял ее за руку.

Его рука была теплая, большая, сухая и твердая. Она не знала, почему следовало ожидать чего-то другого, но, когда она почувствовала его руку и обнаружила, что она не холодная, она удивилась.

— Мне на самом деле нужно заглянуть к вашему дедушке и посмотреть...

— С ним все будет в порядке! Всего на несколько минут, — говорил он, уводя ее из кухни в нижний коридор.

Элейн не видела никакого способа вежливо отклонить его приглашение и не хотела его злить. В конце концов, он был любимым сыном своего отца. И в нем текла кровь Хоннекеров...

— Мне нужна честная оценка, — заявил Деннис, когда они двинулись по лестнице на второй этаж.

Она не ответила. Не могла ответить, потому что у нее перехватило горло и, казалось, она вовсе потеряла дар речи.

— Я ненавижу людей, которые говорят, что им все нравится. Дядя Пол — мой лучший критик, потому что он честный. Он никогда не забывает указать на мои недостатки и покритиковать просчеты в технике. Он сам немного учился искусству — в числе многих других вещей.

Элайн вспомнила честность Пола Хоннекера за ужином, в тот первый вечер, когда Силья развивала свои идеи относительно полного возрождения особняка. Ей хотелось самой быть такой же правдивой. Ей хотелось преодолеть свой страх перед Деннисом и свое нежелание пойти на риск и оскорбить его. Если бы только она смогла сказать: «Я боюсь вас! Я не хочу подниматься туда с вами, пока мы одни в этом доме. Отпустите меня!» Если бы только... если бы только она могла убежать.

В конце коридора на втором этаже они открыли дверь и поднялись по крутой узкой деревянной лестнице к второй двери, которая вела на мансарду. Они вошли в большую комнату, где Деннис Матерли спал и работал. Стены сияли белизной и были увешаны примерно двадцатью его полотнами и рисунками. Полированый пол был наполовину покрыт истрепанным восточным ковром, скрадывавшим шаги. Потолок был с открытым балочным перекрытием, отполированным до тусклого блеска. Большое окно проливало солнечный свет на чертежный стол и крутящийся стул, которые занимали се-

редину комнаты. Было много и другой обстановки, хотя вся она имела сугубо практическое предназначение, — кровать, кресло, письменный стол и стул, книжные полки, до отказа набитые книгами по искусству, четыре мольберта, шкаф с припасами, ксерокс, стационарная камера для фотоувеличения и маленький холодильник, где можно было хранить охлажденные напитки.

— Негусто, но для меня это дом, — заявил он.

— А мне нравится, — сказала она.

Она сказала правду. Она готовилась увидеть комнату, полную плюшевой дорогой мебели, ковров с глубоким ворсом, никчемных безделушек, — какой, по представлению плейбоя, выглядит мастерская художника. Это было скорее место, где она могла почувствовать себя непринужденно, практическое, удобное.

— Я рад, что вам тут нравится, — улыбнулся он.

Он закрыл дверь на лестницу, так что они остались совершенно одни, в большей степени, чем когда-либо.

Глава 9

Здесь, на самом верху особняка, гроза была ближе, и ее яростные порывы ревели оглушительнее, чем внизу. Временами приходилось

даже приостанавливать беседу и ждать, пока раскат грома утихнет, прежде чем продолжить.

Молния расколола небо прямо над головой, пронзив сине-черные облака.

Элайн не мнила себя критиком-искусствоведом, но, даже несмотря на это, она почувствовала, что у Денниса Матерли действительно есть талант. Больший, чем она могла судить, пока не увидела его работы. Да, действительно, полотна были слишком яркими, чтобы радовать глаз, усеянные фантастическими, отделенными от тулowiщ лицами, причудливыми, неземными ландшафтами, деталями, порой настолько выразительными, что это граничило с безумием, — тратить столько времени, чтобы выводить мельчайшие контуры. Но они были хороши, без всякого сомнения. Хороши, как она решила, не совсем в профессиональном смысле. Кто, в конце концов, сможет жить среди таких безудержных фантазий и такого нереалистичного буйства красок, развешанных по стенам? Возможно, он талантлив, но финансового успеха ему не добиться.

Прохаживаясь по комнате, она остановилась перед портретом поразительно красивой женщины. Весь холст занимало ее лицо и несколько тщательно выписанных, но не поддающихся расшифровке теней позади нее. Женщина смотрела в комнату взглядом, который казался пустым, бесцельным — и удивительно

бесчеловечным. Ее кожа имела легкий голубой оттенок, как и почти все на портрете. Только зеленые капли какой-то жидкости, блестящие у нее на лице, отличались от преобладающего голубого.

— Вам нравится? — спросил Деннис.

Он стоял от нее так близко, что она чувствовала его дыхание. Но ей было некуда подвинуться, пока она смотрела на странное лицо этой женщины.

— Да, — призналась она.

— Это одна из моих любимых.

— Как она называется?

— «Безумие», — сообщил он.

Когда Элайн посмотрела снова, ей стало видно, что это очень подходит. И в следующий момент она поняла, кто здесь изображен. Амелия Матерли. Его собственная мать.

Сверкание молнии, отраженное окном в крыше, делало зелеными капли на ее лице блестящими и выпуклыми, как будто они были настоящими каплями влаги, а не высохшими масляными.

— Зеленые брызги — это кровь, — сказал он.

Элайн стало дурно.

А Деннис говорил:

— Думаю, сумасшедший человек вряд ли имеет на смерть ту же точку зрения, что и здоровый. Сумасшедший или сумасшедшая, наверное, хорошо видят смерть как начало

нового, как шанс стартовать. Для них, возможно, это не конец, не финальный акт. Вот почему я выбрал зеленый для капель крови на картине. Зеленый — цвет жизни.

Она ничего не могла сказать. И только обрадовалась, когда удар грома освободил ее от этой обязанности.

— Женщина на холсте — убийца, — сказал он.

Она кивнула.

Деннис спросил:

— Вы знаете, кто?

— Я слышала эту историю, — еле выдавила из себя Элайн.

— Я любил свою мать, — вздохнул он. — Она всегда делала странные вещи и странно реагировала. Но я все равно любил ее.

Элайн ничего не сказала. Она уже подумывала о том, чтобы извиниться и пойти к двери, но у нее было ужасное предчувствие, что она не доберется до нее. Лучше подождать.

— Когда я узнал, что она сделала с двойняшками, что она пыталась сделать с дедушкой, я едва не потерял рассудок.

Молния и гром. А дверь — так далеко.

Деннис рассказывал:

— Вы не представляете, какой я был неприкаянный. Больше года мне хотелось умереть. Я так сильно рассчитывал на свою мать, так глубоко зависел от ее любви. А потом она

ушла — перед этим безжалостно уничтожив двоих своих детей — и могла уничтожить меня, если бы я оказался там в то время. Я был охвачен мрачной уверенностью, что никому в этом мире нельзя доверять, и не решался поворачиваться спиной ни к кому, даже на миг, сколько бы они ни заявляли о своей любви ко мне.

Элайн наконец сумела отвернуться от картины и посмотреть на него. Его широкое красивое лицо было опустошенным, перекошенным от усталости и бледным от воспоминаний.

— Представляю, как это было ужасно, — кивнула она.

— К счастью, мой отец понимал это. «Он видел, что со мной творится, и из кожи лез вон, чтобы я знал — меня любят. На долгие месяцы он оставил дела в руках своего бухгалтера и провел бесчисленные часы, стараясь успокоить меня, сделать так, чтобы я забыл. В конечном счете ему это удалось. Но без его заботы, боюсь, я бы уже давно сломался.

Внезапно он отвернулся от девушки и пошел к самому большому мольберту, где была прикреплена неоконченная работа. И предложил:

— Посмотрите.

Она неохотно подошла к нему сбоку.

— Как вы считаете — здесь вырисовывается что-нибудь путное? — спросил он.

— Это Силия, да?

Он подтвердил. Половина ее лица была нарисована краской, в то время как другая половина до сих пор существовала в виде наброска, нанесенного розово-коричневой пастелью.

— Я думала, портреты плохо вам даются, — сказала она.

— Самое смешное, что это так. Но с моей матерью, а теперь с Силией у меня не было никаких трудностей.

— Вы, должно быть, очень ее любите.

— Силию? Вовсе нет. Она чудесная девушка, но я не испытываю к ней чувств. Просто... просто оказалось, что я могу рисовать лица лишь тех, кто пострадал от хоннекеровского безумного наследия. У меня есть два других портрета, младенцев. Они получились не так хорошо, потому что были слишком маленькими, чтобы обладать четко выраженным обликом, индивидуальностью.

— Я вижу, здесь вы увлеклись оранжевыми тонами, — показала она.

— За исключением крови, — поморщился он. — Когда я рисую кровь, я делаю ее красной. Ярко-ярко-красной. Силии смерть виделась не как начало, а как конец. Она не была сумасшедшей.

Он взял мастихин и попробовал его пальцем. Тот был не острый, но длинный и гибкий. И только конец острый.

Он принял за участок холста, который ему, похоже, не нравился, соскребая шершавые пупырышки масляной краски.

— Получится замечательный цикл — вот это и портрет моей матери.

— Действительно, — согласилась Элайн.

Она видела, что теперь Деннис стоит между ней и дверью, и не понимала, как могла допустить это.

«Перестань! — приказала она себе. — Ты ведешь себя как дура, глупенькая, пустоголовая дурочка».

Он выдавил немного краски на палитру и начал смешивать ее мастихином. Это была алая краска. Она приставала комками к серебряному инструменту, как... как...

— Кровь, — сказал он.

Элайн вздрогнула, хотя он не заметил этого, и она переспросила:

— Что?

— Я хочу посмотреть, какой эффект даст кровь на фоне оранжевой бледности ее кожи.

«Стой на месте, — говорила она себе. — Не нужно бояться. Он всего лишь человек, а ты научилась обращаться с людьми». Но она также знала, что он может быть сумасшедшим, таким же сумасшедшим, как в свое время Амелия Матерли, и она понимала, что ей никак не справиться с чем-то подобным. В ее мире логики и здравого смысла сумасшествию не отводилось

никакого места. Сумасшествие было осложнением. Ей же хотелось, чтобы все было просто.

Он поднял нож, уставившись на него, в то время как красная краска медленно бежала вниз, к ручке и его пальцам.

— Хорошо смотрится, — заметил он.

Дождь забил еще резче по окну в крыше, еще более крупными каплями, звук от которых получался почти как от града.

— Ну что же, — объявила она, — мне пора идти.

Он продолжал смотреть на нож.

— Но вы только что пришли.

— Тем не менее ваш дедушка...

— Ему не понравилось первое полотно — с мамой.

Его голос казался таким далеким и не связанным с этим моментом, что она не поняла, что именно он имеет в виду.

Элайн спросила:

— Кому не понравилось?

— Дедушке, — сказал он.

— Почему нет?

Деннис повернул нож, соскребая краску со своих пальцев, и снова вскинул лезвие.

— Дедушка взглянул на него лишь один раз и отказался рассматривать. Он сказал, что совсем не хочет вспоминать что-нибудь о том дне и о том, что он видел, и что мое полотно слишком яркое и слишком достоверно для него, что-

бы изучать его спокойно. Он всегда интересовался моей работой, но совершенно не выносил этого полотна. А оно, как мне кажется, лучшее, что я когда-либо делал.

— Мне оно нравится.

— Спасибо.

— А реакцию вашего дедушки можно скорее истолковать как похвалу, а не как неприятие.

— Наверное.

Она вздохнула:

— Пожалуй, я все-таки пойду.

Он вытер алую краску с ножа.

— Вы не возражаете? — спросила она.

— Он — ваша работа, — хмыкнул Деннис.

— Да, это так. И я не могу оставлять его без присмотра. Спасибо вам за то, что показали мне свою мастерскую. Ваши работы очень интересные, это чистая правда. Ну что же...

Немного алой краски попало ему на пальцы. Он стоял там, пристально глядя на нее, как будто видел что-то на поверхности темно-красного пятнышка, какой-то образ, который ему предстояло использовать в своей живописи.

Она отступила от него на шаг.

Он не повернулся.

Она прошла к двери, уверенная, что теперь он в любой момент может броситься за ней.

Когда она достигла двери, то оглянулась назад и увидела, что он рисует темно-красные

капли на лице Силии Тамлин. Он, казалось, вообще забыл, что Элайн была здесь.

Она припустила по ступенькам мансарды, перепрыгивая сразу через две, хотя и понимала, что он может услышать ее топот. Она открыла дверь внизу, вышла в коридор и закрыла за собой створку.

Дыхание ее было частым и прерывистым. Она каждый раз втягивала воздух полной грудью, как будто совсем не ожидала, что ей придется выйти из этой мансарды. Воздух был прохладный, и чистый, и вкусный.

Когда нервы ее несколько успокоились, она пригладила волосы и расправила блузку. То, что она сосредоточилась на своем туалете, помогло ей еще больше успокоиться. Оправившись, она спросила себя, что ей теперь следует делать. Следует ли ей немедленно пойти в комнату к Джейкобу Матерли и сказать старику, как себя вел Деннис и к чему, как она боялась, он клонил?

Нет. Это не принесет никакой пользы. Что, в конце концов, Деннис такого сделал? Говорил о своей матери. Рисовал портреты сумашедших. Выказал нездоровое влечение к крови. Поигрывал мастихином так, как будто мог броситься на нее и пустить его в ход. Ничто из этого само по себе не было убедительно и не давало ни малейшего повода для обвинения. Только находясь там, можно было понять, что

он собой представлял. Дело было не только в том, что он делал, но в том, как он это делал, в его настроении, выражении его лица, интонации его голоса. А поскольку никто, кроме Элайн, не видел этих вещей и не мог постичь, как это было, остальное казалось глупым.

Кроме того, Джейкоб лишь сказал бы, что не нужно беспокоиться, что, в конце концов, убийца — человек посторонний. Автостопщик. Должен им быть. Капитан Ранд сказал, что это так.

Все, чего она могла добиться от Джейкоба Матерли, — это короткий разговор, минутное бегство из темного дома и от погруженных в раздумья людей, которые тут жили. Он был единственным островком света в этом месте. Но этого было достаточно. Вместо того чтобы сидеть одной в своей комнате, она отправилась поговорить со стариком. Назревала катастрофа. Она чувствовала ее в воздухе, придавившем ее своей тяжестью. По крайней мере, когда катастрофа разразится, она будет с кем-то еще. Не в одиночестве. Лишь бы не в одиночестве.

Глава 10

Если прежде казалось, что с момента покупки на Силию Тамлин события в доме Матерли, описывая круг, снижаются к отдален-

ной точке ужаса, то вечером третьего дня они устремились к этому ужасу подобно падающей звезде. Ночь постепенно превратилась в некое подобие кошмарного сна, который, как казалось Элайн в некоторые худшие его моменты, никогда больше не кончится.

Это начиналось постепенно, за ужином.

Деннис, поглощенный портретом Силии Тамлин, не явился к столу, и еду отнесли ему наверх. Это, казалось, обрадовало Ли, Джерри и Бесс. Они отреагировали так, как будто его внезапный сильный интерес к работе — признак возвращения в нормальное состояние. Неужели они не понимали, что это за живопись? Неужели его ярко выраженный интерес к сумасшествию не беспокоил их? Как они вообще могли выказывать удовольствие от такого порочного занятия?

Впрочем, как бы Деннис ни поднимал им настроение, Пол с лихвой это компенсировал. Он еще не вернулся из своей поездки в город и, очевидно, до сих пор пребывал в каком-нибудь баре, проматывая львиную долю той суммы, что получил по чеку. Время от времени Ли Матерли бросал раздраженный взгляд на пустой стул, как будто надеялась, что однажды чудесным образом обнаружит там Пола.

Они узнали, что Силия Тамлин вышла из комы, но еще не подвергалась допросу и не подвергнется еще по крайней мере двадцать

четыре часа. Доктор продолжал давать ей сильное снотворное.

Эта последняя новость, как полагала Элайн, должна была бы стать ободряющей. Но она лишь заставляла ее испытывать более сильное, более глубокое напряжение. Если несостоявшийся убийца принадлежит к дому Матерли, не подтолкнет ли его ближе к пропасти угроза того, что к Силии скоро вернется сознание? Если он боится, что она укажет на него пальцем, не выльется ли его пограничное с сумасшествием состояние в вакханалию лихорадочной деятельности, при котором никто из них не будет в безопасности?

Обед стал бы ужасно тягостным делом, если бы не усилия Гордона. Он вовлек Элайн в разговор, и ему удалось вытянуть из нее то, о чем она в обычной ситуации ни за что ни стала бы говорить. Его спокойная, несколько застенчивая манера, так сильно напоминавшая ее собственную, придавала ей уверенности.

Они доедали десерт — землянику с персиками в густых сливках, когда Пол Хоннекер наконец-то вернулся домой. Он так сильно хлопнул входной дверью, что грохот прокатился по всему дому, как от пушечного выстрела. Потом он некоторое время стоял в вестибюле, невидимый из столовой, и довольно громко ругал кого-то — возможно, себя.

— Вы меня простите? — спросил Ли Матерли, вытирая губы салфеткой и вставая. Ему было неловко за своего шурина.

Гордон умолк и внимательно прислушивался к тому, что говорилось в вестибюле, а Элайн делала вид, что ее занимают последние сочные красные ягоды земляники, плавающие в сливках у нее в тарелке.

— Какого черта тебе надо? — выпалил Пол Хоннекер.

По звуку его голоса, по слегка смазанным словам было ясно, что он и в самом деле сильно пьян.

— Говори потише, — попросил его Ли Матерли. Его собственный голос был спокойным, даже сочувственным.

— Какого черта? Почему я не могу орать все, что захочу? У меня был такой день, после которого только и станешь орать!

— Пойдем наверх, и ты сможешь мне об этом рассказать, Пол.

— Я сейчас тебе расскажу. Эти проклятые городские...

— Наверху, Пол.

— Я хочу выпить что-нибудь.

— Ты, похоже, и так уже много выпил.

— Я хочу еще, — рявкнул Пол. Голос у него стал плаксивый, но в нем проскользнула затянутая ярость, какой Элайн прежде никогда не слышала.

— У тебя в комнате есть бутылка? — спросил Ли.

— Да.

— Тогда пошли наверх. Ты выпьешь и расскажешь мне об этом.

На какой-то момент стало тихо, как будто этот верзила обдумывал предложение. Потом внезапно раздался взрывной звук разбитого стекла.

— Проклятые зеркала, — заявил Хоннекер. — Ненавижу эти проклятые зеркала. Вы знаете, что я их ненавижу, и все-таки поставили зеркал. Какого черта? Что, все здесь против меня? Что, все меня ненавидят?

— Конечно нет, — вздохнул Ли.

— Я собираюсь выпить, — провозгласил Хоннекер. Он ругался и вопил все время, пока поднимался по лестнице, и его голос медленно угасал до отдаленного ворчания, пока они шли в его комнату.

Гордон отодвинул недоеденный десерт. Его лицо побелело, губы плотно и гневно сжались.

— Мне так жаль, что вам приходится этому подвергаться.

— Все в порядке, Гордон.

— Совсем не в порядке, — отрезал он. — Пол отвратительный человек. Я не люблю людей, которые ничего не добиваются. Он ленивый и слишком много пьет. Я думаю, несмотря на завещание матери, отцу следует позаботить-

ся, чтобы Пол жил на собственные средства. Это, возможно, пошло бы ему на пользу.

Она согласилась, но ничего не сказала, потому что считала, что это дело семейное, которое ее совершенно не касается.

Гордон продолжал:

— Мой брат — еще один человек, которому нужно бы чуточку дисциплинированности. Жить здесь, ничем не заниматься, кроме своей живописи, мечтать о признании критиков. Это было бы смешно, если бы он не напоминал мне так сильно мать.

— Всё как?

— Да. Взбалмошный, легко приходящий в волнение. Сильно подверженный фантазиям. У Пола это тоже есть. Ужасно, что отец ничего не делает, чтобы обуздить эти качества. Порой меня это пугает.

Элайн понимала, что именно он имеет в виду.

Проверив самочувствие Джейкоба Матерли и услышав его обещание принять снотворное, как только он закончит читать свою книгу, Элайн пошла в собственную комнату и переоделась ко сну. Она собиралась почитать что-нибудь легкое, какой-нибудь приключенческий роман из тех, что купила перед приездом сюда. Но роман был чересчур уж глупым, на ее

вкус, и, кроме того, периодическое шумное бормотание Поля Хоннекера не давало ей сосредоточиться больше чем на несколько страниц без того, чтобы ее не отвлекли. Когда стало ясно, что повествование не захватит ее, она положила книгу и занялась разными мелкими делами.

Она выстирала две пары чулок в ванной, примыкавшей к ее комнате, и повесила их сушиться.

Пол Хоннекер все еще бормотал.

Она подпилила ногти и покрасила их светлым лаком, чтобы не ломались больше обычного. На самом деле ее не так уж волновал вид своих ногтей, но это как-никак помогало скоротать время.

Она вытерла пыль в комнате и немного привела в порядок вещи — вещи, которые по большей части не требовалось приводить в порядок.

Она написала короткое письмо подруге, которая вместе с ней училась на медсестру. Они не были так уж близки, и прежде Элайн собиралась дать этой дружбе постепенно угаснуть, когда пути их разойдутся. Но теперь это было замечательно — иметь возможность установить даже такой ограниченный контакт с внешним миром.

Она посмотрела телевизионный документальный фильм про экологическое движение.

Как правило, она не интересовалась комедиями или вестернами, предпочитая те передачи, которые считала познавательными. Однако сегодня вечером, когда экологический час закончился, она посмотрела несколько невыносимо смешных программ. Более того, она смотрела, пока ее не сморил сон. Через несколько минут после полуночи она выключила телевизор, перевернулась, натянула на себя одеяло и потянулась к светящейся ауре сна, которая мерцала совсем рядом.

Ей приснилась картина.

На картине было ее лицо, такое огромное, что заполняло собой все горизонты. Ее лицо на картине было усеяно каплями крови. Ее собственной крови. Ее глаза слепо уставились со вселенского холста, ее рот приоткрылся в бессловесном крике боли...

Она проснулась от звука звонка срочного вызова и соскочила с кровати: профessionализм взял верх над сонливостью. Она набросила халат и поспешила по коридору к комнате Джейкоба.

Дверь была приоткрыта, но она не остановилась, чтобы поразмыслить, что бы это значило. Она вошла, включив свет, когда проходила мимо выключателя, и застала старика согнувшимся пополам, натужно кашлявшим, жадно ловившим ртом воздух, с жесточайшим, как никогда, приступом.

Она достала две глицериновые пилюли из аптечки, налила стакан воды. Поддержала его голову, пока он глотал первую таблетку, и снова опустила его на подушки. Лицо его было невообразимо красным; пот каплями усеял лоб и струился по щекам. Влажные волосы промочили и наволочку под ними. Она дала ему вторую таблетку, потом стала наполнять шприц дозой морфина.

— Ключ... — прохрипел он.

Голос у него был тонкий и похожий на птичий, почти неразличимый.

— Ключ?

Он показал на верх тумбочки, где лежало кольцо с ключами, его длинные пальцы безответно дрожали.

— Ключ... от этой комнаты, — пояснил он.

— Не волнуйтесь, — сказала она ему, изобразив улыбку, которая, как она считала, успокоит его.

— Заприте меня... когда вы... когда вы уйдете!

— Пожалуйста, отдохните, мистер Матерли. Не волнуйтесь, и очень скоро вам станет лучше.

— Поклянитесь... поклянитесь, что вы... запрете меня.

— Давайте-ка закатаем вам рукав, — предложила она.

— Поклянитесь! — Он побагровел от бешенства. Все его тело сотрясалось, как будто кто-то снова и снова ударял по нему.

Она увидела, что проигнорировать его пустые речи — еще хуже, чем уступить им. И сказала:

— Я это сделаю.

Он откинулся назад, лицо его быстро бледнело, губы приобретали синюшный, мертвенный оттенок.

Она закатала ему рукав, протерла тампоном участок на внутренней стороне локтевого сгиба и ввела морфий.

Вскоре румянец вновь проступил на его щеках. Взгляд у него был тяжелый, но в нем уже не царило прежнее страдание.

— Полегчало? — спросила она.

— Устал, — сказал старик. — Очень устал... так устал.

Она послушала его сердце стетоскопом, слушала долго. Поначалу удары были такими прерывистыми, что это напугало ее, и она решила вызвать «скорую помощь», если в ближайшее время оно не заработает более размеренно. Но через некоторое время удары все-таки смягчились и обрели устойчивый ритм.

Лицо Джейкоба снова было здоровым и по цвету, и по выражению — за исключением, конечно, поврежденной половины, — а с его губ сошла мертвенная бледность.

Она наполнила тазик водой в примыкавшей ванной и вытерла ему лоб и лицо холодной салфеткой. Закончив с этим, она поме-

няла старику постельное белье и уложила его поудобнее.

— А теперь? — спросила она.

— Лучше.

— Я останусь с вами до тех пор, пока вы не заснете.

— Вы не забудете про свое обещание?

— Я запру дверь, — заверила она его, хотя не знала, почему ей следует это сделать.

— Я не хочу, чтобы он снова зашел.

— Кто?

— Я не знаю, кто это был. Все, что я видел... я видел нож в свете из окна.

Она почувствовала, как ее собственное сердце забилось быстрее. Вошедшая в свою профессиональную роль, глубоко поглощенная исполнением своих обязанностей медсестры, она на какое-то время забыла про дом Матерли и его наследие безумия.

— Уж не хотите ли вы сказать, что кто-то снова пытался вас убить?

Он кивнул.

Она знала, что ей следует оставить эту тему, но не могла. И спросила:

— Но почему вы не смогли рассмотреть, кто это был? С ночником можно было бы...

— Когда я проснулся, ночник не горел.

Тут она поняла, что все это происшествие ей приснилось, потому что здесь всегда горел ночник, по его собственному настоянию. Она

ясно помнила, как лично проследила за этим вечером, прежде чем покинула комнату.

Он продолжал:

— Он разбудил меня, когда в темноте на-ткнулся на стул. Когда я открыл глаза, ночного освещения не было. Только тусклый свет из окна. Я дотянулся до шнура от звонка и потянулся, чтобы привлечь ваше внимание, потому что обнаружил, что у меня в легких недостаточно силы, чтобы закричать.

— Сейчас здесь никого нет, — сказала Элайн.

— Когда зазвонил звонок, он убежал.

— А теперь отдохните, — велела она. — Он ушел и не причинит вам вреда.

— Вы мне верите? — спросил Джейкоб, пре-возмогая действие лекарств.

— Конечно, — солгала она.

Он откинулся назад, обессиленный, и вско-ре погрузился в сон.

Элайн снова послушала его сердце, пощупала пульс. Удостоверившись, что приступ прошел, она повернулась, чтобы уйти, — и увидела маленькую синюю лампочку ночника. Она ва-лялась на полу, где кто-то бросил ее, выкрутив из патрона.

Онемевшая, девушка подняла лампочку и снова ввинтила в патрон; та засветилась и озарила ее ладонь. Когда она вошла в комнату и включила главное освещение, она была слиш-

ком озабочена состоянием Джейкоба, чтобы заметить, что ночник не горит. Выходит, старику ничего не приснилось. Когда она уходила из комнаты, то старательно закрыла его дверь, как он и просил.

В коридоре она постояла в темноте, держа связку ключей и спрашивая себя, какие шаги ей предпринять дальше. Снова лечь спать? Или следует разбудить Ли Матерли и рассказать ему о том, что случилось? Темнота, казалось, подступала, словно живое существо, и от этого ясно мыслить становилось невозможным.

Она поспешила по коридору к своей комнате, затворила за собой дверь и заперла на замок.

Она не могла уснуть.

Гроза началась снова, сопровождаемая раскатами грома и тяжелым стуком дождя по крыше и окнам. Молния вспарывала облака и отбрасывала темноту на короткий миг, потом снова уступала место ударам грома.

Но не гроза заставляла ее бодрствовать. Она смогла бы спать и во время урагана; если бы только ей не приходилось справляться с тем непреложным фактом, что по дому Матерли посреди ночи бродит какой-то сумасшедший.

Возможно, ей не следовало оставлять Джейкоба одного. Она сомневалась, что убийца выломает дверь. Но если бы она осталась со стариком, то не была бы сейчас одна...

Элайн вспомнила сон, от которого ее разбудил звонок, вспомнила гигантское полотно, которое заполняло вселенную искусно выполненным портретом с ее залитым кровью лицом. И это вовсе не способствовало улучшению ее душевного состояния. Более того, это настолько встrevожило ее, что поначалу, когда она услышала шум у двери своей комнаты, то подумала, что это не что иное, как плод ее собственного воспаленного воображения, порожденный этими неприятными воспоминаниями. Она попробовала отвернуться от двери и сосредоточиться на том, чтобы снова заснуть.

Но шум продолжался.

Звук был такой, как будто кто-то пробует замок.

В конце концов, не в силах больше игнорировать это, она повернулась. При свете лампы у изголовья, которую она не смогла заставить себя выключить, она посмотрела на дверь. Бронзовая ручка медленно двигалась. Она повернулась вначале влево — потом вправо.

Девушка села в кровати.

Кто-то по ту сторону двери поворачивал ручку влево до отказа, потом осторожно налегал своим весом на панель. Она видела, как дубовая створка слегка выпирает за косяк, и радовалась, что дверь толстая, как старая столешница.

Она выскользнула из кровати и сунула ноги в шлепанцы.

Оглушительный удар грома прокатился по дому и заставил ее ахнуть и резко обернуться, как будто ее невидимый враг каким-то образом оставил дверь и вошел через окно у нее за спиной.

За дверью будущий незваный гость крутился, ручку обратно, до отказа вправо, и снова поднажал, пробуя, нельзя ли сорвать замок.

Она подумала, не позвать ли ей на помощь, и поняла, что это будет не самый разумный шаг. Как она, в конце концов, может быть уверена, что ее услышит кто-то, помимо человека, который пытается взломать дверь в ее комнату? Стены у старого дома толстые; гроза тоже способствует тому, чтобы уменьшить действенность крика. А если на ее крик ответит знакомый голос и скажет ей, что все в порядке, как она может быть уверена, что, когда откроет дверь, он не окажется убийцей — держащим нож и улыбающимся ей?

Движение дверной ручки прекратилось.

Некоторое время не раздавалось ни малейшего звука, свидетельствующего о каких-то дальнейших действиях.

Элайн подошла к двери, ступая тихо, надеясь, что, кто бы это ни был, он оставил свои попытки и ушел. В этот момент сильного страха ей не пришло в голову, что, если убийца

ушел, он, вполне вероятно, мог отправиться, чтобы напасть на кого-то еще в доме. Она совсем не задумывалась, что ее собственная безопасность, возможно, куплена ценой другой жизни. Единственное, что имело значение, — это что по какой-то причине он оставил ее в покое.

Раскаты грома стали несколько более отдаленными, чем прежде, хотя по-прежнему достаточно громкими, чтобы действовать на нервы.

Молния вспыхивала, словно какая-то одиночная, забытая, оплывшая свеча.

Когда она прильнула к двери, чтобы лучше услышать, что происходит в коридоре, в щель между дубовой панелью и косяком скользнуло тонкое лезвие длинного ножа, почти так, словно убийца видел ее и знал, куда ударить! Как будто он мог наблюдать за ней сквозь два дюйма прочного дуба!

Она отскочила назад, слишком напуганная, чтобы закричать. Возможно, она даже онемела, потому что ее губы шевелились и горло работало, не издавая ни звука.

Лезвие убралось.

И вернулось обратно.

Оно металось вверх-вниз по крошечному зазору, где дверь соединялась с косяком, щелкая по механизму замка. Тогда она поняла, что убийца не видит ее, а всего лишь пытается открыть замок лезвием.

Теперь она плотнее прильнула к двери и произнесла негромким голосом, который, казалось, был совсем не похож на ее собственный:

— Кто это?

Лезвие продолжало работать.

— Кто это? — На этот раз она прошептала вопрос громче.

Лезвие остановилось. Потом убралось.

Молчание...

— Вы еще здесь.

Снова молчание.

Она прождала, казалось, столетия, хотя, согласно часам у изголовья кровати, прошло только десять минут. Даже прижав ухо к двери, она не смогла ничего расслышать там, в коридоре.

Элайн вернулась к кровати и присела на край смятой постели, облокотившись о старомодное изголовье. Понимая, что опасность, возможно, не миновала, она не сводила глаз с дубовой двери.

Проходили долгие минуты, и она перебирала в уме десятки воспоминаний, как будто стараясь убежать от этого зловещего момента. Она вспоминала свой первый взгляд на дом Матерли с дороги и первые недобрые предчувствия, которые охватили ее. Еще раньше этого она вспомнила окончание учебы в университетской больнице и то нетерпение, с которым она соби-

рала вещи, чтобы покинуть общежитие ради этой работы и нового будущего. А перед этим — сиротский приют, сменяющиеся воспитательницы и заведующие, дети, с которыми она редко уживалась. Еще раньше — работники социальной сферы, принесшие весть о катастрофе, старающиеся сообщить известие о гибели ее родителей с наименьшим количеством страшных подробностей...

Внезапно она вскинула взгляд, сознавая, что ее стало клонить в сон.

Незваный гость за дверью снова водил ножом в щели, настойчиво стремясь взломать замок.

Она призвала на помощь все свои силы, чтобы встать, подойти к двери и прислониться к ней, пока он работал, стараясь расслышать какой-нибудь другой звук, который бы его выдал. Но все, что девушка смогла расслышать, — это его тяжелое дыхание, которое только еще больше напугало ее. Оно напоминало дыхание какого-то обезумевшего животного.

— Уходите, — приказала она.

Нож перестал двигаться, но оставался просунутым в щель.

— Уходите.

Он ничего не сказал.

— Я ведь ничего вам не сделала, — взмолилась она.

В какой-то момент у нее возникло такое чувство, что она сама сейчас сойдет с ума, доведенная до помешательства простейшими вещами — тишиной, глубокой и зловещей; непрекращающимся ветром, завывавшим в окнах, напиравшим на стекло и будто пальцами водившим дождем по стеклам; ударами ее сердца, бившегося так неистово и так громко, что оно наверняка должно было разорваться; поблескивающим лезвием ножа, неподвижным большой частью времени, но порой покачивающимся, оттого что рука его дергалась...

Минуты проходили так, словно их отлили из свинца и наделили крошечной толикой жизни, ползущие минуты, которые в конце концов привели к тому, что лезвие ножа вытащили из щели. А потом, слава Богу, проходящие минуты также принесли с собой звук его шагов, когда он уходил по коридору. Он шел тихо и вскоре удалился.

Она едва не рассмеялась, но сумела сдержать свой порыв. Она боялась, что, раз дав волю смеху, она уже не сможет остановиться. Она находилась на грани истерики.

Она снова прошла к кровати, залезла на нее и приподняла простыни, чтобы завернуться в них. Но она понимала, что это бесполезно. Этой ночью она не осмелится заснуть снова: а вдруг у убийцы снова поменяется настроение и он снова придет за ней. «Я ведь ничего вам

не сделала», — сказала она ему. И он, очевидно, удовольствовался этим. Но возможно, не будет довольствоваться очень долго.

Ее руки вспотели. Она вытерла их о пижаму.

Рот у нее был сухой, как песок, но она боялась, что ее стошнит даже от стакана воды.

Двадцать минут спустя она обнаружила, что стоит посреди комнаты, раскачиваясь взад-вперед, уставившись в никуда, ни о чем не думая. На треть часа она утратила всякое представление об окружающем мире, укрылась в защитную скорлупу.

Это было опасно.

Она встряхнулась, в переносном смысле и в буквальном, и сердито отчитала себя за то, что не в состоянии совладать со своим страхом. Ей нечего бояться. Ничего конкретного. Ничего — до тех пор, пока он не вернется, если он вернется. Она всегда считала, что нужно стремиться к наибольшей простоте, как только возможно, ведь так? Значит, все в порядке. Опасность миновала. «Не волнуйся. Не позволяй разыграться своему воображению».

Она поставила стул на расстояние в десять футов от двери и села на него, лицом к единственному входу в комнату. Она будет сохранять бдительность. И она сохраняла. До тех пор, пока двумя часами позже не заснула, вконец измотанная.

Глава 11

На следующее утро, когда Элайн проснулась, было 9.45, и сознание того, что она опаздывает с утренним осмотром Джейкоба, помогло ей занять свой ум и не дать воли ужасу предшествующей ночи. Тем не менее, когда она приняла душ и привела себя в порядок, она обнаружила, что колеблется — открывать ли ей дверь. Но поскольку она припозднилась и была прежде всего профессионалом в выполнении своих обязанностей, она быстро преодолела нерешительность.

Коридор был пуст, в доме стояла полная тишина.

Она отперла дверь Джейкоба и, войдя в комнату, застала его над остатками завтрака, погрузившимся в чтение утренней газеты.

— А-а, — кивнул он, — доброе утро! Вы, как всегда, прекрасно выглядите.

— Благодарю вас, — улыбнулась она, немного смущенная, как и всегда, когда кто-то делал ей комплимент. — Надеюсь, ваша запертая дверь не причинила никаких хлопот. Мне следовало встать пораньше, но...

— Ничего, ничего, — сказал он, отмахиваясь от любого извинения или предлога, который она заготовила. — Бесс отперла ее и заперла за собой.

— Итак, приступим к ритуалу?

— Доставайте ваши адские приспособления. — Он покосился на шкафчик с шутливым волнением. — Посмотрим, жив я или нет.

Когда осмотр показал, что все настолько хорошо, насколько они могли ожидать, она поинтересовалась:

— Сегодня утром Ли дома?

— Они с Гордоном снова в городе, по делам. Если бы я в молодости работал так же усердно, как они, то никогда бы не дожил до того времени, когда мне полагается хорошенчкая медсестра!

Элайн не понимала его бодрости и почесу, он решил так легко отнестись к происшествию прошлой ночи. Было не похоже — если не считать настойчивого требования, чтобы дверь оставалась запертой, — что он боится кого-то или чего-то.

Она надеялась выяснить то, что хотела знать, и облегчить душу перед Ли Матерли. Если его нет дома, то следующий по счету сочувственный слушатель — Джейкоб.

— Полиция уже разговаривала с Силией? — спросила она, внимательно наблюдая за стариком.

— Да, — сообщил он.

«Так вот почему у него отлегло от сердца, — подумала она. — Наверное, девушка уверенно определила нападавшего на нее как постороннего человека. Но если дело обстоит так, поч-

му он по-прежнему хочет, чтобы дверь его была заперта?»

— Что она им сказала?

Джейкоб сделал вид, что хочет вернуться к своей газете, но все-таки ответил ей:

— Она совсем ничего не помнит. Это было слишком сильным потрясением для нее, бедной. Последние несколько минут, с момента, когда она свернула на подъездную дорожку, — пробел. О них не осталось никаких воспоминаний.

Девушка ничего не сказала, пока размышляла над последствиями потери памяти Силии.

— Ее доктор собирается привести психиатра — посмотреть, не сумеет ли тот восстановить у нее в памяти эти выпавшие минуты, — пояснил Джейкоб.

— Они считают, что ему удастся это сделать?

— Он использует гипноз, чтобы вызывать возрастной регресс у своих пациентов и заставить их вспомнить травмирующие эпизоды детских лет. Он постарается вернуть Силию к времени нападения. — Старик вглядывался поверх оправы своих очков в заметку на спортивной полосе.

— Когда? — спросила девушка.

— Простите? — Он вскинул вопрошающий взгляд, как будто настолько быстро погрузился в статью, что потерял нить беседы. Было

ясно, что он не хочет размышлять на эту тему и ломает комедию, которая, как он надеется, отобьет у нее охоту расспрашивать его.

— Когда психиатр займется Силией?

— Возможно, сегодня.

— Возможно?

— Или завтра, — буркнул он.

— И капитан Ранд собирается просто ждать?

— А что ему еще делать? — хмыкнул Джейкоб, наконец положив газету, убедившись, что его уловка бесполезна.

— Вы говорили ему, что случилось прошлой ночью?

— Ничего не случилось, — отрезал он.

Элайн была настолько удивлена его заявлением, что лишилась дара речи.

— Мы все скоро узнаем, — уверенно заявил Джейкоб. — Когда психиатр добьется того, чтобы Силия описала нападавшего, они мигом его обложат.

— Прошлой ночью вы не считали, что это чужак, — напомнила она.

— Прошлой ночью мне приснился плохой сон.

— Это было кое-что другое.

— Нет, — упорствовал он. — Ночной кошмар.

Она поняла, что старик снова сопротивляется тому, чтобы принять правду. Он колебался между рациональностью и почти абсурдной

степенью бегства от действительности, с прятаньем головы в песок. В данный момент он разыгрывал свою страусиную роль.

Элайн решила, что бесполезно говорить ему о вывернутой лампочке ночника. И вероятно, он наотрез откажется принять ее историю о человеке, который пытался взломать ее дверь лезвием ножа. Он не хочет верить, а значит, не поверит. Ей придется подождать Ли Матерли и все ему рассказать. Он разберется, как поступить. Скорее всего, он сразу же позвонит капитану Ранду.

— Ну что ж, — вздохнула Элайн, — пожалуй, я схожу посмотрю, найдется ли у Бесс что-нибудь на завтрак в столь поздний час.

— Идите, — разрешил старик. — Со мной все будет хорошо.

— Я проведаю вас после ленча.

Но когда она открыла дверь, Джейкоб подался вперед в своем кресле, наугад складывая газету на коленях.

— Пожалуйста, заприте дверь.

Она повернулась к нему, спрашивая себя, улетучится ли его напускная бодрость.

— Зачем?

— Мне так будет спокойнее.

— Почему?

Старик смотрел на нее с болью, как будто имел дело с ребенком, которого любит, а ребенок твердо вознамерился ему насолить. Лицо

его было напряжено, таило в себе лавину чувств.

Лаза его переполняла печаль, вынашиваемая долгое-долгое время, печаль, ставшая столь же глубокой, как его душа. Он явно был не в силах предложить ей другую причину. А если бы ему пришлось рассказать правду, объяснить природу страхов, которые ему хотелось отрицать, он бы не выдержал и расплакался — и у него вполне мог случиться еще один приступ его тяжелой болезни.

Она считала себя его другом, что означало — она не допустит слез. А как его медсестра, она не могла допустить нового приступа болезни.

— Хорошо, — кивнула она.

Элайн закрыла дверь и заперла ее на замок, проверила ручку, потом поспешила вниз по лестнице и вдоль узкого коридора на первом этаже в направлении кухни.

Когда она открыла дверь кухни, Бесс завывала, как будто ее ударили, — отрывистым, пронзительным воем от боли.

Глава 12

В первый раз за много лет Бесс лишилась дара речи и была не в состоянии выполнять свои обязанности. Обычно седовласая веселая женщина была живой и разговорчивой, суетящейся со своими делами, словно заводная ма-

шина, которая не может остановиться, пока ее ходовая пружина не распрямится. Однако теперь ее румяное лицо было пепельно-серым, болезненным и обреченным и ее обильная энергия почти иссякла, так что она поникла и согнулась.

— Мне просто не верится, — причитала она, и казалось, что в основном кухарка разговаривает со стеной перед собой.

— Ну не надо, успокойтесь, — уговаривала ее Элайн. — Теперь уже все позади, ничего не поделаешь.

— И как же я сразу не догадалась, — всхлипывала Бесс, принимая стакан воды, которая медсестра передала ей, но не удосужившись отпить и глоток. — Он пропал этим утром. Я сказала Джерри, сказала, что он не ушел бы, пока мы не встали и не подготовили ему завтрак, конечно нет. А если он уходил куда-нибудь в ночное время, то ему пора было вернуться. Если только с ним ничего не случилось. — Она невольно содрогнулась и сморгнула слезы с глаз. — И ведь действительно случилось, так?

Элайн часто управлялась с ситуациями, когда детям требовалось утешение по поводу смерти родителей или когда родители были вне себя от горя, потеряв ребенка. В больнице это была обязанность, с которой училась справляться каждая медсестра, пусть даже ей это не слиш-

ком нравилось. Но тут она в первый раз столкнулась со скорбью по поводу погибшего домашнего животного, черного с желтовато-коричневым кота смешанной породы.

— Бобо жил у нас восемь лет — до прошлой ночи, — рассказывала Бесс. — У него был маленький лаз в нашей входной двери, которым он пользовался, чтобы входить и выходить, когда ему заблагорассудится. Хотя, учитывая все, что происходит с семейством Матерли, мне следовало запереть этот лаз. Следовало.

— Вы не могли знать, — вставила Элайн, беря руку пожилой женщины и похлопывая по ней. — Никто не мог ожидать, что вы...

— Мне следовало, — повторила Бесс. — Мне следовало знать. После мисс Тамлин мне следовало быть осторожной даже с Бобо. — Она посмотрела на Элайн ясными голубыми глазами. — Бобо был пугливым котиком. Он не пошел бы к кому-то, если бы не знал его. Вы понимаете, что это означает, мисс?

— Вы думаете, что его убил кто-то в этом доме?

Бесс посмотрела очень трезво, и глаза ее были наполнены страхом.

— В некотором роде, мисс. В некотором роде это сделал кто-то из этого дома.

Элайн подумала о кошачьем трупе, который видела лежащим в мешке для мусора. Его несколько раз ударили острым ножом, потом, в

качестве завершающего жеста, вспороли живот. Он пролежал в том пластиковом мешке все утро, пока Бесс готовила завтрак, прикрытый другим мусором, который аккуратно сложили вокруг. Если бы кровь не просочилась и Бесс не заметила бы ее и не решила опорожнить мешок, чтобы выяснить, откуда та взялась, его бы так и не обнаружили.

Она не знала, хорошо ли это, что Бесс нашла труп кота, или было бы лучше во всех отношениях, если бы кот просто исчез. Это ужасным образом доказывало, что убийца действительно принадлежит дому Матерли, — если они сумеют убедить полицию, что существует связь между покушением на убийство Силии Тамлин и жестоким умерщвлением кота. С другой стороны, как кто-либо из них, увидев бессмысленное насилие, учиненное над котом, сможет мыслить достаточно ясно, чтобы справиться с кризисом, если таковой случится? Девушка понимала: все те страхи, которые одолевали ее, стали разрастаться, как раковые клетки, и ей представлялось, что то же самое верно в отношении всех в этом доме.

— Возможно, нам следует позвонить капитану Ранду, — сказала Элайн.

— От этого не будет никакого проку. — Бесс вытерла глаза носовым платком.

— Но вы сказали, что виноват кто-то в этом доме. Кажется, вполне вероятно, что тот же са-

мый человек напал с ножом на Силию, кто-то, обезумевший настолько, что...

— Я сказала, что это в некотором роде был кто-то в этом доме, — поправила ее Бесс.

Элайн не могла понять, что пытается подчеркнуть пожилая женщина.

— То же самое...

— Давайте пойдем и расскажем Джерри про Бобо, — предложила Бесс. — Он будет ужасно переживать из-за этого.

Элайн казалось, что вначале им следует позвонить в полицию, но она была медсестрой, которая всегда ставит на первое место ценности своего пациента, — а Бесс, в своей скорби, на время стала ее пациенткой.

Джерри и Бесс жили над гаражом. Джерри вышел навстречу им на верхнюю площадку наружной лестницы, которая вела к их задней двери.

Внутри, пока Бесс сквозь слезы излагала историю находки изуродованного тела Бобо, Элайн оглядывала большую, скучно освещенную гостиную, заинтересовавшись вначале странной коллекцией мебели, а потом — необычными томами, которыми были уставлены книжные полки за диваном во всю стену. Мягкие, заново обитые кресла с крепкими подлокотниками и высокими, глубокими спинками соседствовали с тяжелыми, необитыми качалками, которые носили на себе шрамы от долгого

употребления. Все освещение давали торшеры, последний был куплен не позднее чем в сороковых, вещь с шелковым абажуром, золотыми кисточками, свисающими вокруг обода, притягивающими свет, как волосы, и рассеивающими его. Некоторые другие предметы обстановки были викторианскими, некоторые — раннеамериканскими, а некоторые в стиле, который она не сумела определить. Комната имела вид сельских аукционных подмостков. Возможно, каждый предмет здесь хранил в себе фамильные воспоминания и передавался из поколения в поколение шестьдесят, или восемьдесят, или сто лет. Она полагала, что последнее больше соответствует истине, поскольку Бесс и Джерри наверняка платили достаточно, чтобы позволить себе все, что пожелаю. Очевидно, они потратили изрядную сумму на книги. Да еще такие странные книги...

Она прошлась вдоль полок, наклонив голову, читая названия: «История и практика магии» Пола Кристиана, «Язычество в христианстве» Артура Уэйгалла, «Натуральная хиромантия» Рампайе, две «Книги заклинаний пенсильванских голландцев», «Давно потерянный друг» и «Шестая и седьмая книги Моисея», множество подборок необъяснимых, возможно сверхъестественных, событий под редакцией Фрэнка Эдвардса или Брэда Стейгера, «Изучение хиромантии» Сен-Жермена...

Она внезапно подняла взгляд, сознавая, что Джерри обращается к ней.

— Простите? Я засмотрелась на ваши книги.

— Я спросил, знаете ли вы о призраке, — повторил Джерри. Он стоял возле своей жены, там, где она устроилась в затхлых объятиях большого и совершенно непривлекательного кресла.

— Что за призрак?

— Призрак Матерли, — пояснил он.

— Призрак Амелии, — добавила Бесс, как бы для большей ясности.

— Я не верю в призраки, — заявила Элайн.

Пожилые супруги понимающе посмотрели друг на друга, потом снова на Элайн — как будто сожалели о ее невежестве.

— Нет, в самом деле, — сказала Элайн. — Когда ты медсестра и тебе приходится изучать медицину и биологию с химией и когда ты немного почитываешь о других науках, это просто невозможно — продолжать верить в подобные вещи. — Она хотела сказать больше, но сдержала свой лекторский порыв.

Теперь она поняла, что ей следовало ожидать чего-то подобного с того момента, когда она разглядела, что собой представляет их библиотека. Это была не первая супружеская чета из встреченных ею, которая искренне исповедовала веру в оккультизм, в сверхъестественные явления, проклятия, ведьм и призраки.

Одно время она злилась и пыталась в споре избавить суеверных от их глупых представлений, но теперь она понимала, что это непомерно трудная задача, почти невозможная. В конце концов, не все смотрят на мир так здраво, как она. Ей приходится терпеть самые причудливые философии у других людей — но ей не обязательно должно это нравиться. И ей не нравилось. Обычно, когда она видела, что сцены, подобные этой, неизбежны во взаимоотношениях с другими людьми, то уходила под каким-нибудь предлогом. Однако находка мертвого кота и предшествующая напряженность в доме Матерли несколько притупили ее восприятие.

— Мы тоже занимались самообразованием, — сообщила Бесс, оправдываясь, хотя Элайн вовсе не хотела намекнуть, что они малообразованы. Даже прекрасно образованные и умнейшие люди ударялись в оккультизм в поисках некоего утешения, которого, очевидно, не находили в повседневной жизни или в регулярном посещении церкви.

— Мы не углублялись в науки, которые вы упомянули, — медицину, биологию и тому подобное, — добавил Джерри. — Но мы изучали оккультные науки.

— Однако едва ли это науки, — вздохнула Элайн.

— Некоторые считают их таковыми.

Элайн не ответила, она чувствовала себя гораздо лучше, держа язык за зубами. Ей нравились эти пожилые люди и не хотелось ввязываться в мелочный и ожесточенный спор о чем-то настолько глупом, как существование демонов и ведьм — и призраков.

Но Джерри не удовлетворился этим. Он продолжил:

— Вероятно, если бы вы услышали об убийствах в Сочельник, то в конце концов поверили бы в призраки.

— Я слышала о них.

— От кого? — спросила Бесс. — От Джейка?

— Да. И от Бредшоу.

— Никто из них не рассказал бы всего, — повернулся Джерри к своей жене.

— Конечно нет, — согласилась Бесс.

Джерри уточнил:

— Они не рассказывали вам про нож.

— Я слышала и про это, во всех ужасных подробностях, — поморщилась Элайн.

— Разве Бредшоу или Джейк рассказывали вам, что нож, которым орудовала Амелия, так и не нашли?

Элайн вспомнила историю так, как ее поведал Джейкоб Матерли. Амелия убила двойняшек, а потом пырнула его. Она убежала из комнаты и сломала шею на лестнице, когда убегала от того, кто, как представлялось сумасшедшей женщине, гнался за ней. Нож долж-

ны были найти рядом с ней или где-то между детскими, в которой она ранила Джейкоба, и местом, где нашли ее тело.

— Тайна, разве нет? — спросила Бесс.

Казалось, она уже оправилась от скорби по Бобо и теперь наклонилась вперед в своем кресле, глаза ее блестели, губы изогнулись в ласковой улыбке.

— Она где-то его спрятала, — предположила Элайн.

— С чего бы сумасшедшая женщина стала тратить время на то, чтобы спрятать нож, когда ее вина и без того была достаточно очевидна?

— А зачем вообще сумасшедшие что-нибудь делают? — ответила девушка вопросом на вопрос. — Помните, что она утратила всякий здравый смысл. Она действовала нелогично. Нельзя пытаться разумно обосновать то, что она делала и почему.

— Может быть, все было так, как вы говорите, — допустил Джерри. Он говорил с придыханием, что-то предвкушая, и это внушало Элайн тревогу. — Но тогда почему нож не обнаружили при поисках?

— Кто его искал?

— Полиция.

Бесс добавила:

— Они всем нам устроили на какое-то время скверную жизнь, когда не смогли найти нож. Особенно бедняге Джейку.

— Почему особенно Джейку? — спросила Элайн.

— Дурачье! — хмыкнул Джерри, качая головой при одной лишь мысли о полиции.

— У полиции были какое-то соображения насчет того, что Джейк мог... мог напасть с ножом на детей, столкнуть Амелию с лестницами, а потом порезать себя, изобразив все так, будто на него напали. — Бесс поцокала языком. — Вы знаете Джейка. Мог ли он совершить такое черное дело?

— Нет, — сказала Элайн. — Я не могу себе этого представить.

— Наконец легавые выяснили, что дед Амелии содержался в сумасшедшем доме, и перестали рыскать.

У Элайн слегка закружилась голова. Ей хотелось глотка свежего воздуха и немного света — ни на то, ни на другое ей не приходилось рассчитывать в этой плотно закупоренной, тускло освещенной комнате.

А Джерри продолжал спорить насчет существования призрака:

— Потом, примерно через год после убийств, мы стали слышать поздно ночью рыдания ребенка. Они разносились по всему дому, по большинству комнат.

— Гордон и Деннис были тогда детьми.

— Это другое, — заявила Бесс. — Это было жуткое завывание, не похожее на то, как ре-

бенок просит воды или утешения. Это одна из мертвых малюток взывала к нам, вот что это было.

Немного свежего воздуха. Да, все, что ей требовалось.

И конечно, немного света.

— А потом карты, — вставил Джерри. — Карты поведали нам, что призрак однажды вернется.

— Карты? — переспросила Элайн. Она надеялась, что, поторопив их, она сможет раньше уйти.

— Мы с Джерри ходили к гадалке в Питтсбурге, — призналась Бесс. — Ее звали Джейн Мозес. Вы о ней слышали?

— Нет.

Джерри поделился:

— Она была одной из самых известных гадалок на Востоке, а может, и самой известной. Ее мать и отец были цыганами. Мать — албанской цыганкой, а отец — польским. Мать ее матери была знахаркой, которая зарабатывала себе на жизнь тем, что лечила болезни, после того как умер ее муж. А ее брат Лерой был седьмым сыном седьмого сына — и он умер на руках у Джейн.

Бесс тоже хотелось рассказать часть этой истории. Она заерзала в кресле и вмешалась:

— «Джейн Мозес» было лишь частью ее имени, самой простой для произношения ча-

стью. Она разложила карты, и погадала нам на них, и сказала, что нож вообще не прятали. Она сказала, что дух Амелии Матерли, когда он изошел из ее мертвого тела, унес нож. И она сказала — это верный знак того, что призрак собирается однажды вернуться. И она была права. Он вернулся.

— Спустя столько лет, — согласился Джерри.
Немного света, прочь от этого полумрака...
Немного воздуха...

Это все, что было нужно Элайн.

— Простите меня, — извинилась она. — Мне пора сходить к Джейкобу и посмотреть, как он там. Более того, это уже давно надо сделать.

На самом деле время еще не подошло, но предлог сработал. Минуту спустя она уже торопливо спускалась по лестнице к лужайке. Оттуда она направилась к кухонной двери основного здания.

Она остановилась на пороге, внезапно осознав, что дом — ничуть не лучшее место, чем сумрачная гостиная в покоях пожилой четы.

В этой кухне лежал мертвый Бобо.

И где-то в этом огромном доме лежал нож, которым Амелия Матерли расправилась с детьми, спрятанный там, где окровавленные пальцы поместили его перед самой смертью...

Элайн отвернулась и поспешила на солнечный свет, который разливался по ухожен-

ной лужайке. Она не знала наверняка, куда идет, но понимала, что ей какое-то время нужно побыть одной, чтобы обдумать события.

Глава 13

Элайн нашла ровную лужайку на опушке большой сосновой рощи во владениях Матерли и уселась там в ярком свете утреннего солнца, предоставив жаре выпарить из нее часть смятения и страха. И только когда она почувствовала, что успокоилась и снова владеет собой, начала размышлять над тем, что с ней приключилось, что все это значит и через что ей, возможно, придется пройти, прежде чем этот кошмар закончится.

Она не могла бросить работу и уехать, не поставив никого в известность, хотя такая мысль приходила ей в голову. Она просто не могла позволить себе такой роскоши. Когда несколько дней назад она приехала в дом Матерли, все, чем она владела на этом свете, находилось в «фольксвагене» — одежда и немногочисленные безделушки, память о детстве и тех годах, что она провела в университетской больнице. В ее бумажнике лежало лишь семьдесят долларов; у нее не было банковского счета и тайных сбережений. Даже машина пя-

тилетнего возраста стоила не слишком много. То, что Ли Матерли любезно выдал ей вперед в счет жалованья, было весьма кстати и давало ей ощущение стабильности, какого у нее никогда в жизни не было. Если она бросит работу, не поставив никого в известность, то, по совести, ей придется вернуть чек, который он ей выдал. Потом она останется без работы — и, хуже того, без хорошей рекомендации для получения другого места. У нее даже не хватит средств, чтобы снять комнату более чем на месяц, на то время, пока она будет пытаться найти работу, и ей, вероятно, придется наняться официанткой или кем-нибудь в этом роде, и за это время ее навыки медсестры будут пропадать впустую. Нет, она не может оставить работу; она, наверное, скорее умрет, чем согласится на неустроенность безработицы.

Но помимо финансовых соображений были и другие. Во-первых, это противоречило ее профессиональной этике — оставлять пациента без помощи. Конечно, с жалованьем, которое они в состоянии предложить, и с дополнительными льготами, перепадавшими тем, кого они нанимали, Матерли сумеют найти другую медсестру за день-два, от силы за три. Но Элайн не могла заставить себя бросить пациента даже на такой короткий период времени. Она считала, что Джейкоб нуждается в ней и что было бы верхом эгоизма оставить его одного, когда у него в лю-

бой момент может разыграться новый приступ. Она понимала: ей следует также подумать о том, что будет означать уход от работы с точки зрения самоуважения. Она никогда ни от чего не убегала. Она никогда не позволяла себе поддаваться страху перед чем-либо. Если сейчас она не выдержит, если сбежит, то никогда больше не сможет думать о себе как о здравомыслящей, умной, трезвой молодой женщине, какой ей всегда нравилось себя считать.

А еще был Гордон.

В средней школе и позже на курсах медсестер никто не выказывал к ней большого интереса. Нет, время от времени ребята заговаривали с ней и просили о свидании. Но никто из них не назначал свидания дважды. И кажется, всегда поговаривали, что она «слишком серьезная» или «холодная». Ей никогда не нравилось заниматься вещами, которые нравились большинству людей. Игры навевали на нее скуку. Все фильмы, за исключением лучших и наиболее подстегивающих мысль, казались ей напрасной тратой времени. Ей не нравилось пить, даже коктейли, даже изредка, и она не находила ничего особенно интересного в танцах. Конечно, она могла понять, почему большинство молодых людей легкомысленны. Их вырастили любящие родители, и они не имели ни малейшего понятия о том, насколько холодным может быть мир. Она же имела по-

нятие об этом и о многом другом — еще в раннем возрасте — и знала, что в мире, сплошь состоящем из западней, нужно быть трезвой, нужно быть серьезной, нужно работать, чтобы не прийти к катастрофе. Занимайся самообразованием, трати свое время разумно, всегда будь готовым к схватке с жизнью — вот что было ее кодексом с детства. И из-за этого в ее жизни не было романтического интереса к свиданиям.

До Гордона.

Гордон был так похож на нее, настолько осознавал жестокость жизни и так рвался работать, чтобы этого избежать, что ее непреодолимо влекло к нему. Она считала, что таким же образом и его влечет к ней. Она надеялась на это. О Господи, пожалуйста, пусть это будет так!

Остальные причины, по которым ей следовало оставаться на этой работе, были убедительные, логические. Эта же была эмоциональной. И девушка, не знавшая прежде таких эмоций, позволила им овладеть собой более полно, чем когда-либо признала бы возможным. Она еще не стала бы говорить, что любит его. Для этого было слишком рано. Она недостаточно хорошо его знала. Но сильная, очень сильная привязанность, да...

Итак, если она останется, если начнет строить свою жизнь в это время и в этом месте, ей

придется подумать, как выявить убийцу, который бродит по дому Матерли. Хотелось бы, чтобы, когда она расскажет капитану Ранду о пережитом прошлой ночью, ей удалось четко ответить на любые вопросы, которые он задаст, и предоставить ему свои собственные прогнозы, если они ему понадобятся.

Призраки?

Это глупо. Возможно, нож исчез. И возможно, детский голос вскрикивал в ночи, на весь дом, наподобие призрака. У этих двух происшествий должны быть рациональные причины.

Тем не менее ее визит к Джерри и Бесс не был совсем напрасным. Она узнала, что полиция в свое время подозревала Джейкоба Матерли в убийствах в Сочельник, пусть даже и недолго, и она решила, что теперь включила бы его в любой список подозреваемых, который могла составить, — как бы смехотворно ни было включать его туда.

Джейкоб Матерли. Хотя она была уверена, что старик не способен на такое бесчинство, как нападение на Силию Тамлин, и, уж конечно, не способен на жестокости, которые имели место в этом доме пятнадцатью годами ранее, ей пришлось признать: у него была возможность, не исключено, что более благоприятная, чем у кого бы то ни было. После ее вечернего медосмотра его не беспокоили до утра, если только кто-то из членов семьи не

проводил с ним время. В злосчастную для Силии ночь он оставался в своей комнате до тех пор, пока она, Элайн, не пришла проведать его. То есть он так сказал. Он вполне мог побывать снаружи дома и без особых сложностей вернуться, когда все остальные побежали смотреть, что случилось. Он был защищен своим положением наполовину инвалида, и полиция проявляла к нему мало интереса или вообще не проявляла.

Деннис Матерли. Предположительно, он был в кухне один, пил молоко, когда услышал крик Силии. Это, конечно, объяснило бы, почему он поднялся наверх той ночью и спросил, не кричала ли Элайн. С другой стороны, если это он орудовал ножом, то он мог так же вернуться с дороги, где пытался убить девушку. Она вспомнила его странные полотна, его маниакальное легкомыслие. Она вспомнила благосклонность Ли к Деннису и то, как Деннис признал, что испытал глубокое психическое потрясение из-за сумасшествия матери. Мог он быть потрясен настолько, чтобы сам стал постепенно терять рассудок?

Пол Хоннекер. Он имел тех же родителей, носил в себе те же гены, что и Амелия. Передались ли ему, так же как и его сестре, порочные гены, дурное семя, которые имел его дедушка? Она вспомнила о его пьянстве, его неспособности удержаться на работе на дол-

гое время, хотя он был взрослым человеком, приближающимся к среднему возрасту. Безусловно, это свидетельствовало о неуравновешенности. А то, как он крушил зеркала, не в силах смотреть на себя! Уж не оттого ли, что он знал, кто он такой, и помнил об ужасных вещах, которые в свое время совершил? Она вспомнила также его увлечение жутковатыми картинами, над которыми Деннис Матерли трудился в своей мастерской в мансарде.

Гордон Матерли. Ей приходилось брать в расчет и Гордона, как бы он ей ни нравился. В конце концов, он произошел из того же самого генофонда, что и Деннис, и отчасти из того же самого наследия, что и Пол Хоннекер. Она вспомнила его мгновенную реакцию на ее упоминание об убийствах в Сочельник, то, как он охладел и отстранился от нее. Это можно было приписать обоснованному стыду за фамильную историю — или чему-то более мрачному.

Таков был список, который она предоставила бы капитану Ранду. Все домашние, за исключением ее и Ли Матерли, который явно был потрясен попыткой убийства Силии Тамлин и в котором, кроме того, не было крови Хоннекеров.

Внезапно Элайн вспомнила, что Джерри и Бесс тоже принадлежат к домашним. Хотя

она не видела никакого мотива для их участия во всем этом, но не могла сбрасывать их со счетов. Когда она поразмыслила о книгах в их гостиной и непоколебимой вере в призраков, которую они продемонстрировали в их недавнем разговоре, ей пришлось рассмотреть возможность какой-то неприятной связи между пожилой четой и убийцей. В конце концов, один из них или оба вместе могли пырнуть Силию и убежать к себе домой без всякого риска быть увиденными, возвращаясь в основное здание с места преступления.

Паранойя?

Может быть, и так.

Здравый смысл?

Определенно.

Ей придется подозревать каждого — или почти каждого — до тех пор, пока истинного виновника не арестуют и вина его не будет доказана. Это не может продлиться более чем несколько дней, пока Силией будет заниматься психиатр. А если она поможет капитану Ранду сейчас, сегодня, развязка может наступить еще быстрее.

Элайн встала, потянулась и отряхнула сзади пыль с юбки. Небо было удивительного голубого оттенка. Возможно, это было добрым предзнаменованием, обещанием того, что придут лучшие времена.

Где-то рядом запела птица, выводя долгую, переливчатую трель, и это в некотором роде тоже было хорошим предзнаменованием.

Она решила не звонить капитану Ранду по своей инициативе. Во-первых, возможно, окажется, что дозвониться ему — дело сложное, а она не хотела бы сообщать свою информацию клерку или полицейскому рангом пониже, который не сохранит это в секрете. Этим вечером, после ужина, она в точности расскажет Ли Матерли о том, что слышала и видеала прошлой ночью, о взломщике у ее двери и о покушении на жизнь Джейкоба, которое он теперь отрицал (а может быть, никакого покушения и не было и его история придумана лишь ради нее, чтобы вызвать у нее сочувствие). Если потом Ли передаст ее слова капитану Ранду, это будет иметь большую убедительность, большую достоверность. Элайн не верила, что в ее устах важная новость произвучит действительно важной.

Она посмотрела на свои часы. Было 1.18, и она просидела здесь гораздо дольше, чем думала. Пришла пора в очередной раз осмотреть Джейкоба.

Элайн побрела обратно в дом, чувствуя себя гораздо лучше.

Сегодня вечером.

Возможно, сегодня вечером все откроется. И она снова сможет жить спокойно...

Глава 14

Ли Матерли допил свой кофе и обвел взглядом стол, улыбаясь всем, как будто все они были его дети, даже Элайн и Пол Хоннекер. Он пребывал в чрезвычайно хорошем настроении с тех пор, как явился к столу, хотя причина этого не была вполне ясна. Выглядело почти так, решила она в конце концов, как будто он обладает каким-то большим секретом, который скрывал от них, но который он вскоре откроет. Как выяснилось, дело обстояло именно так.

— Сегодня днем я разговаривал с капитаном Рандом, — наконец сообщил Ли. — У него есть очень интересная информация.

Все за столом посмотрели на него, забыв про последние куски десерта и последние глотки кофе.

— Даже без помощи Силии они немного продвинулись вперед с этим автостопщиком.

— Да ну?! — воскликнул Деннис.

— Ты мне не рассказывал, — вставил Гордон. Днем он был с отцом, но не тогда, когда с ним разговаривал Ранд.

— Я решил приберечь это для вечера, — признался Ли. — Я знаю, как все чувствуют себя в связи с этим, и мне хотелось быть тем, кто подбодрит вас.

— Что сказал Ранд? — спросил Деннис.

— Они знают, что автостопщик направлялся в Филадельфию, — веско произнес Ли.

— Черт возьми, Ли, не будь таким таинственным. Выкладывай все! — Пол Хоннекер весь покраснел. Он не был пьян, но перед этим явно пару раз приложился к бутылке.

— Очевидно, полиция располагала этим уже пару дней — с тех пор, как они обыскали машину Силии, — но они держали это при себе, потому что не хотели, чтобы убийца знал, что они напали на его след.

— Что именно? — спросил Деннис. Лицо у него было изможденное, зубы оскалены. То, как он наклонился над столом, напомнило Элайн — возможно, в этом была некоторая мелодраматичность — животное, напрягшееся перед прыжком.

— Плакат, — выдал секрет Ли Матерли. — Вы знаете, как автостопщики носят плакаты, на которых написано, куда они направляются? Они сигналят ими, чтобы было видно из подъезжающей машины.

— И они нашли плакат в машине? — спросил Гордон.

— Да. Засунутый между сиденьем и спинкой кусок картона, на котором выведено: «ФИЛАДЕЛЬФИЯ». Они рассудили, что Силия подобрала его в городе или около и провезла нашей дорогой, до ответвления от главного шоссе. От того места он заставил ее поехать сюда. Бог зна-

ет, что у него было на уме, — возможно, захватить нас в заложники или еще что-нибудь. Когда она заехала в сад, он, очевидно, передумал, заставил ее выйти и попытался убить прямо там.

Деннис снова успокоился:

— Она всегда подбирала автостопщиков. Мы постоянно предостерегали ее от этого.

— Я не понимаю, — нахмурился Пол Хоннекер, — отчего этот плакат такая уж важная улика. Если только они не сняли отпечатки пальцев с него и с машины.

— Нет, — пояснил Ли. — Ранд объяснил, что бумага не слишком хорошо сохраняет отпечатки и что ни один из отпечатков в машине никуда их не привел.

— Тогда как это может иметь какое-то значение? — поинтересовался Пол.

Ли объяснил:

— Они собираются при необходимости воспользоваться плакатом, чтобы подстегнуть память Силии, когда психиатр загипнотизирует ее.

Пол засомневался:

— Они считают, что это сработает?

— Психиатр считает, что может. Так или иначе, это зацепка. А мы все сможем свободнее вздохнуть, когда они его поймают, кем бы он ни был.

Элайн поняла, что Ли Матерли тоже спрашивал себя, не является ли злоумышленни-

ком кто-то из домочадцев, и эта новость от Ранда, какой бы она ни была незначительной, немного освободила его от ужасного груза сомнений.

Ее это не убедило. Она очень сильно сомневалась, что автостопщик прошлой ночью вернулся с тем, чтобы бродить по коридорам дома. Это был член семьи.

— Ну что же, — объявил Ли, вставая, — мне нужно взглянуть в кое-какие грессбухи, прежде чем я смогу считать, что вечер принадлежит мне. — Он кивнул им и ушел из столовой в свой кабинет на первом этаже.

Вскоре вышли и остальные, все, кроме Элайн и Гордона, как будто они оба задумали остаться наедине.

— Приходите ненадолго в гостиную, — попросил он, вставая и подходя к девушке, чтобы проявить галантность, выдвинув для нее стул. — Я ожидал, что отец расскажет всем о психиатре, который лечит Силию. Мы оба знакомы с ним, с доктором Картером. Я попросил разрешения посидеть на его сеансе, и он позволил мне, сказав, что разрешит, когда Силия будет загипнотизирована. Это было очень захватывающе.

— Представляю себе, — сказала Элайн, когда он взял ее под руку и провел из столовой через дверь, потом по толстому ковру к дивану, где сел возле нее.

Она почувствовала тепло и защищенность и на какой-то момент совсем забыла о том, что хотела рассказать Ли Матерли свою историю.

— Вы общались с психиатрами на курсах медсестер? — осведомился Гордон.

Элайн припомнила:

— Не очень много. Знаете, медицинская наука до сих пор относится к психиатрии с некоторым неодобрением.

— Ну, — протянул Гордон, — я не знаю, является ли доктор Картер примером среднегоПсихиатра, или он выше среднего уровня, но он в высшей степени впечатляющий человек!

Она почувствовала, как улыбается, и поняла, что Гордон внушает ей большее чувство спокойствия, чем она когда-либо испытывала последние несколько дней. Она слышала, как Бесс убирает со стола. В кабинете Ли запустил свой арифмометр. Наверху патефон играл классическую музыку. В первый раз показалось, что в этом доме люди живут, а не умирают. Ей это очень понравилось, и она почувствовала себя принадлежащей к ним, а не посторонним человеком.

— В каком смысле? — спросила она.

Гордон пояснил:

— Он высокий, и, как мне представляется, женщины нашли бы его очень красивым. Он, наверное, лет тридцати пяти или около этого,

необычайно молод для психиатра, по крайней мере, я так считаю.

— Ему удалось вызвать у Силии регресс под гипнозом, вернуть ее к моменту, когда ее ударили ножом?

— Нет, — вздохнул Гордон. — Но он подошел близко к этому. Позвольте мне рассказать в точности, как это было.

Силия сидела на больничной кровати, когда доктор Картер ввел в комнату Гордона. Она была бледная, но такая же хорошенъкая, как перед происшествием. Казалось, она немного потеряла в весе, но ничто другое не указывало на ее состояние.

— Она не может увидеть меня? — спросил Гордон.

— Она видит только меня и слышит только то, что я ей говорю, — сообщил ему Картер. — Садитесь вон там. Она даже не знает, что вы здесь.

Доктор Картер подошел к кровати сбоку и встал возле Силии. Он прикоснулся к ее лицу пальцами, но она едва ли это заметила. Он взял подбородок девушки своей ладонью и приподнял ее лицо так, чтобы она смотрела прямо ему в глаза.

— Здравствуй, Силия, — поздоровался он.

— Здравствуйте, доктор Картер.

- Как ты себя чувствуешь?
- Никак не чувствую, — отозвалась она.
- Сколько тебе лет?
- У меня нет возраста.
- Вообще никакого возраста? — наставлял он.
- Вообще никакого возраста, — подтвердила она.

Тогда доктор Картер повернулся к Гордону и, улыбаясь, объяснил, что он сделал посредством гипноза. Первым шагом в возрастном регрессе было заставить пациента привыкнуть к плаванию во времени, допустить изменчивость возраста. Не давая ей вообще никакого возраста, он мог предложить гипнотически, что ей сейчас только двадцать лет. А теперь девятнадцать. А теперь восемнадцать. И так далее, пока она не станет ребенком. В этом случае, однако, требовалось вернуться лишь на несколько дней назад, к вечеру понедельника.

— Сколько сейчас времени? — спросил он Силию.

- Нисколько.
- Какой день?
- Я даже не знаю, — сказала она. И застенчиво хмыкнула.
- Не нужно стесняться того, что не знаешь день недели, — произнес врач дружелюбно, все так же прикасаясь к ее лицу.

— Хорошо, — сказала она, моментально уступая всему, что он говорил.

— А теперь ты видишь перед собой часы, Силия?

— Нет.

— Посмотри внимательней.

— Вижу.

— Наблюдай за стрелками, — приказал он.

— Смотрю.

— Они не поворачиваются вспять?

— Вспять?

— Поворачиваются, ведь так?

— Да, — подтвердила она с озадаченным выражением на хорошеньком лице.

— Пусть тебя это не беспокоит. Они должны повернуться вспять. Это то, что мы от них хотим. В данном случае это совершенно естественно.

Неодобрительное выражение сошло с лица девушки.

— Сейчас утро среды, вчерашнее утро, — говорил Картер. — Ты помнишь вчерашнее утро?

— Я проснулась в больнице.

— Правильно.

— Мне было очень больно, — добавила она. — Я трогала себя, и у меня болело там, где я трогала, потом пришли сестры, и в моей руке была игла, через которую мне вводили глюкозу, и...

— Ну вот, замечательно, — оборвал он пациентку. — Теперь ты в порядке. Вчерашняя боль не имеет значения, если сегодня ты в порядке. Ведь так?

— Да, — сказала она, тут же успокоившись.

— А сейчас, — заявил доктор Картер, — уже не среда, правда, Силия? — Он погладил ее подбородок.

— Правда.

— Сейчас утро понедельника, не так ли?

— Да.

Затем Картер повернулся к Гордону и объяснил, что не хочет сразу возвращать пациентку в момент нападения, предшествовавший ее коме. Это было бы слишком травмирующим, слишком внезапным. Вместо этого он собирался вернуть ее к утру понедельника, а потом медленно провести по дню до того момента, когда на нее напали.

Так оно и было, пока Картер не сказал:

— А теперь поздний вечер понедельника, и ты кладешь чемодан в свою машину. Ты собираешься уехать, чтобы провести где-то уик-энд. Правильно?

— Да, — промолвила Силия. Но на ее лице уже появилось встревоженное выражение, тень беспокойства.

— Куда ты едешь, Силия?

Она не ответила.

— Куда ты едешь на уик-энд? — вновь спросил Картер.

— Я...

— Ну?

Она не могла ничего выговорить.

— Чего ты боишься? — потребовал он.

— Ничего.

— Хорошо. Бояться нечего, совершенно нечего. Итак, куда ты едешь на уик-энд?

В этот момент она вырвалась из мягких рук доктора и начала кричать.

— Это было ужасно, — поделился Гордон, прерывая повествование, чтобы сделать свой первый собственный комментарий с тех пор, как начал рассказывать историю. — Это было так, будто ее ударили ножом прямо там, в госпитале.

Доктор Картер был не слишком уж встревожен ее внезапной буйной реакцией. Он лишь приказал:

— Перестань кричать, Силия.

И она перестала.

А доктор продолжил:

— Никто не сделает тебе больно. Никто никогда не сделает тебе больно, потому что ты слишком хорошенъкая и очаровательная. Ты веришь, что кто-то когда-нибудь тебя обидит?

— Нет, — сказала она. Но неохотно.

— Сейчас утро четверга.

— Четверга, — повторила она.

— Где ты?

— В больнице.

— Посмотри на часы. Стрелки движутся вперед. Ты видишь, что теперь они движутся вперед?

— Да.

— Сейчас утро четверга, не так ли, Силия? Она сказала, что так.

В этом месте Картер повернулся к Гордону:

— Мне придется разбудить ее сейчас, а завтра попробовать снова. Не могли бы вы уйти? Если она узнает, что за ней наблюдают, ее, возможно, будет сложнее контролировать на последующих сеансах.

— И я ушел, — закончил Гордон. — Я был просто потрясен.

— Представляю себе, — кивнула Элайн, у которой из рассказа постепенно складывалось впечатление, насколько жуткой на самом деле была эта сцена.

— Поначалу, — признался Гордон, — я подумывал о том, чтобы вернуться и понаблюдать за другими сеансами до тех пор, пока он не закончит с ней. Я уверен, что Картер разрешил бы мне. Но когда я услышал ее крик и посмотрел на ее лицо под конец сеанса, я понял, что не хочу быть там, когда она на-

конец восстановит в памяти момент нападения. Это было бы слишком.

Какое-то время они оба молчали, и наконец Элайн проговорила:

— Гордон, вы верите в эту версию про автостопщика?

— А какая есть еще версия?

— Я не хочу вас сердить, — пробормотала девушка.

Он наклонился вперед:

— Вам это не удастся. Что у вас на уме, Элайн?

Она поколебалась всего один момент, потом все ей рассказала.

Он слушал внимательно и, когда она закончила, решил:

— Идемте. Мы должны сообщить об этом отцу.

Он провел ее в кабинет и заставил повторить все, что она ему рассказала. Ли Матерли слушал, вначале изумленно и весело, потом все более и более озабоченно, а к моменту, когда она закончила, он уже выглядел глубоко встревоженным.

— И вы так и не увидели этого человека и не имеете понятия, кто это был?

— Нет, — подтвердила она. Она не хотела вдаваться в детали относительно того, что подозревает почти всех. Для этого еще будет время, когда здесь появится капитан Ранд.

— Мне придется поговорить с отцом, — сказал Ли. — Вы подождете здесь несколько минут? — Он встал, не дожидаясь ответа, и покинул комнату.

— Вы, должно быть, натерпелись страху, — посочувствовал Гордон. Он взял девушку за руку, и она почувствовала силу его пальцев, погрузилась в эту защитную ауру.

Она кивнула в знак согласия.

— Не волнуйтесь, — сказал он. — Отец по-заботится обо всем. Теперь, похоже, все разрешится уже сегодня вечером. — Голос у него был невеселый. Он понял, как, наверное, и его отец, что ее рассказ говорит о том, что убийца — член семьи. — Все скоро разрешится, — повторил он. — Я уверен.

— Надеюсь, — вздохнула Элайн. Темные, обшитые панелями стены казались ужасно тесными, а воздух — спретым и непригодным для дыхания.

Они терпеливо ждали, когда вернется Ли Матерли.

Глава 15

А глава семьи, вернувшись, казалось, вновь обрел бодрость. Он уселся на край своего письменного стола, прямо перед Элайн, и заговорил:

— Значит, так, Элайн, отец признает, что рассказывал вам эту историю о том, как его едва не убили прошлой ночью. Но он утверждает, что, когда позвонил вам, был так напуган, что не в силах был ясно мыслить. Он говорит, что теперь, обращаясь к памяти, понимает, что ему приснился сон. Но когда он проснулся с приступом, у него все перепуталось, что было на самом деле, а чего не было.

Элайн отрицательно покачала головой:

— Из его ночника вывернули лампочку.

— Я уверен, что и этому найдется логическое объяснение, — улыбнулся Ли Матерли. — Это просто случайно совпало с его ночным кошмаром. Отец уверен, что это был только сон.

— А мне тоже все приснилось? — спросила девушка. Она начинала злиться. Никто из этих людей не хотел смотреть в глаза реальности, правде. Они так жаждали принять версию с автостопщиком, что готовы были лезть из кожи вон, чтобы можно истолковать каждую улику, которая указывала на члена их собственной семьи.

— Все возможно, — протянул он. — Вы слишком мало спали в последние дни. И перенервничали — слушая отцовский рассказ о его кошмаре, принимая его за чистую монету. Вы вполне могли увидеть, как...

— А как же кот? — перебила она Ли, понимая, что едва не упустила это обстоятельство.

- Что — кот?
- Кто ударил его ножом и спрятал в мешок для мусора?
- Я не могу сказать вам, кто убил несчастное животное, — согласился Ли. — Но в мешок его положил Денни.
- Деннис? — переспросила Элайн. Она почувствовала, как ее тошнит, как руки ее начинают дрожать при воспоминаниях о его картинах и том странном настроении, в котором он пребывал накануне днем.
- Деннис, — подтвердил Ли. — Он нашел кота этим утром, когда пошел прогуляться, перед тем как начать свою работу. Было очень рано — он уже много дней подряд рано встает, — и он знал, что Бесс еще нет в кухне. Он не мог придумать, что ему сделать с Бобо, но знал, что Бесс не должна обнаружить животное. Он знал, как ей будет больно. К несчастью, он сделал неудачный выбор. И Бесс нашла беднягу.
- Но кто убил кота? — настаивала она.
- Очевидно, кто-то из соседей, — бросил Ли нервно. — У Бобо была склонность бродить по округе, что не вызывало одобрения.
- Но они отравили бы его. Или застрелили бы. Они бы не исполосовали его так!
- Трудно предугадать, на что способны люди, — хмыкнул Ли. — Многие из наших соседей относятся к нам враждебно. Навер-

ное, вы уже познакомились с Бредшоу. Так вот, они не единственные люди в округе, которые готовы при случае сделать нам пакость.

— Но...

— А теперь, — объявил Ли, — с вашего позволения, мне действительно нужно вернуться к гроссбухам. Завтра или послезавтра доктор Картер разберется с Силией, и со всем этим будет покончено. Мне жаль, что вы приехали в самый разгар такой скверной истории.

Он прошел за свой письменный стол, сел и принялся перебирать стопку бумаг.

Часом позже, когда они сидели на диване в большой гостиной, Гордон, извинившись, удалился на весь остаток вечера, ссылаясь на то, что нужно поработать с ресторанными на-кладными. Очевидно, он почувствовал смесь гнева, страха и смятения, переполнявших девушку, потому что, когда уходил, склонил-ся к ней и прикоснулся губами к ее щеке. И сказал:

— Мне хотелось бы, чтобы сегодня ночью ты снова закрыла свою дверь и, пожалуй, чтобы ты подперла ее ручку стулом.

Элайн была так потрясена поцелуем, не-жным поцелуем, который все еще удерживал-ся на ее гладкой щеке, что ей потребовалось

несколько долгих секунд, чтобы подыскать слова. Наконец она отозвалась:

— Значит, ты мне поверил?

— Я не вижу никакой причины не верить тебе.

— А твой отец?..

— Он поступает так, как считает правильным.

— Неужели ты не в состоянии его убедить?

Гордон замахал рукой, отвергая то, что она собиралась сказать:

— Элайн, это все дело темное. На самом деле я просто не знаю, чему верить. Но я надеюсь, что сегодня вечером ты запрешь свою дверь. А я знаю, что запру свою!

Потом он извинился и вышел из комнаты, лишь помедлив в дверном проеме, чтобы оглянуться на нее. На его лице отражалась озабоченность, которая растрогала Элайн и заставила ее почувствовать себя чуть ли не королевой. Потом он ушел. Девушка пыталась усилием воли остановить его, чтобы не оставаться одной. Но это было невозможно и глупо.

А с другой стороны, она была даже рада, что Гордон ушел, — потому что не знала, одобрит ли он то, что она намеревалась сделать. Когда она увидела, что Ли Матерли не собирается принять суровую реальность, перед которой она его поставила, то поняла, что сама позовонит Ранду, как только ей предста-

вится возможность, даже несмотря на то, что не заручилась поддержкой хозяина дома. Теперь, когда близилось время сна и ей вскоре предстояло посетить Джейкоба, она поняла, что время настало.

Элайн пересекла комнату и уселась в тяжелом темно-бордовом кресле, в углу у арочного прохода. Оно обняло ее, словно живое существо, мягкое и гибкое.

В кабинете щелкал и трещал арифмометр.

Наверху по-прежнему играла классическая музыка.

Она взяла телефон со столика возле кресла и набрала номер справочной службы, чтобы узнать номер отделения, в котором работает капитан Ранд. Минуту спустя она набрала номер полиции.

— Дежурный по отделению Уилсон, — произнес голос в трубке. — Чем могу быть полезен?

— Я хотела бы поговорить с капитаном Рандом, — произнесла она с немалым усилием, ее язык прилипал к небу, как будто она только что наелась ореховой пасты.

— К сожалению, капитан сейчас не на службе. Кто-нибудь другой может вам помочь?

— Могу я узнать его домашний телефон?

— К сожалению, мы не даем домашних телефонов наших сотрудников. Вы хотите сделать сообщение или что-нибудь еще? Если бы вы сказали мне, что...

Краем глаза девушка заметила, как кто-то прошел из холла в проем арки. Она повернулась, как раз чтобы увидеть Денниса Матерли, глядевшего на нее.

— Мне ужасно жаль, что я вас побеспокоила, — сказала Элайн полицейскому сержанту.

— Если кто-нибудь другой может помочь вам...

— Простите, — повторила она. И повесила трубку. Элайн обернулась и с величайшим усилием, на которое никогда не сочла бы себя способной, сумела улыбнуться Деннису. И даже проговорила: — Я слышала, что вы закончили потрет Силии, над которым работали. Мне хотелось бы как-нибудь посмотреть на него.

— Он не вполне закончен, — сказал он. — Почти...

— А как долго вам придется...

Деннис перебил ее, понизив голос настолько, что никто другой не рассыпал бы этот диалог.

— Это была полиция?

Она колебалась, подыскивая ответ, и обнаружила, что просто не находит что ответить.

Он нахмурился. Морщины на его лице любопытным образом делали его похожим на резиновую маску, залегая настолько глубоко, что никак не верилось, что они прорезали живую плоть. Он облизал губы и посмотрел в другую сторону, на диван, как будто видел

нечто такое, чего ее собственные глаза не примечали, нечто большее, чем предмет мебели. Он спросил:

— Вы по-прежнему считаете, что это был кто-то из семьи?

— Нет, — запротестовала она.

— И все-таки вы так считаете.

На этот раз она не ответила.

— Кого вы подозреваете, Элайн?

— Я не знаю.

Деннис отвел взгляд от дивана, снова приковал к себе ее взор. Его собственный взгляд был таким пристальным, что она не могла оторвать от него глаз и подумала, что, должно быть, это все равно что дать доктору Картеру загипнотизировать себя.

— Элайн, у вас наверняка есть какие-то догадки. Наверняка кто-то вызывает у вас подозрения.

— Нет, — упорствовала она.

— Скажите мне, — настаивал он, делая шаг по направлению к ней.

— Я просто не знаю! — Ожесточенный тон, которым заговорила девушка, стал неожиданностью даже для нее самой.

Деннис заморгал, как будто ее напряженный, отрывистый ответ мигом вернул его из фантазий в реальность, развеял какие-то грезы, удерживавшие его в своей власти. Он снова отошел от нее и буркнул:

— Приходите завтра наверх, чтобы посмотреть картину.

Элайн не смогла ответить. Она была уверена, что ему слышны тяжелые удары ее сердца и что по этому физиологическому признаку он поймет, кого она больше всего подозревает. Его!

— К тому времени она будет закончена, — сказал он.

Она кивнула.

— Так, значит, завтра, — повторил он. И тихо ушел.

Несколько минут Элайн не могла пошевельнуться. Ее ноги затекли, и их кололо так, будто в них вонзили тысячи иголок. Икры напоминали желе, настолько они были слабыми и так дрожали. Живот ее будто скрутили мертвым узлом, а грудь набили комьями темного, не тающего страха. Ей пришлось обратиться мыслями к приятным вещам вроде чудесного дня, который только что прошел, и вкусной еды, которую она только что съела, и поцелуя, который Гордон запечатлел на ее щеке. Только потом она смогла встать.

Она взошла по лестнице, опасаясь полуночи, царившего там днем и ночью. Она собиралась осмотреть Джейкоба, проследить, если необходимо, чтобы он лег в постель, а потом закрыться в своей комнате и подпереть дверь стулом, именно так, как рекомендовал Гордон.

Ночь предстояла долгая.
Длиннее всех предыдущих.
И что-то подсказывало ей: это будет также
и недобрая ночь, ночь поистине ужасная.

Глава 16

Элайн не сразу заметила книгу, которую кто-то положил на подушку в изголовье ее кровати. Переплет обложки мягкого бежевого цвета почти сливался с покрывалом; кроме того, девушка была слишком сосредоточена на других вещах, когда вошла в комнату, чтобы приглядываться к мелочам. Она заперяла дубовую дверь и проверила замок. Потом выдвинула стул с прямой спинкой из-за письменного стола в дальнем углу, перенесла его к двери и подперла его спинкой ручку так, что тот забаррикадировал дверь, не давая ей открыться, даже если кому-то удалось бы взломать замок, не потревожив ее. Сделав это, Элайн быстро приняла душ, чтобы смыть дневную усталость, надела сине-желтую в цветочках пижаму и включила телевизор. Она знала, что заснуть ей удастся не скоро, если этой ночью вообще суждено спать. Пройдя к кровати, она присела на край, удостоверившись, что телевизионное изображение достаточно четкое и громкость отрегулирована должным образом,

тотом протянула руку, чтобы прислонить подушку к изголовью, в качестве удобной опоры для спины. Вот тогда она и нашла книгу.

На какой-то момент она подумала, что это какая-то книга, которую она читала прежде и положила там. Но она не смогла ее вспомнить. Кроме того, все ее книги были недорогие, в бумажных переплетах.

С обеих сторон обложки не было никаких надписей. Ей пришлось открыть книгу на титульной странице, чтобы выяснить, что та собой представляет.

«Распознавание одержимых бесами, подробное руководство к истолкованию проклятых и выдержки из историй болезни по изгнанию нечистой силы» неизвестного автора.

В обычной ситуации она нашла бы чрезмерно многословный заголовок забавным. Сейчас, однако, слегка пробирал холодок, когда девушка пыталась осмыслить эту череду фраз. О чем же, на самом деле, эта книга?

Перевернув страницу, она обнаружила надпись от руки, поблекшую от старости. Она прошла ее дважды, прежде чем поняла, что это своего рода молитва, искаженная по форме и предназначению, но тем не менее молитва:

«Дорогой Иисус, дух Святого Мертвца, Белые Души и Мечтательные Ангелы — оберегайте эту книгу и храните ее. Всегда сознавай-

те ценность этой книги для смертных и следите, чтобы ее передавали тем, кто нуждается в ней, проливая свет туда, где в противном случае царил бы беспредельный мрак. Оберегайте эту книгу от прикосновений тех, кто захочет уничтожить ее и заклинания, которые она содержит, от тех, кто извлек бы выгоду из людского невежества, — то есть особенно берегите ее от Сатаны, Злых Духов, Черных Душ и Падших Ангелов».

Под молитвой, на чистой странице кто-то начертал крест. А под крестом было выведено: «INRI», латинская аббревиатура «Иисуса из Назарета, Короля Евреев».

Элайн начала подозревать, что оставил для нее книгу. Когда же она просмотрела страницу с оглавлением и обнаружила, что книга касается одержимости живых духом мертвых, она преисполнилась уверенности, что винить следует Джерри, или Бесс, или, скорее всего, их обоих.

Зачем?

Что они рассчитывали поведать ей, оставив эту книгу в ее комнате? Они наверняка знали, что ее не заставить принять их глупую череду демонов и призраков, ведьм и колдунов, их мир заклинаний, магических формул и избавительных песнопений. И уж конечно, нельзя добиться обращения одной-единственной кни-

гой, даже если бы она благосклонно относи-
лась к их точке зрения.

Девушка перелистала страницы до первой
главы и начала читать мелкий, неяркий шрифт:

«Некоторые утверждают, что эти Темные
Вещи канули в прошлое и что они больше не
имеют значения. Сейчас, говорят нам эти
люди со снисходительностью, которую они
старательно вынашивают в отношении тех,
кто с ними не согласен, год тысяча девятьсот
девятнадцати восьмилетия нашего Господа. Такой
год требует, говорят они, чтобы человек по-
читал науку как единственного бога и ан-
тибога. В эпоху автомобилей и аэропланов,
электрического света и современной медици-
ны призракам и духам, как они уверяют, нет
места.

Но они невежественны. И они отказывают-
ся постигать правду, настолько они умиротво-
рены в своей слепоте.

А посему я, Джон Мартин Штольц, житель
графства Йорк, штат Пенсильвания, дал заказ
на печатание тысячи экземпляров книги, ко-
торую вы держите в своих руках. Я заплатил за
печатать из собственного кармана и не желаю
извлекать выгоду из этого предприятия. Вмес-
то этого я буду удовлетворен, если те, кто вла-
деют этой книгой, извлекут пользу из содержа-
щихся в ней сведений».

Элайн положила книгу на колени и долгое время глядела в телевизионный экран. Показывали глупую комедию, одну из тех, в которых жена всегда полная дура, а муж то и дело превратно истолковывает все, что он слышит, и носится повсюду как угорелый, делая положение еще хуже, чем оно было до того, как он попытался его исправить. И под это мельтешение она пыталась выяснить, что собирались втолковать ей Джерри и Бесс.

Введение Штольца было высокопарной, самоуверенной чушью, начиная с первого же параграфа. И такой же невыносимо скучной. Девушка с облегчением закончила введение и обратилась к основному тексту, который был написан «анонимом» где-то в начале XIX столетия.

Первая треть книги представляла собой компиляцию «историй болезни», из которых выросли тысячи предрассудков, один фантастичнее другого. В первой истории рассказывалось о парне по имени Захария Тайне, который, согласно неизвестному автору, служил пехотинцем в колониальной армии во время войны за независимость. Он был родом из хорошей бостонской семьи и очень всем нравился — до тех пор, пока не открылось, что Захария — вурдалак и что именно он повинен в грубом осквернении множества свежих могил на военных кладбищах на протяжении семи месяцев 1777 года.

Вторая история, как будто первая была еще не достаточно ужасной, поведала о филадельфийском лавочнике, который в 1789 году убил свою семью, пока та спала, и предался вакханалии убийств, в результате которой до рассвета появилось еще четверо покойников.

Третий эпизод касался француза, который во время наполеоновских войн заразился ликантропией и бродил по ночным улицам старого Парижа как человек-волк, охотясь на безвинных горожан. Парижский оборотень.

Элайн закрыла книгу и положила ее на тумбочку. Джон Мартин Штольц вызвал у нее отвращение вместе с неизвестными авторами, а также с Джерри и Бесс. Кто может всерьез верить подобной чепухе? Все это несусветная чушь!

Она сильно рассердилась, так как поняла теперь, что пыталась внушить ей пожилая чета, и ощущала себя объектом чудовищного розыгрыша. Глупого. То, что они, очевидно, думали в связи с этими недавними событиями, было таким ребячеством, что ей даже не приходило в голову, что кто-то в цивилизованном мире может в самом деле придерживаться таких представлений. Неужели они искренне убеждены, что дух Амелии Матерли принес давно потерянный нож и вселился в кого-то из семьи? Да, с них станется. Они не просто забавлялись с легковерной девушкой. Уж она-то совсем не легковерная. А вот они — да!

Элайн встала, преисполненная нетерпеливой энергии, и принялась расхаживать по комната, размышляя, что она скажет пожилой чете утром, когда вернет их нелепую книгу. «Вот, — скажет она, — ваше собрание сказок. Разумеется, я только посмеялась над ними». Нет, это будет слишком резко, слишком похоже на детский отпор. Но она найдет что сказать, нечто такое, что заставит их понять: она не хочет, чтобы ей и дальше докучали такими подарками, как «Распознавание одержимых бесами...».

Она все еще прохаживалась, когда в окно стукнул камень. Стекло резко и отрывисто звякнуло, заставив ее вздрогнуть. Она прекратила ходить и повернулась к окну, почти ожидая увидеть на карнизе кого-нибудь, заглядывающего внутрь.

Там царила сплошная темнота.

Секундой позже другой камешек, размером примерно с виноградину, снова щелкнул о стекло и упал на землю.

Охваченная любопытством, девушка подошла к окну и раздвинула тяжелые янтарные шторы, чтобы получить полный обзор черной травы и ползучих теней от деревьев-исполнов. Некоторое время она никого не видела. Однако, когда ее глаза привыкли к тусклому освещению, она разглядела человека. Он стоял в самой глубокой тени, у ствола самой большой из ближайших ив.

Просто стоял там, совершенно неподвижно. Потом он шевельнулся.

Еще один камень отрывисто щелкнул по стеклу, прямо перед ее лицом.

Человек опустил руку и снова застыл, глядя на нее сверху вниз, так что она не видела его лица.

Элайн повернулась и посмотрела на часы у изголовья. Те показывали десять минут пополуночи. Она не представляла, кто мог бы стоять у нее под окном в столь поздний час, пытаясь привлечь ее внимание бросанием камешков.

Человек не двигался, даже теперь, и был надежно укрыт тенью, в которой предпочитал держаться. Лишь на фоне темно-коричневой лужайки она смогла разобрать его непроглядно-черный силуэт. Ночь скрывала даже по-край одежды.

Девушка сдвинула шпингалет, который удерживал вместе створки окна, потом вытащила крючок из петельки наверху. И распахнула створки наружу, как ставни.

— Кто там? — спросила она.

Незнакомец не ответил.

Элайн пришло в голову, что, вполне возможно, человек, стоящий под окном, — убийца, пытающийся привлечь ее внимание по какой-то необъяснимой причине, которую в состоянии постичь только сумасшедший. И все-таки она не особенно испугалась при мысли о том,

что столкнулась с таким проявлением внимания. Их разделяло двадцать футов по горизонтали и двадцать пять по вертикали. Что кто-нибудь может сделать с такого расстояния?

— Господи, да кто вы?

Человек сохранял молчание.

Она наклонилась вперед, пытаясь получше его рассмотреть, но по-прежнему не могла сказать, кто это.

— Деннис? — спросила она наудачу, предположив наиболее вероятное.

Он взмахнул рукой.

На этот раз он кинул не камешек, а булыжник размером с бейсбольный мяч. Тот стукнулся о каменную стену дома, в двух футах от оконной рамы, не далее чем в четырех футах от ее головы. Булыжник ударился с отвратительно веским, деловитым «шлеп!», потом упал обратно на траву.

Элайн ахнула и схватилась за створки окна, чтобы поскорее захлопнуть их.

Второй камень ударил ее в плечо и заставил вскрикнуть, хотя страх не позволил закричать в полную силу.

Рука ужасно болела, но ей удалось удержать створки окна и захлопнуть их. Элайн задвинула щеколду, бросила крючок в петельку наверху и отступила назад, так чтобы ее не было видно через стекло. Когда через несколько минут третьего камня не последовало, она

сдвинула янтарные шторы, как будто они не только отгораживали ее от ночи, но также ограждали от всего мира и нападения, словно оно и не случилось вовсе.

Девушка прошла в ванную и сняла куртку пижамы, чтобы как следует осмотреть свое плечо. Там, куда ударили камень, кожа уже начала краснеть и распухать. Синяк был величиной с ее ладонь и сильно болел, когда она попыталась до него дотронуться. Она знала, что, как бы ушиб ни болел сейчас, утром будет хуже вдвое. Появится такое ощущение, как будто ее... ударили ножом.

Она пустила воду из крана, пока та не стала ледяной, потом махровой салфеткой смачивала ушиб до тех пор, пока кожа не онемела. Дело было сделано, вряд что еще можно было добавить. Она снова оделась и вернулась в спальню.

Когда она села на край кровати, то призналась самой себе, что камень мог убить ее или по крайней мере вызвать тяжелое сотрясение мозга. Ей не хотелось думать об этом. Но в конце концов, она медсестра. Ей не уйти на долго от этих мыслей.

Кто-то пытался убить ее.

Кто?

По телевизору частный детектив пытался спихнуть машину, полную плохих парней, с дороги. Погоня неистовствовала на крутых,

узких улочках, вдоль отвесной дамбы, словно корабль в штормовом море раскачивало и швыряло вверх-вниз, в то время как камера подменяла собой человеческий глаз.

Она знала, что тянет время, старается удержаться и не высказать того, что обнаружила. Убийца совершенно определенно принадлежит к семье. Прежде у нее была девяностопятипроцентная уверенность в этом. Теперь она была уверена совершенно, без малейших сомнений.

Это сделал Деннис Матерли.

Он оставался неподвижным и безмолвным, осторожным до тех пор, пока она не назвала его имени. Имя послужило детонатором. На имя он среагировал очень буйно. Возможно, полиция не назовет это неопровергимой уликой, но для нее этого вполне достаточно. Утром она позвонит капитану Ранду и расскажет ему о новом происшествии. Он спросит: «Вы испытываете к кому-нибудь особое подозрение, мисс Шерред?» И она скажет: «Да. К Деннису Матерли». В эту минуту она могла чуть ли не написать диалог! И даже если Ранд не сочтет ее доказательства бесспорными, он допросит Денниса. Она не думала, что Деннис долго выдержит подробные расспросы. Сумашедшего легко подтолкнуть к тому, чтобы он себя выдал. По крайней мере, ей хотелось в это верить.

Она жалела, что так и не связалась с Рандом этим вечером. Если бы Деннис не застиг ее у телефона, она сумела бы как-то расшевелить дежурного по отделению. Момент подвернулся неудачный.

На какую-то долю секунды она подумала о том, чтобы спуститься вниз и вызвать полицию прямо сейчас. Но это была неудачная мысль. Человек, который швырялся камнями, человек в тени ивы, находился где-то там, внизу. Деннис там, внизу! Без сомнения, с ножом.

Когда она попробовала дверь, то обнаружила, что та по-прежнему заперта и что стул по-прежнему должным образом подпирает ручку.

Она снова прошла к кровати, села и посмотрела в телевизор. Частного детектива связали и засунули кляп в рот в подвале дома преступника, но он воспользовался острым краем канализационной решетки, чтобы перетереть веревки на запястьях.

Она обнаружила, что не может смотреть телевизионные программы. Ее ум бродил в тех мысленных сферах, которые она хотела обойти, и она не могла следить за сюжетной линией на экране.

Элайн попробовала было взяться за приключенческий роман в бумажной обложке, который начала читать накануне вечером, но не смогла заинтересоваться опасностями, с которыми сталкивались герой и героиня, по-

тому что эти опасности теперь померкли и казались совершенно ничтожными.

В начале третьего утра она наставила множество флаконов с косметикой и парфюмерией на стул, который подпирал дверь. Она кое-как приладила флаконы между наклоненными сиденьем и перекладинами спинки стула. При малейшей попытке надавить на дверь они бы упали и зазвенели, и этого хватило бы, чтобы ее разбудить.

Но и уснув, она не обрела покоя. Ей приснилось, как ее ударили в лицо камнем, большим камнем с зазубренными краями. Во сне ее нос был размозжен, а левый глаз — выбит. Густая, красная кровь текла из ее ран, и она лежала без сознания и, возможно, умирала...

Элайн просыпалась от одного и того же кошмара так часто, что к четырем часам оставила всякие попытки уснуть. Она снова взяла книгу, которую Джерри и Бесс оставили на ее кровати, и почитала еще немного о мужчинах и женщинах, одержимых духами мертвых и доведенных до неописуемых вещей. Она надеялась, что, читая эту чепуху, сумеет снова вызвать в себе гнев. У нее, исполненной гнева, не останется места для страха.

Идея была такая.

Но она не сработала.

Она жаждала утра так, как никогда еще не хотела ничего в жизни, и приветствовала

бледную зарю с детским восторгом, благоговейно наблюдая за медленным продвижением солнца.

Скоро наступит утро. Скоро все закончится. Скоро.

Глава 17

Как медсестра, Элайн всегда поражалась легкости, с которой людям удавалось преодолевать невзгоды, которые, как казалось моментом раньше, вот-вот задушат их. Даже самые слабые люди в конечном счете распрямлялись и смотрели в глаза тому, что оказывалось на их пути — серьезным болезням, смерти любимого человека, — и шли дальше по жизни, как умели, в конце концов возвращаясь в нормальное состояние. Каждое человеческое существо, от простого трудяги до светской дамы, наделено этой жизнеспособностью. Как и она сама. Несмотря на длительную тревогу, несмотря на человека, который поранил ее камнем, несмотря на долгую бессонную ночь и страшные предчувствия, она заснула в кресле вскоре после рассвета.

Элайн не узнала, где находится, когда проснулась. Долгую минуту она озиралась вокруг, растерянная, смотрела на несмятую постель, на солнце, пытавшееся пробиться сквозь янтарные

шторы на окне, на дверь с примитивной системой сигнализации, по-прежнему балансирующей на стуле с прямой спинкой. А потом все вспомнила и рассердилась на себя.

Она встала, чуть пошатываясь от утомления, и доковыляла до ванной. И там плескала в лицо холодную воду до тех пор, пока глаза перестали слипаться, а потом посмотрела на себя в зеркало. Глаза ее выглядели ввалившимися, лицо — бледным. Вокруг рта пролегли тревожные морщины. Да, неделя выдалась поистине скверная. А тут еще долгая и изнурительная ночь. Элайн посчитала, что не может винить себя за то, что уснула, и решила, что заниматься самобичеванием — только напрасная трата времени.

Рассвет казался совершенным благом, избавлением оточных тревог, и она уступила ощущению безопасности, которое он с собой принес. Но хотя дневной свет и вернулся, а она отчасти восстановила силы, ненадолго прикорнув в кресле, она осознавала, что опасность осталась. Добиться ее устранения можно лишь по собственной инициативе. Точно так же, как и всего остального в этой жизни.

Времени было 9.07, а это означало, что Ли уже уехал в город и вместе с ним — Гордон. Бесс, должно быть, моет посуду после завтрака и слоняется по кухне, а Джерри либо протирает мебель внизу, либо что-нибудь ремонтирует

в доме. Джейкоб уже закончил завтракать и вчитывается в утреннюю газету. Пол Хоннекер, вероятно, отсыпается после вчерашней выпивки. А что Деннис? Наблюдает ли он за дверью ее комнаты, ожидая, пока она выйдет?

Она вспомнила, что Амелии Матерли не потребовалась темнота, чтобы совершить кровавое убийство, и поняла, что Деннису так же просто орудовать ножом при утреннем свете, как и при лунном мерцании.

Это не имело значения. Что бы ни ждало ее, она не может бесконечно отсиживаться в своей комнате. Если она не позвонит капитану Ранду до того, как у него закончится служба сегодня вечером, и если психиатр не сумеет побудить Силию вспомнить личность напавшего на нее, тогда ей придется провести здесь еще одну ночь не ложась в постель, в напряжении, ожидая, что лезвие ножа просунется в дверную щель и вскроет замок.

Она больше не сможет этого вынести.

Элайн оделась попроще, причесала свои длинные, пышные волосы, которые опускались на плечи, как шелковистые сумерки. Она убрала флаконы со стула, подпиравшего дверь, и переставила их на туалетный столик, потратив некоторое время на то, чтобы расставить их так, как ей нравилось. Когда она убирала стул из-под дверной ручки, кто-то постучал в дверь легко, но настойчиво.

Притворяться, что ее здесь нет, было безнадежно. Во-первых, дверь ее была заперта изнутри, что гость сразу обнаружит, когда попытается ее открыть. Во-вторых, он наверняка слышал, как она переставляла флаконы, которые служили в качестве сигнализации, и убирала стул из-под ручки.

— Кто там? — спросила она.

— Гордон.

— Гордон?

Действительно, через толстую дверь голос звучал как его, но ей с трудом в это верилось. Ведь она думала, что он в городе, на работе, и что она здесь одна.

— С тобой все в порядке, Элайн? —

Она быстро отперла дверь и открыла.

Там действительно стоял Гордон, выглядевший довольно изнуренным, как будто провел ночь более утомительную, чем она сама. Ей было приятно отметить, что, несмотря на это, он, как всегда, выбрит и аккуратно одет.

— Я думала, ты в городе, со своим отцом, — сказала она.

Он пояснил:

— Сегодня я не смог поехать. Впервые за последнее время. Я не спал большую часть ночи, все прислушивался к подозрительным звукам. Я беспокоился за тебя и не мог уснуть. Время от времени, когда мне казалось, будто я слышу, как кто-то шевелится рядом, я выхо-

дил в коридор, посмотреть, не ломится ли кто-то в твою дверь, но так никого и не застиг.

— Ах, Гордон! — выдохнула девушка, прильнув к нему с внезапной доверчивостью, которая удивила их обоих. Подобное проявление заботы вызвало у нее облегчение, как будто сама его заинтересованность в ее безопасности обеспечивала эту безопасность.

— Тебе докучали в течение ночи? — спросил он.

— Да.

Его рука обвилась вокруг нее, обхватила за плечи, твердая и мужественная, дающая защиту. Он давал ей ощущение свободы, которого она никогда прежде не испытывала. Он заставил ее почувствовать, что, пока он рядом, ей больше не нужно быть такой трезвой и настороженной и так рьяно отстаивать свои интересы. Он станет ее руками, удерживающими на расстоянии окружающий мир.

— Расскажи мне об этом, — попросил он.

И Элайн рассказала — во всяком случае, большую часть.

Когда она закончила, Гордон нахмурился:

— У меня такое чувство, будто ты что-то недоговариваешь, что-то скрываешь от меня.

Она не могла смотреть прямо на него и не могла ему ответить, потому что он был прав.

— Что еще, Элайн?

— Я не хочу тебя рассердить.

— Тебе это не удастся. Это как-то связано с семьей? Тебе кажется, будто ты знаешь, кто бросил тот камень прошлой ночью?

— Да.

— Ну и кто же? — прохрипел он. Казалось, он слегка дрожит, но он пересилил свой страх и посмотрел в глаза той самой вещи, в которую отказывался поверить его отец. — Кто из членов семьи это был?

— Прошлой ночью ты еще не был уверен, что это кто-то из этого дома. Отчего твое мнение так внезапно изменилось?

Он признался:

— Наверное, я все это время знал, что не было никакого автостопщика. Силия могла подобрать кого-то, ехавшего в Филадельфию, но он не пытался ее убить. Я не хотел смотреть в глаза правде. У меня — точно так же, как у отца, — не хватило для этого мужества. А теперь есть. Прошлой ночью, когда я не мог уснуть, я понял, что душа моя не успокоится, пока я не приму на себя эту тяжесть.

Элайн вдруг положила голову ему на плечо, слушая быстрые удары его сердца, обретя покой в его согнутой руке.

— Итак? — спросил он.

— Деннис, — сказала она.

Он долго молчал.

— Ты веришь мне?

— Пожалуй, да. Но я хочу услышать, почему ты подозреваешь моего брата. Я хочу знать все, что ты видела и что указывает на него.

И она рассказала ему все — от картин, над которыми работал Деннис, до того, как он держал мастихин и, казалось, скрыто угрожал ей. Она упомянула о беспокойстве Денниса за ужином, когда Ли сообщил, что Силия вышла из комы. Она напомнила ему о проблемах Денниса в детстве, когда его мать убила двойняшек, а затем себя. И наконец, она рассказала ему о прошлой ночи, о том, как Деннис застиг ее у телефона, и о том, каким образом человек под ивой отреагировал на имя Деннис.

— Боже мой! — потрясенно проговорил Гордон, когда она закончила. Он постарел на десять лет за то время, что потребовалось ей, чтобы рассказать это.

— Прости меня, — прошептала она.

— Ты ни в чем не виновата, — отрезал он. — Беда не в тебе, а в моей семье, в крови, что течет в наших жилах, и в том, каким образом мы пытались скрыть нашу историю. Беда в том, что отец позволил Денни вырасти таким, каков он есть, — безответственным, легкомысленным.

Элайн кивнула, полностью соглашаясь с такой оценкой характера Денни:

— Что мы можем сделать?

Он подумал какое-то время, потом сказал:

— Тебе придется остаться здесь, в своей комнате, Элайн. Я сам схожу наверх, в мастерскую Денни. Я просто поставлю его перед лицом всех этих фактов.

— Нет!

— Это — лучший выход.

— Вызови полицию, Гордон!

— Я не могу этого сделать, — отказался он.

— Но...

— Я считаю это своей обязанностью, — настаивал он. — Он мой брат. Что бы он ни сделал, если он действительно что-то сделал, я не могу просто позвонить капитану Ранду. Я не могу допустить, чтобы с Денисом обращались как с обычным преступником.

— Но если он сумасшедший...

— Даже тогда он все-таки мой брат. Ничто не в силах этого изменить.

— Нет!

Она боялась за него. Он слишком хороший, слишком тактичный, и дело кончится тем, что он поплатится за свою тактичность, если она не помешает ему осуществить этот дурацкий замысел.

— Элайн, ты не понимаешь, как...

— Я не позволю тебе этого сделать, Гордон!

Девушка оттолкнула его, когда он развернулся, оттолкнула его руку, когда он потянулся к ней. И со всех ног бросилась вниз, в прихожую, перескакивая через ступеньку. Внизу она

поспешила в большую гостиную и схватилась за телефон. Она успела набрать семь цифр номера полиции, которые узнала у телефонистки прошлой ночью, прежде чем осознала, что так и не услышала гудка. Она повесила трубку и попробовала снова.

Телефонная линия не работала.

— Элайн, что ты делаешь? — спросил Гордон, вбегая в гостиную и остановившись рядом с ней, у телефона.

— Телефон не работает, — сообщила она.

Он взял трубку и послушал.

Девушка подняла шнур, потянула за него и обнаружила, что тот свободно скользит. Она перебирала руками до тех пор, пока не показался обрезанный конец.

— Кто-то перерезал шнур, — выдохнул Гордон.

— Гордон, нам нужно выбираться отсюда!

— Дай мне подняться и поговорить с братом.

— Он все знает, Гордон, — простонала Элайн.

Она ощутила холод и промозглую сырость, как будто стояла посреди очень древнего, покрытого слизью склепа. — Он знает, что я подозреваю его, и предпринял меры к тому, чтобы я не позвонила в полицию. Неужели ты не понимаешь, что я имею в виду? Если он зашел так далеко, то не остановится перед тем, чтобы попытаться убить нас всех этим утром, прежде чем мы успеем получить помощь.

— Но если мы не можем вызвать полицию, что еще остается делать, кроме как позволить мне поговорить с ним, посмотреть, не смогу ли я его утихомирить. Возможно, он сдастся.

— Я заведу машину, и мы поедем в полицейский участок, — твердо заявила девушка. Она повернулась и побежала мимо него, торопясь в прихожую.

— Элайн...

— Поторопись! — бросила она назад.

Элайн выбежала в кухню, не удосужившись посмотреть, последовал ли он за ней. Ни Бесс, ни Джерри не было в пустой, безмолвной кухне, и она не обнаружила никаких признаков их присутствия снаружи, по пути в гараж. Она подняла белую дверь без окон над гаражным боксом, который, по словам Ли Матерли, отводился для нее, и поспешила к «фольксвагену». Открыв дверцу, она уселась за руль и только тогда сообразила, что у нее нет ключей.

На какой-то момент она застыла при одной мысли о том, чтобы вернуться в этот дом, снова подняться по темной лестнице и вернуться в свою комнату, так близко к мастерской, где работал Деннис.

Она не сможет этого сделать.

Лучше уж она останется здесь и...

И — что? Умрет?

Нет, она не могла так легко сдаться. Вся ее жизнь была нацелена на выживание, на то, что-

бы научиться преодолевать. Она слишком рано поняла, что мир — суровое место, и это никогда не угнетало ее. Она противостояла всему, маленькая девчушка с длинными черными волосами, и одерживала верх раз за разом. Она была трезвой, и серьезной, и совсем не легкомысленной, и она не станет сидеть здесь, ничего не делая.

Кроме того, был еще Гордон. Деннис едва ли сможет причинить вред им обоим, если они вместе заберут ключи. Преимущество будет на их стороне. И скорее всего, он даже не станет им досаждать. Возможно, Деннис до сих пор спит.

Она вылезла из машины, закрыла дверцу и застыла как вкопанная.

Она в первый раз посмотрела на заднее сиденье машины, пристально уставилась на то, что бросилось ей в глаза. Это был блеск наручных часов. Наручные часы были на запястье. Запястье руки. Рука тела.

Она открыла переднюю дверцу.

При верхнем освещении она взгляделась в лицо мертвеца и поняла, что это капитан Ранд. Его ударили ножом несколько раз.

Глава 18

Нет.

Все шло не так, как должно быть, совсем не так, как должно быть в мире. Да, верно, мир су-

ров, жизнь трудна. Но должны же быть какие-то непреложные вещи. Одна из них — закон. Если случается беда, вы идете в полицию и получаете помощь, и все снова становится на свои места. В хорошем, разумном мире организованный закон стоит выше, всегда торжествует над безумием, поскольку безумие дезорганизовано. Когда безумие способно сокрушить закон, способно разбить ваши последние надежды, тогда весь мир должен быть безумным. Тогда сумасшествие правит бал и закон бесполезен, надежды бесполезны.

Она дотянулась до сиденья и потрогала лицо капитана, как будто своей рукой могла доказать, что это всего лишь очень объемный мираж, часть ее воображения, которую она слишком уж серьезно воспринимала. Но когда она дотронулась до трупа, тот не исчез. Он остался на сиденье, наполовину съехавший на пол, очень холодный, совсем одеревеневший и мертвее мертвого.

Она отпрянула и закрыла дверь.

Что теперь?

Она получила ответ на этот вопрос, когда кто-то у нее за спиной проговорил:

— Значит, ты его нашла.

Она повернулась.

Гордон стоял всего в пяти футах от нее.

Он держал длинный, острый нож с зазубренным лезвием.

— Гордон?

Он улыбнулся — жуткой улыбкой, улыбкой без тени юмора, холодной и отчужденной.

— Твои глаза тебя не обманывают, — сказал он.

Это уж было слишком. Сначала обнаружить капитана сзади в своей машине. Теперь узнать, что она заблуждалась относительно Денниса, а также относительно Гордона. Это был не Деннис, несмотря на все свое легкомыслie, несмотря на свое странное настроение, это не он шагнул с грани разумного в пропасть сумасшествия, это был Гордон. Трудившийся в поте лица Гордон Матерли. Серьезный, старательный Гордон Матерли. Гордон Матерли, чьими рассудительностью и трезвостью она так восторгалась, тот, кто когда-нибудь так далеко пошел бы, поскольку работал как одержимый. Такой поворот не только отражал ошибочность ее суждений, но наносил сильный удар по самим основам ее мировоззрения. Слишком, слишком, слишком!

— Почему? — только и спросила она.

— Он шпионил в доме накануне вечером, — объяснил Гордон. — Я не знаю, почему он оказался здесь. Если ты не дозвонилась ему, значит, у него не было причины подозревать, что с версией об автостопщике что-то не так. Но когда я был снаружи, после того как ты закрыла окно и я упустил свой шанс убить тебя камнем,

я услышал, как он кашлянул. Он занял позицию рядом с гаражом. Он не видел и не слышал нашу маленькую сценку, но лишь по чистому везению. Я подкрался к нему и пырнул его ножом. Он умер очень легко. Ты бы удивилась, до чего легко умирает такой крупный человек, Элайн. Думаю, он был готов после моего третьего или четвертого удара. Но я продолжал какое-то время, продолжал колоть его, чтобы быть уверенным.

Он снова улыбнулся — улыбкой, от которой зубы его оскалились в звериной гримасе, а губы растянулись скорее от ненависти, чем от веселья. Его глаза блестели, словно бусинки из полированного стекла. Его ноздри неестественно раздувались от участившегося дыхания.

Элайн хотелось, чтобы он не улыбался. Она сказала:

— Я не это имела в виду.

Гордон перестал улыбаться и хмуро посмотрел на нож в своей руке. Большим пальцем левой руки он потрогал лезвие, чтобы проверить, острое ли оно. Элайн показалось, что на его большом пальце выступила алая полоска крови, настолько тщательной была его проверка.

— Зачем ты сделал все это, Гордон?

Если она будет говорить, если она чем-то займет его, возможно, его удастся перехитрить — или, возможно, кто-нибудь подойдет к гаражу спереди и увидит их. Она по-пре-

жнему была потрясена и сбита с толку открытием, что убийца — Гордон, но часть практической сметки девушки вернулась к ней — достаточно, чтобы она была способна всерьез подумать о способах избежать того, что представляло как близкая и верная смерть.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, — хмыкнул он.

— Почему ты захотел убить Силию? Ты едва знал ее.

— Она была женщиной, — заявил он, как будто это был исчерпывающий ответ.

Простота, холодность, с которой он это произнес, почти заставили Элайн расстаться с надеждой. Она не стала развивать эту тему, а проговорила:

— Но Джейкоб — не женщина. И ты попытался убить его без всякого повода.

— У меня был повод! — выпалил он, теперь оправдываясь. Он растянул губы, улыбнулся, перестал улыбаться, снова улыбнулся, едва ли способный совладать с лавиной нахлынувших чувств.

— Какой повод?

— О, у меня был веский повод, — повторил он.

— Ты можешь мне сказать?

Он держал нож перед ней, нацелив прямо в ее живот, как будто защищался от нее, как будто опасался ответного нападения. Его паль-

цы так крепко обхватили деревянную ручку, что костяшки обескровели. Он помахивал им туда-сюда, очень похоже на кобру, которая водит головой, чтобы загипнотизировать свою жертву перед броском.

— У тебя нет повода причинять мне зло, — сказала Элайн, вспомнив, как под воздействием похожего аргумента он перестал взламывать ее замок за две ночи до того. — Я ничего тебе не сделала.

— Ты не понимаешь, — отозвался Гордон.

Голос его стал тонким, поднялся на несколько тональностей, превратился в пронзительный и какой-то не мужской, отчасти от страха — но также и в результате чего-то еще, чего-то такого, что она не могла определить. Возможно, он пытался сымитировать чей-то еще голос. Но чей?

— Тогда объясни, — попросила она.

— Я не могу.

— Значит, ты сумасшедший. Ты — безумец.

— Нет! — Он напрягся, хотя больше и не угрожал ей лезвием. — Ты наверняка не веришь в подобные вещи. Я знаю, что делаю и почему.

— Расскажи мне.

— Нет.

— Только сумасшедший не может объяснить свои мотивы.

Казалось, Гордон покачнулся от ее слов, как от физического удара, и даже опустил нож, хотя

и не слишком низко. Он явно был встревожен тем, что она сказала. Наверняка даже сумасшедший время от времени понимает, что он живет во мраке, глядит на мир скорее по касательной, чем прямо. Это должно быть так. В противном случае ей можно с таким же успехом сдаваться прямо сейчас.

Стараясь не смотреть на нож, упорно стараясь не думать о том, что он сделал с капитаном Рандом, Элайн собралась с силами, чтобы продолжить спор, усилить его сомнения в самом себе.

— У тебя нет повода, — повторила она.

— Ты выслушаешь меня, если я расскажу, почему?

— Ты ведь знаешь, что я выслушаю, Гордон. — Нашупав слабую струнку, она тут же перешла на сочувственный, понимающий тон. Она обнаружила, что это несколько напоминает разговор с пациентом, который знает, что ему предстоит умереть. Это была всего лишь игра, осторожное нанизывание одной лжи на другую.

— Я верю тебе, — кивнул он.

— Доверься мне.

Он оглядел гаражный бокс, сумрак над головой, пыль на подоконнике справа от него, застарелые масляные пятна на бетонном полу. И сказал:

— Это не подходящее место для объяснений.

Она снова насторожилась, спрашивая себя, что он собирается предложить. Она по-прежнему не знала, как проскочить мимо него.

— Куда ты хочешь пойти? — спросила она. Он задумался на какой-то момент.

— Мы пойдем к Бесс и Джерри. Там я расскажу тебе. Это подходящее место для объяснений.

На короткий миг девушка действительно подумала, что он выведет ее наружу и невольно предоставит ей возможность сбежать. Она уже задавалась вопросом, не побежать ли ей к стене между садом Бредшоу и угодьями Матерли, — или лучше попытаться снова попасть в дом и, если повезет, в мастерскую старшего Матерли, где она, возможно, получит какую-то помощь. Элайн выбрала последнее и подготовилась сделать рывок к свободе, но ее надежды разрушились, когда он схватил ее за руку и надавил острием ножа ей в бок. Он прижал его настолько сильно, что прорвал ей блузку и выпустил капельку крови, хотя явно не собирался убивать ее. Пока.

— Мы пойдем вместе, — сказал он. — Пожалуйста, не пытайся сбежать. Я действительно хочу вначале объяснить тебе все. Я не хочу убивать тебя, пока ты не поймешь.

— Я хочу услышать об этом, — хрипело произнесла она, превозмогая мучительную, невыносимую тошноту.

«Думай! Думай! Ради Бога, найди способ убежать! Но также, ради Бога, ради себя самой — будь осторожна!»

— Пошли, — приказал он.

Она позволила увлечь себя и даже оперлась о него в надежде, что он вспомнит, как ему вроде бы было приятно раньше, когда она полагалась на него и на его силу.

Казалось, солнце снаружи проливает огонь, заставляя потеть так, что лицо ее тут же покрылось солеными блестками.

День был совершенно безмолвным, птицы — неподвижными, ветер стих, как будто сама земля осознавала, что смерть притаилась так близко.

— К ступенькам, — направил он ее.

Пальцы, которые сжимали руку девушки, больно ущипнули ее, и острие ножа вошло чуть глубже в кожу.

Они прошли вдоль гаража спереди, мимо еще трех закрытых дверей.

«Только бы кто-нибудь нас увидел! Только бы кто-нибудь помешал нам!» — молила она.

Но они завернули за угол и двинулись вверх по ступенькам, и никто не увидел их и ни о чем не спросил.

Элайн размышляла над своими шансами сделать резкое движение вбок и столкнуть его за деревянные перила, ограждающие ступени. Она была молодой, и сильной, и насыщенной адре-

налином, который выработался от страха. Это вполне могло сработать. Перила выглядели не такими уж крепкими, а Гордон весил по крайней мере сто восемьдесят фунтов. Если она навалится на него всей своей тяжестью, когда они почти наверху лестницы, и если он от этого потеряет равновесие, то может упасть на цементную дорожку с высоты двадцать футов.

Это убьет его?

Она содрогнулась от своего хладнокровного расчета, но сказала себе, что ничего другого ей не остается. Это самозащита. Замышлять такую вещь разумно.

Разумно было также ожидать, что он может вцепиться в нее, что он потащит ее с собой. И если она не умрет при падении и не слишком поранится, значит, и он тоже. А потом он убьет ее.

Верх лестницы был совсем рядом.

Она не смогла этого сделать.

Они ступили на лестничную площадку и подошли к двери. Гордон постучал в нее рукояткой ножа.

Джерри открыл дверь, вытирая руки грязной тряпкой. Полоса жира протянулась по его подбородку, он явно работал над какой-то машиной. Он поздоровался, а потом увидел нож в руке Гордона. Быстро взглянул на Элайн, правильно истолковал выражение ее лица и попытался закрыть дверь.

Гордон, по-прежнему державший в руке перевернутый нож, стукнул старика по голове тяжелой ручкой.

Джерри покачнулся, схватился за дверь и рухнул без сознания к ногам Гордона.

— Заходи, — приказал Гордон.

Она вошла.

Он последовал за ней, оттолкнув Джерри с дороги, и закрыл дверь. А также запер ее на замок.

Глава 19

Элайн сидела в одном из больших кресел с узором в цветочек и толстой обивкой, почти утонув в плюшевом сиденье между высокими, толстыми подлокотниками. От стула неприятно пахло пылью и старостью. Но это, решила она, было самой незначительной из ее неприятностей.

Напротив нее Бесс и Джерри сидели вместе на алом парчовом диване, согнутые в три погибели, сморщеные, высохшие, как будто обезвоженные. Джерри держался за голову и время от времени издавал низкий, дрожащий стон боли, который несколько напоминал Элайн мычание коровы. Его страдания слишком старателльно демонстрировались, его стоны слишком хорошо рассчитывались по времени, чтобы

принимать их за чистую монету. Бесс явно сжималась от страха, уверенная — как начинала понимать Элайн, — что Гордон на самом деле больше не Гордон, а перевоплотившийся дух Амелии Матерли. Конечно, тот же страх совершенно парализовал Джерри. Но он то ли стыдился это признать, то ли пытался совладать со своими страхами. Он воспользовался своей раной как предлогом для бездействия.

Гордон стоял между ними троими и дверью. Он прохаживался взад-вперед, не сводя с них глаз, гораздо более бдительный, чем Элайн могла бы ожидать от сумасшедшего.

Это он перерезал телефонный шнур.

Элайн была в бешенстве от пожилой четы. Их трое, а Гордон — один. Не будь Бесс и Джерри настолько охвачены суеверным страхом, они сумели бы одолеть его, несмотря на его размеры. Но она знала: ни тот, ни другая не сдвинутся с места, чтобы ей помочь, если она затеет противоборство.

— Ты просила объяснения, — начал Гордон.

Его лицо походило на экран, на который проецировалась петля пленки со сменяющими друг друга эмоциями: страх, радость, ненависть, зависть, сомнения, веселье, благоговейный ужас, любовь, недоверие, снова страх, снова радость, мало соотносившиеся с тем, что он говорил, и с тем, что выражали его черты. Он находился гораздо дальше на пути к безу-

мию, чем внизу, в гараже. Что-то связанное с его «объяснением» всколыхнуло глубинное зло внутри его и ввергло его в еще большие глубины маниакально-депрессивных перепадов. Безусловно, он убьет всех троих, когда дойдет до ручки. А начнет он с Элайн — единственной, кто способен оказать ему серьезное сопротивление.

— А у тебя есть объяснение, Гордон? — спросила она. Это было рискованно — подначить его. Но она знала: их единственный шанс в том, чтобы на «объяснение» ушло как можно больше времени. Возможно, никто их не хватится. Возможно, никто не наткнется на них. Но шансы возрастили с каждой минутой, которую они выгадывали.

— Я уже говорил тебе, что я не сумасшедший, — твердил он.

— Он не сумасшедший, — вставила Бесс. — Тут дело сложнее. Мы пытались рассказать вам, мисс Шерред, мы пытались рассказать вам, что тут дело сложнее.

— Книга, — вспомнила Элайн.

Бесс кивнула.

Элайн повернулась к Гордону:

— Объясни мне, почему ты делал все эти вещи и почему хотел убить и меня.

— Это началось сразу после того, как дедушка вернулся из больницы. — Его глаза, казалось, смотрели на нее и в то же время за

нее. — Какое-то время, пока мы готовили для тебя комнату, у нас тут работала одна частная сестра в дневное время и другая по ночам. — Он умолк, поерзал немного, снова и снова перекатывая нож в ладони, уставившись на кончик лезвия.

— Продолжай, — попросила она.

Он поднял взгляд, как будто уже забыл про них, и продолжил:

— Та комната прежде была детской.

— Моя комната? — переспросила девушка, начиная видеть взаимосвязь, тонкие нити между одним и другим событием.

— Да, — подтвердил Гордон. — Она была заперта на замок пятнадцать лет. Никто не бывал в этой комнате с тех пор, как полиция закончила с ней.

— Почему ее не переделали раньше?

— Отец не хотел входить в туда. Он из года в год говорил, что не в состоянии использовать ее для чего-нибудь, даже если она больше не будет выглядеть как детская. Вот она и стояла опечатанная.

Элайн подумала, что куда лучше было бы разломать мебель и немедленно переоборудовать детскую. Жить в этом доме пятнадцать лет, зная, что детская точно такая же, если не считать пыли, какой была в день убийства, — это измотало бы и ее нервы до предела. Каково же это было для детей, а особенно для мо-

лодого Гордона, — проходить мимо опечатанной двери и знать, что за ней стоят окровавленные колыбели?

А Гордон говорил:

— Когда тебя наняли и нам пришлось подготовить для тебя комнату, мы выбрали детскую. Отец изжил свой эмоциональный ужас. Ее открыли. Убрали мебель. Наняли плотников и штукатуров, чтобы заново все отремонтировать, и купили новую мебель, подходившую к основной обстановке в доме.

Элайн снова перебила его:

— Я не понимаю, какое это имеет отношение к Силии Тамлин. И ко мне. И ко всему, что ты сделал.

Гордон выставил вперед нож, как будто только что обнаружил эту вещь и хотел, чтобы они ее оценили.

— Колыбели были очень тяжелые, старинная мебель. Когда я передвигал одну из них, верхний набалдашник у одной из двух отлетел. Наверное, он расшатывался годами. Не знаю почему, но я наклонил колыбель и потряс ее, как будто думал, будто там может быть что-то спрятано. Кое-что было спрятано. Выпал нож.

Бесс застонала, а Джерри, похоже, привалился спиной к дивану, хотя по-прежнему держался за голову, как будто испытывал физические страдания.

Гордон продолжал:

— Когда я увидел его, то понял, что это означает...

Он не закончил, и Элайн пришлось спросить:

— И что это означало, Гордон? Я не понимаю тебя.

— Она вернулась, — сказал Гордон. Его рот скривился от боли, а глаза подернулись слезами. Это было подлинным чувством, не одной из тех бессмысленных гримас, которые, как прежде казалось, он был не в состоянии контролировать.

— Она?

Но Бесс и Джерри вдвоем смогли ответить на это.

— Амелия, — хором сказали они. — Ваша мама.

— Да, — согласился Гордон. — Я всегда помнил о том визите, который вы нанесли медиуму в Питтсбурге. Миссис Мозес — так ее звали. Вы столько раз мне это рассказывали, до тех пор пока отец не назвал все это вздором и не запретил впредь говорить об этом дальше. Когда я увидел этот нож, я понял, что миссис Мозес была права. Моя мать вернулась — через меня!

— О Боже, Боже! — выдохнула Элайн, потрясенная идиотизмом, бессмысленностью всего того, что произошло. Она посмотрела на Бесс, которая ответила ей взглядом, и на Джерри, ко-

торый этого не сделал, и выпалила: — Неужели вы не видите, что сделали с ним?

— Ничего, — отрезала Бесс. — Мы просветили его, вот и все. Мы научили его тому, чему не учат в школах, но что человек все-таки должен знать о жизни.

— Вы внушили ему эту идею, — бушевала Элайн. — Вы заронили зерно этой безумной мысли об одержимости духом!

Когда впервые увидела вычурную каменную кладку дома Матерли, она подумала, что он чересчур сложный, слишком экстравагантный и заумный для нее. Теперь она спрашивала себя, настолько ли дурацкие, декоративные и бесполезные жизни у людей, которые его населяют. И обнаружила, что они действительно таковы, искореженные и полные суеверий.

Гордон запротестовал:

— Тебе не в чем винить Бесс и Джерри. Они всего лишь рассказали мне то, о чем я и сам подозревал. Я не мог поверить, что моя мама покинула бы меня или сделала бы что-то такое — то, что она, возможно, сделала, — со мной. Я знал, что она не сделала бы мне ничего плохого — ничего такого, что она сделала с двойняшками. И я знал, что она не оставила бы меня, не объяснив мне этого. Деннис не выдержал удара. Деннис не мог заснуть по ночам, не хотел есть и впал в апатию. Отцу потребовались все его силы, чтобы вывести

брата из этого состояния. Со мной было по-другому. Я не мог в это поверить, мне было невыносимо слышать, как люди называют ее убийцей, и вот я пришел к пониманию того, что она ушла лишь на время. Миссис Мозес подтвердила мои подозрения. Я не плакал, как Деннис, и не переставал есть. Знаешь, — сказал он, внезапно повеселев, — я даже взял себе за правило каждый раз за едой подчищать тарелку до последней крошки. Я обрел внутреннюю силу — редкость для мальчика моего возраста, — силу мужчины. Я смог вынести это и обрел свой покой.

— Ты обрел не силу и не покой, — возразила Элайн. Она говорила мягко, сердечно, потому что сейчас искренне жалела его. — Ты лишь нашел предлог, чтобы убежать от реальности. Все эти мысли, что твоя мать вернется, что ее дух...

— Нет, — резко произнес он. — Именно моя неиссякаемая сила поддерживала меня все эти годы. Я нашел нож, а теперь во мне ее дух.

Элайн поняла, что нельзя винить только Джерри и Бесс в том, что произошло с маленьким мальчиком, из которого вырос этот сумасшедший. На них лежала только часть вины. Но следовало также винить и Амелию Матерли — как за ее генетические изъяны, так и, еще в большей степени, за то, как она воспитывала детей, и за кровавые воспомина-

ния, которые она им оставила. Некоторую вину также следовало возложить и на Ли Матерли с Джейкобом. Они видели, как Денис гибнет от воспоминаний о безумных поступках, и расточали на него свою ласку, врачивали его любовью, заботой и временем. В то же самое время на Гордона не обращали внимания, поскольку его болезненная реакция не была столь явной, как у брата. Его боли, сомнениям и смятению дали вырваться до тех пор, пока это не породило нездоровые фантазии. Сознание вины царило повсюду, нити густо переплелись между собой.

— Но почему ты пытался убить своего дедушку?

— Он испугал мою мать. Убегая от него, она споткнулась на ступеньках, упала и погибла. Иначе она была бы сегодня жива.

Ей нечего было сказать перед лицом таких безумных доводов. Он не стал бы ничего слушать. А если бы и стал, то ни за что не смог бы постичь мир, в котором его дедушка не виновен, лишь жертва обстоятельств. Взаимосвязь Гордона с действительностью нарушилась много лет назад и была безвозвратно уничтожена в тот момент, когда он нашел этот нож там, где по каким-то непостижимым причинам мать спрятала его.

— Но почему Силия? — вновь спросила она. Элайн была уверена, что объяснение бу-

дет таким же несуразным, как и все прочие, и все-таки ей нужно было узнать. К тому же следовало тянуть время как можно дольше.

— Она была женщиной, — пояснил Гордон.

Элайн вспомнила, что он прежде уже использовал этот предлог, как будто этого самого по себе было достаточно, чтобы все объяснить. Она задала следующий вопрос:

— Какое это имеет значение?

— Она была хорошенькой женщиной, — сказал Гордон. — Моей матери не нравились другие хорошенькие женщины. Она была красивой и в известной степени тщеславной. Я полагаю, ты бы сказала «тщеславной». Я предпочитаю думать, что она боялась, что какая-нибудь другая женщина, какая-нибудь более хорошенькая женщина может войти в нашу жизнь и отнять нас у нее. — Он вздохнул, как будто вспоминая красоту своей матери. — Силия была очень мила и собиралась здесь жить. А это не к добру. Мой отец так больше и не женился, хотя он знал женщин, многих женщин, за пределами этого дома. Не такой он был дурак, чтобы привести сюда хорошенькую женщину; он знал — матери не понравится, что он снова женат и привел жену в этот дом. Деннису следовало хорошоенько подумать, прежде чем приглашать сюда Силию. — Он снова стал раскачиваться, и слезы снова выступили у него на глазах. Он посмотрел на Элайн и сказал: — А потом ты.

Ты хочешь отнять всех у нее, заставить их забыть, какая она была прелестная. Ты совсем как Силия.

«Спокойно, — говорила себе Элайн. — У тебя не будет шанса, если ты потеряешь свое хладнокровие. Успокойся, думай! Думай!»

Джерри снова схватился за голову и наклонился вперед на диване. Он простонал еще жалобнее, но так же фальшиво, как и прежде, как будто хотел ясно дать ей понять, что, когда Гордону вздумается броситься на нее, он не окажет никакой помощи.

Но она это уже знала. Она больше не испытывала к старику ненависти за его трусливое поведение. Жизнь, полная суеверий, не подготовила его к тому, чтобы выступить героем.

Ее единственной надеждой было на какое-то время отвлечь внимание Гордона от себя. Она заговорила:

— Если Амелия Матерли так волновалась, что может потерять свою семью из-за другой женщины, почему она убила своих собственных детей? — Элайн обращалась не к кому-то конкретному в надежде, что такая неопределенность подхода сможет отчасти сгладить оструту вопроса.

Но Гордон, похоже, не считал, что в нем есть какая-то острота. Он ровным голосом сказал:

— Двойняшки были маленькими девочками, не так ли? Им предстояло стать женщинами, не так ли?

Элайн содрогнулась от ужаса и забралась поглубже в кресло, чуть ли не надеясь, что оно совершенно ее скроет. Такое холодное изложение столь злобной идеи возродило худшие из ее страхов. В комнате повеяло стужей, и это в середине июня. Наверняка снаружи шел снег и с крыши свисали сосульки.

Она произнесла не без некоторого усилия:

— И ты искренне веришь, что это было для нее достаточной причиной, чтобы убить их? Неважели обычной ревности было достаточно... Нет, не обычной ревности, а сумасшедшей ревности, безрассудной ревности, которая...

— Она была моей матерью. Она вернулась ко мне, поселилась во мне и со мной останется. Мне все равно. Мне все равно, какие у нее были причины, и мне незачем ее судить.

— Почему ты убил Бобо? — спросила она.

Это, казалось, заинтересовало Джерри и Бесс больше, чем что-либо другое из уже сказанного.

Гордон заколебался и растерянно оглянулся. Но через какой-то миг оправился при помощи этой своей внутренней силы:

— Вначале я думал, что только лишь потому, что мне стал нравиться вид крови. Я колол его снова и снова. Он подошел ко мне,

чтобы я его приласкал. Я схватил его за шею и всадил в спину нож. Это было замечательно! — Он забылся на какое-то время при воспоминании об этом величайшем моменте. — Но позже я понял, что дело было не только в этом. Я не мог быть охвачен жаждой крови, побуждением кого-то убить в чистом виде. Я иного склада. Я слишком разумен и методичен для этого. Потом я понял, что Бобо не просто кот, а домочадец, в которого вселился дух другой умершей женщины. Он собирался ставить мне палки в колеса в том, что касалось моих обязанностей перед матерью, расстроить то, чего она пыталась достичь через меня.

— Это только предлог, — вставила Элайн. — Неужели ты этого не видишь? На самом деле ты убил Бобо, потому что тебе нравился вид крови. Но позднее ты не мог жить с мыслью об этом. Поэтому ты создал другую фантазию о коте, наделенном человеческим духом.

— Это не было фантазией, — упорствовал он.

— А почему ты убил капитана Ранда? Ради забавы? — Теперь она нажала на него как следует. Она надеялась, что он не сорвется.

— Конечно нет, — хмыкнул он. Но по мелькнувшему на его перекошенном лице странному, дегенеративному веселью Элайн стало ясно, что и то убийство было не лишено для него определенной увлекательности. — Ранд наблюдал за домом. Ему явно кто-то позвонил и дал ка-

кую-то наводку. Я не мог рисковать, оставив его в живых. И так было чудом, что он до тех пор не заметил меня; ведь если бы я попытался вернуться в дом, то наверняка попался бы ему на глаза.

Бесс, выведенная из странного ступора, в который она погрузилась — не считая нескольких коротких спорадических замечаний, — как только Гордон ворвался в квартиру, вмешалась в речь маньяка:

— Гордон, вы уже видели дух своей матери? Она, вообще, являлась вам?

— Нет, — ответил он. — Ей и не обязательно. Она здесь, внутри меня, все время со мной.

— И вы не видели никакого намека на нее, до того как она в вас вселилась?

— Нет.

— Жаль.

— Она — внутри меня, — повторил Гордон.

— Мне было интересно, как она выглядит, — вздохнула Бесс.

— Возможно, я ее еще увижу, — сказал Гордон.

— Увидите, — пообещал Джерри. — Несомненно! Она придет к вам, как дымка, вся прозрачная и смутно различимая.

Элайн предоставила им дальше нести околосицу. Ни Джерри, ни Бесс ничего не имели против Гордона. Для них он был беспомощным орудием духа, марионеткой невидимого

хозяина. Тема и их отношение к ней поразили Элайн как почти неприличные в свете куда более реального кошмара — психической ненормальности Гордона. Хотя эта глупая болтовня отвлекала его от того, чтобы пустить в ход свой нож...

Но потом даже эта линия разговора себя исчерпала, и все они умолкли. Никто не находил что сказать. Все происходившее до этого момента напоминало короткую пьесу, и теперь разыгрывалась последняя сцена. Занавес должен был упасть, и все они ждали, когда кто-нибудь потянет за веревку.

Гордон поднял нож и сделал шаг к Элайн.

Она выпрыгнула из кресла. Нет уж, голыми руками он ее не возьмет. Если ей и суждено умереть, она тоже нанесет ему хоть какой-то урон, расцарапает лицо, доберется до его глаз, чего угодно, лишь бы дать ему знать, что он вонзил свой нож в живое существо, а не в какую-то марионетку-жертву, у которой нет другого выбора, кроме как умереть.

— Тебе вообще не стоило приходить в этот дом, — сказал он.

Снова он говорил не своим голосом — голосом скорее женским, чем мужским. Бесс ахнула и заставила затихнуть стонущего Джерри, чтобы лучше уловить это новое преображение, как будто оно имело огромную важность.

— Ты не получишь мою семью, ты не сможешь украсть их у меня, — сипел Гордон, его голос взвился еще выше, меняя интонацию.

Он поднял нож и сделал еще один шаг.

И тут окно на входной двери разбилось вдребезги, со звоном обдав осколками стекла стоявшую поблизости мебель.

В какой-то момент Элайн отказывалась верить в случившееся. Звук бьющегося стекла эхом отдался у нее в мозгу, и она в отчаянии уцепилась за него, потому что это дарило надежду. Ей ничего не было видно за Гордоном, и она не знала наверняка — реальность ли этот звук или плод ее воображения, уловка ее сознания для того, чтобы смягчить внезапность смерти, которая скоро примет ее в свои объятия. Потом она увидела, что Бесс и Джерри тоже смотрят в сторону двери, а Гордон перестал наступать на нее и резко повернулся, чтобы посмотреть, кто к ним рвется.

В разбитое окно просунулась рука, отыскала замок, открыла его и толкнула дверь внутрь.

Деннис Матерли стоял в обрамлении солнечного света, его лицо застыло в маске ужаса, но также и решительности.

— Положи нож, Гордон, — приказал он.

Но Гордон отказался:

— Нет.

Глава 20

Деннис вошел в комнату; битое стекло хрустело и крошилось у него под ногами. Элайн не знала — то ли это просто ее сознание выкидывает трюки, то ли увиденное не замутнено ее эмоциями, — но Деннис выглядел мужественнее, выше, крепче и гораздо внушительнее, чем она его помнила. В своей рабочей рубашке и джинсах он скорее сошел бы за рабочего, чем за художника.

— Уходи, Деннис, — сказал Гордон.

— Ты же знаешь — я не могу.

Элайн спросила себя, может ли она что-то сделать теперь, когда внимание Гордона отвлечено. Не побежать ли ей? Не попытаться ли ей поднять тяжелую стеклянную пепельницу и ударить его? Нет, все это было бы чесчур мелодраматично. Подобные штуки срабатывают только в кино. Она просто подождет и посмотрит...

— Тебя это не касается, — бросил Гордон своему брату. — Не подходи.

Элайн одновременно удивилась и обрадовалась, увидев, что Деннис проигнорировал угрозу и взмахи ножом. Как она могла настолько в нем ошибаться?

— Я убью тебя, — сказал Гордон.

— Нет, не убьешь, Гордон. Отдай нож.

Если ей нельзя двинуться с места, то, по крайней мере, она способна говорить. По крайней мере, она способна предупредить его.

— Деннис, — вмешалась Элайн, — поверь ему. Он убьет тебя. Он думает, что одержим призраком вашей матери.

Деннис не стал оспаривать то, что она сказала, даже не приподнял брови, хотя она была уверена: эта новость его озадачила. Очевидно, ум его был живым и восприимчивым, а отнюдь не легкомысленным. А может быть, восприимчивость ума как раз и вырабатывается при знакомстве со всеми гранями легкомыслия...

— Она права, — добавил Гордон. — Мама вернулась, и вернулась только ко мне, потому что я — тот, кто ждал ее и нуждался в ней все эти годы.

Деннис взял с сиденья старого кресла-качалки толстую сувенирную подушку и выставил ее перед собой, как щит. Он собирался отобрать нож у Гордона.

Элайн поняла, что крупное телосложение Денниса будет компенсировано фанатической энергией его брата. Она сделала последнюю попытку убедить Гордона не убивать своего старшего брата. Чтобы добиться этого, ей пришлось использовать патологическую логику самого сумасшедшего.

— Гордон, твоя мать хотела, чтобы ты уничтожал только женщин — женщин, которые пытаются отнять у нее семью.

И, сказав это, она почувствовала слабость, почувствовала себя совершенно одинокой, маленькой и слабой в средоточии безумных сил.

Гордон произнес, не сводя глаз с Денниса:

— Он пытается помешать мне разделаться с тобой. Мама хочет, чтобы я разделался с ним. Она много раз мне это говорила. Она не перестанет изводить меня, пока я не разделаюсь с тобой.

Элайн вспомнила, как выглядела Силия, когда Гордон разделался с ней, и почувствовала, как тепло уходит из ее тела. Она была холодной, неописуемо холодной, зубцом льда.

— Твоя мать никогда не перестанет изводить тебя, если ты убьешь своего брата. Нежели ты не видишь, что отнимаешь у нее ее семью — делаешь как раз то, чему она пытается помешать.

Этот аргумент оказал ожидаемое воздействие на Гордона. Он опустил нож, которым до этого метил в брата, и лицо его исказилось от муки, когда он попытался разгадать свой путь в лабиринте «обязанностей» в отношении Амелии.

Запыхавшаяся Элайн все глубже вдавалась в эту любительскую, но эффективную психологию?

— Твоя мать захотела бы, если уж дело дойдет до столкновения интересов, чтобы ты в первую очередь защищал ее семью. Твоя мать приказала бы тебе отпустить всех — а потом, впоследствии, позаботиться обо мне.

Пожилая чета на диване глядела на Элайн в изумлении, как будто они не понимали, что она лжет, как будто они думали, что она приняла теорию переселения душ.

— Брось нож, — повторил Деннис.

Гордон посмотрел на нож.

Деннис подступил к нему, по-прежнему используя подушку как щит:

— Нож... мама предназначила его мне... чтобы я им... для того, чтобы...

— Брось его! — крикнула Элайн.

Похоже, это послужило детонатором, последней командой, которая побудила его взорваться. Гордон без предупреждения резко повернулся и прыгнул на Элайн. Он занес поблескивающее оружие высоко над головой и направил ей в грудь, зайдясь в торжествующем крике.

Элайн отпрянула назад, скорее инстинктивно, чем по-настоящему понимая, как близка она от смерти. Но кресло заставило ее остановиться, преградило ей путь к бегству. Весь мир, казалось, заледенел, стал таким же холодным и ноющим, как и она сама, — за исключением ножа. Посреди всего этого инея, по-

среди льда и холода нож был сверкающим ланцетом, прорубавшимся к ней по мере того, как иней вокруг него таял. Ей предстояло умереть.

В тот же самый момент Деннис отбросил подушку, которую держал в руках, дотянулся до запястья Гордона и остановил быстрое движение смертоносного оружия.

Гордон набросился на своего брата, его лицо побагровело от притока крови, глаза были широко распахнуты, рот открыт в яростной ухмылке.

— Позовите на помощь! — крикнула Элайн пожилой чете.

Они тупо уставились на нее; Джерри, казалось, забыл про свою рану на голове.

— Позовите Пола!

Упоминание имени брата Амелии сняло заклятие. Джерри встал, торопливо пересек комнату и исчез в открытой двери. Только бы Пол не был пьян и не мучился тяжким похмельем!

Несмотря на то, что он был физически менее развит, Гордон в конце концов вырвал нож и вскользь полоснул Денни по бицепсу, когда тот отступил от своего брата. По руке Денниса потекла кровь.

Элайн подобрала пепельницу, ощутила ее холодную тяжесть. На самом деле она не думала, что сумеет ею воспользоваться. Она — медсестра, привыкшая лечить, а не наносить

раны. «О Господи, если мне придется ею воспользоваться, дай мне силы!»

Когда Деннис снова подступил к брату, оставляя за собой след из алых капель, Гордон снова ударил. Деннис сделал обманный выпад справа, шагнул вперед, уклонившись от удара, и двумя руками схватил кулак с ножом, стараясь заломить запястье назад, чтобы Гордону пришлось бросить нож.

Элайн, обучаясь на медсестру, видела много крови, много глубоких ран. Но вид крови Денниса выходил за рамки ее опыта. Она была опустошена. Она не хотела, чтобы он умирал. Как она хотела, чтобы он остался жить! И может быть, тогда она сможет искупить вину за то, что думала о нем такие ужасные вещи.

Гордон воспользовался своей свободной рукой, чтобы нещадно колотить Денни по голове. Он пустил брату кровь из носу и разбил ему губу. Судя по виду, Деннис уже устал и был не способен продержаться долго...

Но вдруг, в один миг, шансы поменялись. Запястье Гордона хрустнуло под нажимом рук Денниса. Он завыл, выронил нож и отскочил от брата, ухватившись за сломанное запястье. Он выглядел диким, бледным, как просеянная мука, рот зиял черной дырой на лице.

Деннис ногой оттолкнул нож в противоположный конец комнаты и сказал поразительно мягко:

— Садись, Гордон. Ты ранен.

В какой-то момент Гордон смотрел так, как будто он, невзирая на свою рану, сделает еще одну, последнюю попытку добраться до оружия. Потом, как будто его ударили большим молотком, привалился боком к креслу, в котором Элайн сидела всего несколько минут назад. Она думала, что он убьет ее. А теперь он ни за что этого не сделает.

— Я не хотел тебя убивать, — сказал Гордон брату.

— Не говори об этом.

— Ты любишь меня? — спросил Гордон.

Деннис выглядел усталым, но не злым.

— Ты — мой брат. Я очень тебя люблю.

Гордон Матерли, поддерживая сломанное запястье здоровой рукой, наклонял голову до тех пор, пока не опустился подбородком на грудь и не расплакался.

Элайн смотрела, как Деннис прошел по комнате и подобрал нож. Он глянул на него так, словно не знал, что это такое. Девушка подошла к нему, чувствуя незнакомое сильное влечение, — потому что он обладал невероятно сильным мужским началом, был храбрее любого мужчины, которого ей прежде доводилось видеть, — и попросила:

— Дайте мне взглянуть на вашу руку.

— Она в порядке.

— Мы должны остерегаться инфекции, —
пояснила она.

Он спросил:

— Почему прошлой ночью вы не рассказа-
ли мне, кого подозреваете?

Элайн покраснела, посмотрела на повер-
женного Гордона. И призналась:

— Я не думала, что это он. — А потом вы-
палила: — Я думала, что, возможно, это вы! —
Она знала: рано или поздно это придется ему
рассказать. А она никогда не тянула с призна-
нием своих ошибок.

Деннис недоверчиво уставился на нее. Элайн уже молила в душе, чтобы он ее не
возненавидел, когда он расхохотался. Этот
смех, пусть и напряженный, нервный, был
все-таки лучше, чем возмущение, которого
она ожидала.

Когда же он совладал с собой, то сказал:

— Отец говорил мне, что кто-то пытался
взломать замок на вашей двери. Когда я обна-
ружил, что вы звоните в полицию, то понял,
что вы встревожены не на шутку. Я разыскал
Ранда через полчаса после того, как вы ушли
спать, и рассказал ему то, что вы говорили
отцу. Он пообещал приехать и осмотреться на
месте.

— Он так и сделал, — прошептала Элайн,
содрогаясь. Она вспомнила, какую цену Ранд
заплатил за свое усердие.

— Я знаю. Я нашел его тело как раз перед тем, как пришел сюда.

— Откуда вы узнали, где искать?

Он объяснил:

— Я сидел в своей мастерской, у окна, и видел, как вы с Гордоном выходите из гаража. Вы шли так скованно и так странно себя вели, что я был заинтригован. К тому же я не забыл вашего страха относительно того, что убийца — один из нас. Гордон всегда был странным, жадным до работы, трезвым, серьезным, неохотно отдыхал. Когда я увидел вас вдвоем, то заподозрил самое худшее. Я пошел к гаражу посмотреть, что случилось, — и нашел Ранда.

— Вы спасли мне жизнь, — выдохнула Элайн. Она опять почувствовала себя женщиной, маленькой и хрупкой в могучей тени мужчины.

— Вы спасли жизнь нам всем, — возразил он. — Вы были единственной из нас, кто не закрывал глаза на весьма неприятные факты. Мы очень вам обязаны.

В этот момент в дверь ворвался Пол Хоннекер.

Элайн сказала ему:

— Вызовите «скорую помощь», Пол. Полицию. И Ли.

Явно потрясенный тем, что увидел, Пол отозвался:

— Сию же минуту! — Загромыхал вниз по лестнице и в следующий момент исчез.

Когда они снова подошли к Гордону, он посмотрел на них и скривил губы, выражая глубокую ненависть. У Элайн снова мороз пробежал по коже.

Гордон произнес:

— Деннис, ты отдашь мне этот нож. — Его голос снова повысился и зазвучал совсем поженски.

— Это Амелия, — провозгласила Бесс и откинулась на спинку дивана.

— Деннис, — причитал Гордон, — твоя мать велит тебе отдать нож! — Голос у него был определенно женский, почти женственный, привлекательный, но при этом таивший в себе ненависть.

— Вы не верили, что она вернулась, чтобы вселиться в него, — торжествовала Бесс. — Но теперь вы слышите, что это правда!

Глава 21

Элайн стояла у сосен, в прохладе тонких теней, прижав к ушам маленькие ладони. Деннис стоял возле нее, попеременно наблюдая то за лужайкой, где работала строительная бригада, то за ее лицом, когда она выжидающе защмуривалась. Он посмеивался над ней, хотя и

беззлобно, — из-за этого ей хотелось, чтобы взрыв миновал и она могла бы убрать руки от ушей и сплести с ним свои пальцы.

«Я так сильно изменилась за такое короткое время», — подумала она. Было время, когда гроза или громкие шумы не причиняли ей беспокойства. Но это было до того, как у нее появился человек, на которого она могла положиться. Это было, когда она была одинока.

Когда раздался взрыв, он оказался тише, сильнее приглушенный землей, чем она ожидала. Девушка почувствовала, как задрожала почва, увидела комья земли, взметнувшиеся в небо над котлованом, увидела гранитную крошку, отброшенную в голубое небо и с треском посыпавшуюся обратно.

Джерри и Бесс стояли прямо за спиной у Джейкоба Матерли, там, где старик сидел в своем инвалидном кресле, наблюдая за подрывными работами. Поначалу Элайн удивилась, что никто не винит пожилую чету с ее суевериями в том, что случилось с Гордоном. Но спустя две недели после того, как Деннис усмирил своего брата и покончил с их общим кошмаром, она пришла к пониманию того, что никого нельзя винить в стечении обстоятельств, которое ввергло Гордона в столь долгое таинственное сумасшествие. И Джерри и Бесс были по происхождению голландцами из Пенсильвании, выросшими в домах, где в каждой

комнате на стене висел Химмельсбриф в рамке и по каждому случаю обращались к особым заклинаниям. Они искренне верили во всю эту оккультную чепуху. С таким же успехом можно было бы попытаться взвалить всю вину на Ли, или Джейкоба (за их невнимание к Гордону ввиду того, что потребность Дениса в утешении была более очевидна), или в первую очередь на Амелию Матерли за то, что она была сумасшедшей (состояние, которое на самом деле от нее не зависело). Джерри и Бесс предстояло жить со своей виной, и это было достаточным наказанием.

К тому же к этому времени они наверняка поняли, что Гордон не был одержим. Он, по словам докторов, был шизофреником в крайней стадии. Он действительно отождествлял себя со своей матерью. Более того, теперь он лишь в редкие моменты просветления вспоминал свое подлинное имя и свое положение. Хотя доктора не говорили об этом впрямую, но было похоже, что Гордону придется провести в больнице для умалищенных всю оставшуюся жизнь.

— Сейчас повторится, — сказала Силия Тамлин, робко пробираясь к Элайн. Она была очень красива, несмотря на свои бинты, но больше не вызывала у Элайн ни ревности, ни неприязни. «Потому что, — подумала Элайн, — теперь я знаю, что я тоже хоро-

шенькая. И знаю, что легкомыслie не такая уж ужасная вещь».

Второй взрыв был сильнее первого. Элайн порадовалась, что зажала уши.

— Ну вот, — сказал Ли. Он похлопал по плечу Пола Хоннекера. — Через две недели на месте этой уродливой воронки появится овальный бассейн с голубым дном. — Судя по голосу, он испытывал облегчение, как будто динамит не только выбил в земле воронку, но и уничтожил последние следы ужасной истории дома Матерли.

— Давайте посмотрим, как работают маляры, — предложила Силия. — Мне до смерти хочется их спровадить и постелить ковры, а потом сотворить с внутренностями этой темницы что-нибудь по-настоящему фантастическое!

— Она была темницей, — возразил Пол. — А теперь уже нет.

— Вот подождите, вы еще увидите разницу! — стояла на своем Силия, направляясь к дому. Остальные в большинстве своем последовали за ней.

— Мы все так хорошо отдохнули, — улыбнулась Элайн. — Даже Джейкоб, несмотря на свое состояние, выглядит здоровее.

Деннис взял ее за руку:

— Моя семья хотела прийти в себя на протяжении пятнадцати лет, но не знала как.

Нам пришлось открыть глаза на кое-какие истини, а потом произвести перемены к лучшему. Косметический ремонт в доме очень помогает, ты не думаешь? Поверь, с каждой комнатой, в которой они сдирают обои, с каждой комнатой, которую они раскрашивают в эти веселые цвета, подобранные Силией, я чувствую, что еще чуть-чуть боли ушло. Как будто боль можно закрасить или оборвать, как обои. Глупо, правда?

— Не так уж глупо, — запротестовала Элайн.

Ветер теребил ее волосы и полоскал хлопчатобумажную юбку. Она внезапно осознала, что на ней короткая юбка и сине-желтая яркая блузка, шейный платок с блестками, босоножки с тонкими ремешками — одежда, которую она ни за что не выбрала бы для себя, если бы Дени, делая покупки на прошлой неделе, не упорствовал, что это как раз то, что ей нужно. Она улыбнулась ему, ветру, всему. Легкомыслie может быть замечательным!

Ее одинокое детство, сиротский приют, бедность действовали заодно, исказив ее взгляды на жизнь. Она излишне ценила серьезность и простоту. Таким же образом она придавала слишком мало ценности веселью. Жизнь должна быть смесью торжественного и веселого. И чем больше веселья, тем лучше. Какой прок

от жизни, если ею нельзя наслаждаться? Денинис безмерно наслаждался. Да и Джейкоб теперь, когда освободился от своих ужасных подозрений по поводу убийцы в доме, тоже понимал толк в жизни. Они вместе начинали делиться с ней толикой этой радости.

Неделю назад она не была способна разглядеть какую-либо ценность в занятии художника. Теперь она смотрела на это как на стоящее дело — во всех отношениях.

Неделю назад она не доверяла легкомысленному человеку и считала надежными тех, кто склонен к трезвости. Теперь она увидела, что жизнь куда более сложна, а судить о людях труднее.

Ей действительно не терпелось посмотреть, что за фантастические вещи Силия станет вытворять с этими душными комнатами!

У нее самой была душная старая комната. Но события прошлой недели отворили дверь. А Денинис, замечательный Денинис, распахнул эту дверь настежь и впустил глоток свежего воздуха.

Когда они прошли к дому — дому, которого она больше не боялась, дому, преображеному взрывами и покраской комнат, дому, охваченному фантазией Силии, в котором некогда обитал страх, но который теперь в той же степени наполнится радостью и доброжелательностью, над которым им предсто-

яло потрудиться, чтобы сделать домом жизни и любви, — когда они шли к этому дому, Денни взялся за ее руку крепче, чем прежде, и спросил:

— О чем ты думаешь?

— О будущем, — сказала Элайн.

И когда они приблизились к дому, она уви-
дела, что окна широко раскрыли, чтобы вывет-
рился запах краски — и страдания.

— Не тревожься насчет завтра, — сказал
Денни. — Наслаждайся сегодняшним днем,
Элайн. Это само по себе большое дости-
жение.

— О, — засмеялась она, — я не тревожусь
насчет завтра. Я с нетерпением его жду!

К91 **Кунц Дин**
Наследие страха: Роман / Пер. с англ.
П.В. Рубцова. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2004. — 250 с.

ISBN 5-9524-0755-2

Медсестра Элайн Шерред нанимается в усадьбу Матерли ухаживать за парализованным главой богатого семейства. Зловещая тень лежит на особняке и его обитателях: случайно Элайн узнает, что пятнадцать лет назад сумасшедшая из рода Матерли со зверской жестокостью убила своих детей и покончила с собой. Спустя годы неприкаянный дух убийцы возвращается в усадьбу.

**УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)**

Литературно-художественное издание

Дин Кунц
НАСЛЕДИЕ СТРАХА

Роман

Ответственный за выпуск *Р.Ш. Ахунов*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Изд. лиц. № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 10.12.2003
Формат 70x90¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 9,01
Доп. тираж 9000 экз. Заказ № 5451

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЭЛИН

Наследие страха

Медсестра Элайн Шерред напяллась в особняк Матерли ухаживать за парализованным богатым стариком. Случайно девушка узнает, что у обитателей этого дома дурная наследственность: здесь, пятнадцать лет назад, погибла лишившаяся разума женщина из рода Матерли, перед этим безжалостно уничтожив своих детей. С тех пор особняк наполнен безумием и страхом — внук Матерли рисует портреты сумасшедших, а сам старик уверяет, что по ночам видит человека с ножом в руках. Элайн не верит ему до тех пор, пока сама не сталкивается с новым преступлением...

ISBN 5-9524-0755-2

9 785952 407558

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ